

В
3
Т
П
Я
А
С
Д
Н
Н
М
Н
Н
Д
Н
К
А

ГАЛИНА ДИЦМАН

МОСКВА 2010

ГАЛИНА ДИЦМАН

В
З
Г
Л
Я
А
С

П

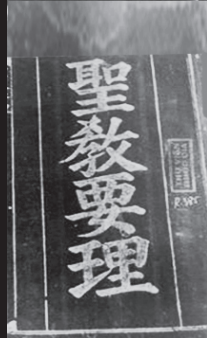
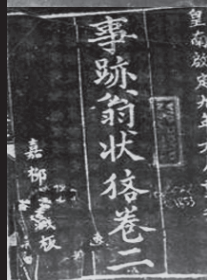
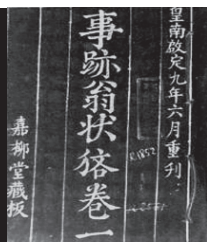
М

Н
Д

П

К

МОСКВА 2010

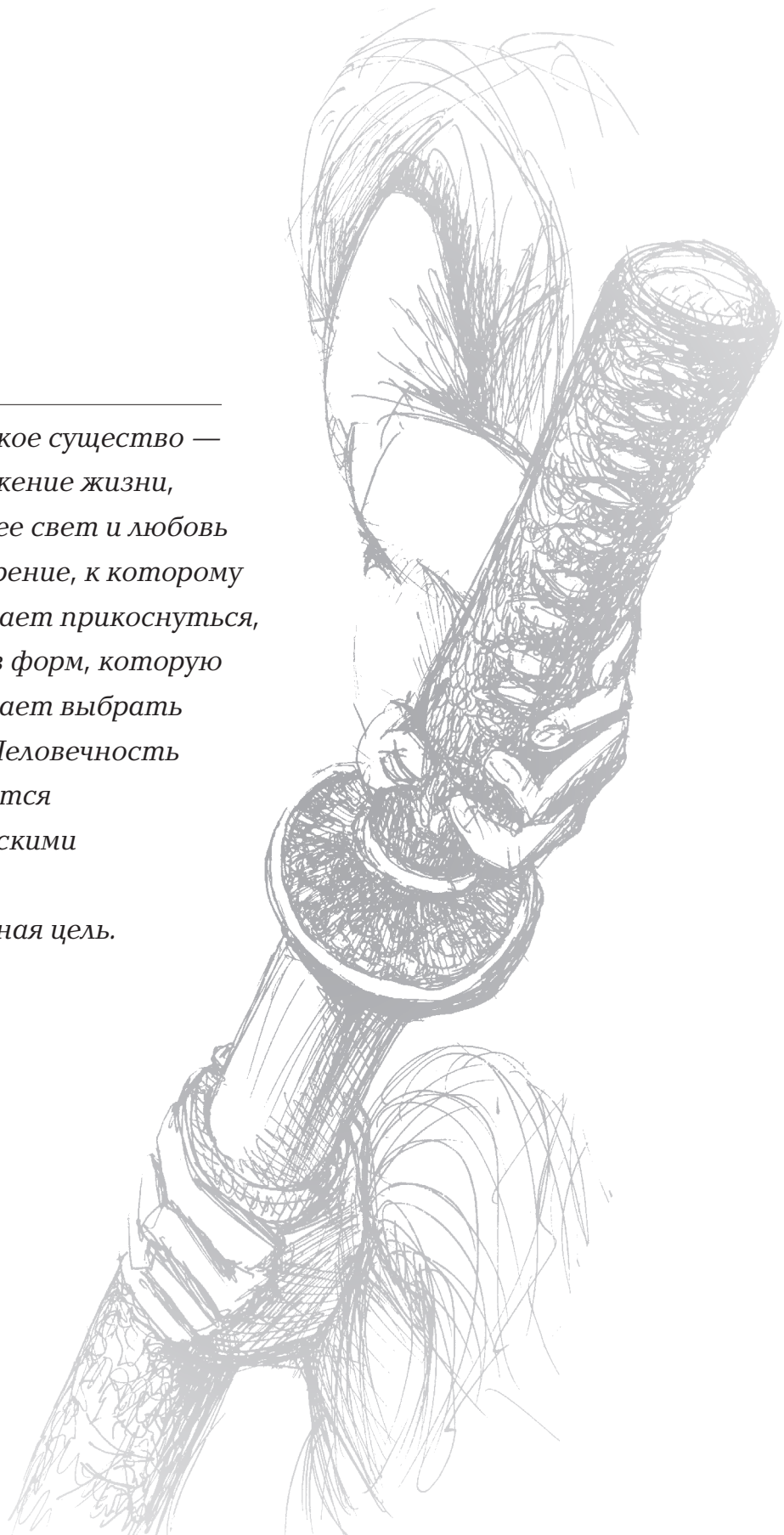
ГАЛИНА ДИЦМАН@
Взгляд Саламандры

РЕДАКТОР Светлана Заикина
КОРРЕКТОР Елена Вилкова
ИЛЛЮСТРАЦИИ
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА Галина Дицман@

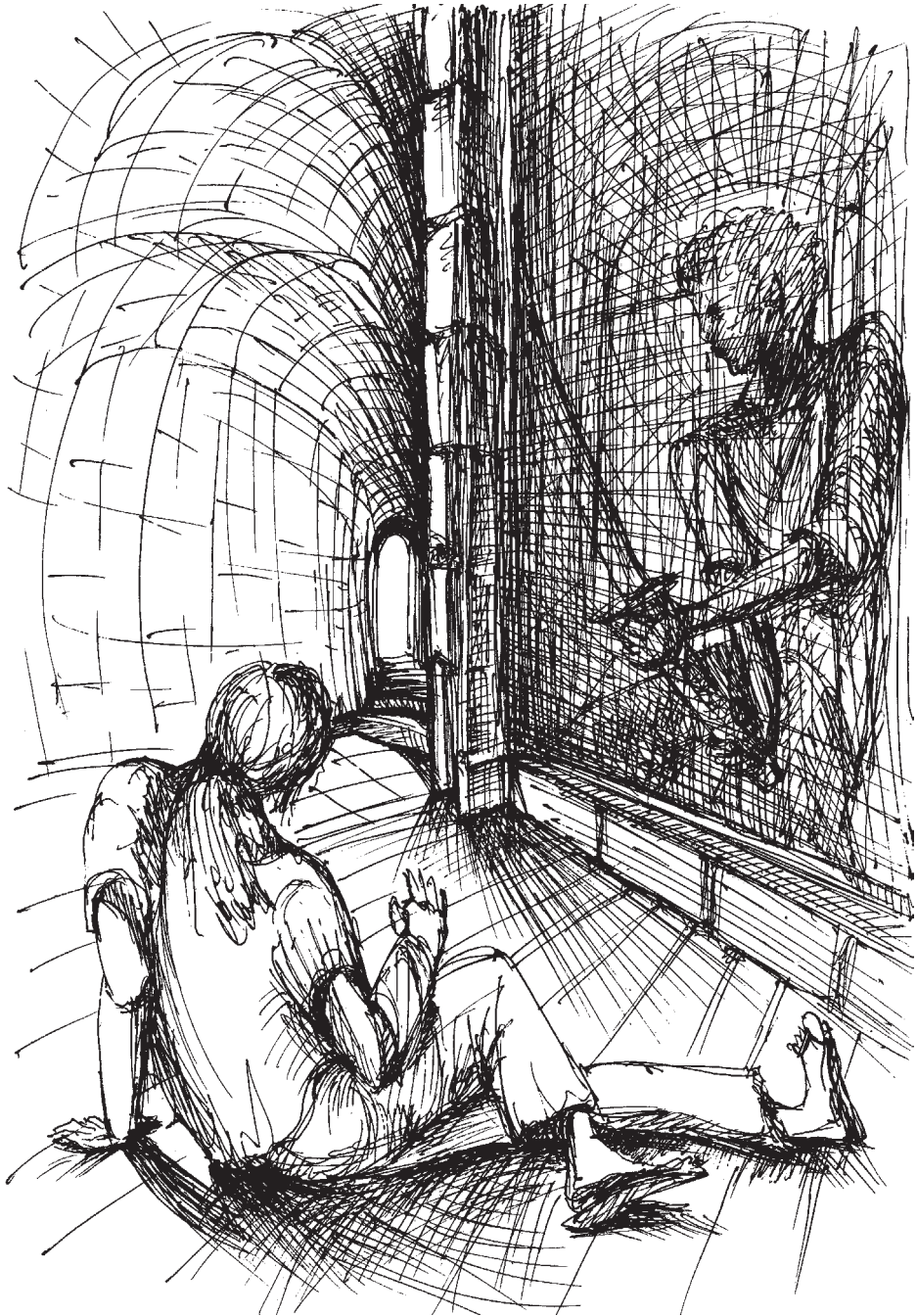
Отпечатано с готового оригинал-макета
по заказу ИП Чибисов К.Е
в ООО «Формула Печати»
г. Москва, 121170, ул.Поклонная, 15
WWW.PRINT-FORMULA.RU

*Человеческое существо —
это выражение жизни,
приносящее свет и любовь
в то измерение, к которому
оно пожелает прикоснуться,
в любой из форм, которую
оно пожелает выбрать
для себя. Человечность
определяется
не физическими
законами,
это духовная цель.*

РИЧАРД БАХ

ЧАСТЬ I

*Я не то что схожу с ума,
но устал за лето...*
ИОСИФ БРОДСКИЙ

глава 1

Жила-была девочка. Жила и не заметила, как превратилась в тетку. Обыкновенную тетку, от одного вида которых ее саму в двадцать лет трясло. И было у нее:

какое-то образование,
какая-то работа,
двое взрослых детей,
внуки,
целлюлит и куча проблем.

А не было у нее:
никакого мужа,
никакой талии
и никаких радостей в жизни.

Здоровье, вероятно, частично оставалось, хотя положенные к этому возрасту хвори присутствовали: спина не гнулась, голова постоянно болела без всякого повода, есть-пить что попало не получалось, но дело было вовсе не в состоянии здоровья, а в выражении лица.

Шла она по московской улице в солнечный осенний день и думала: отчего же мне так тошно? Отчего я всегда делала то, что нужно моим родным и близким, а в результате сама никому не нужна и в зеркало по утрам глядеть противно? А ведь учили, что «жизнь дается человеку только один раз» и все такое, как говорил один Островский. Короче, «отчего люди не летают», как говорил другой Островский.

Навстречу попадались хорошенькие молодые мамы с детьми, но и это сегодня наводило Машу (конечно, ее звали Машей, как девочку из настоящей сказки) на грустные размышления. О взрослых детях, которые не так управлялись со своей взрослой жизнью, о внуках, которых взрослые дети не так воспитывали, не спрашивая ее советов. Она-то все знала про воспитание детей — еще бы, одна двоих поднимала. А теперь они лишний раз и не позвонят...

Если по-честному, то сначала у Маши был муж — как положено, интеллигентный и порядочный. Он подождал, пока дети чуть-чуть подросли, и, помучившись для приличия, поменял Машу на более молодую женщину, которая так же быстро родила ему двух детей и так же быстро превратилась в тетку с сумками. Вероятно, только глубоко порядочные мужчины владеют волшебным искусством превращать своих молодых прекрасных жен в теток с сумками.

Поначалу Машу поддерживали, как могли, родители, которых очень давно не было на свете. Впоследствии Маша на них заочно обижалась за то, что делали все не так: и сами не слишком разумно жили, и не то образование ей дали, и родили ее поздно, и покинули рано. Хотелось Маше закричать: «Мама, папа, зачем вы меня одну оставили? Мне тут грустно, скучно и одиноко...»

Короче говоря, шла девочка Маша по тихой улочке из булочной, обиженная на всех и потерянная для мирового эволюционного процесса, не радуясь бабьему лету. Протолкалась сквозь стайку школьников, вспомнила, как бегала с одноклассниками в тот же парк поблизости гулять после уроков, — и окончательно поняла: это было тридцать пять лет назад, жизнь прошла, впереди тоска, климакс и болезни. Все жанры хороши, кроме скучного. Что поделать, если ты задержалась в этом жанре и не можешь сменить ампулу?

Однако заскучать Маше не дали.

— Машенька, деточка! — окликнул ее женский голос. Неистребимый местечковый говор Маша узнала бы из тысячи: соседка по лестничной площадке, Раиса Ефимовна. Белорусская партизанка, ветеран всего, чего можно, в прошлом году сломала шейку бедра и теперь наблюдала жизнь через окно. В девяносто с гаком тело подводило ее, но ум был по-прежнему здоровым, а глаз — зорким. Раиса Ефимовна помнила ее родителей, была свидетелем нехитрой Машинной жизни и поддерживала как могла: советом, твердым партизанским словом и неустрашимым еврейским оптимизмом. Своих детей у соседки не было, многочисленная родня давно обосновалась в Калифорнии или Хайфе. Маша и ее дети стали для Раисы Ефимовны почти родственниками, она подкидывала им мелкие презенты из Америки или Израиля, по праздникам пекла угощения, выручала Машу в трудные времена, а Маша, в свою очередь, помогала ей. И только для нее одной в целом мире Маша по-прежнему была деточкой...

Сейчас она махала Маше из окна:

— Машенька! Из ЖЭКа звонили, ты кого-то заливаешь. Аварийка ждет.

Если выпадет тебе свободный день, как обойтись без аварийки? Ей стало неудобно за то, что в квартире не слишком прибрано: вчера она пришла с работы очень поздно и еле-еле заставила себя вымыть посуду. Впрочем, аварийку придется впустить.

Суровые мастера в оранжевых касках долго бродили по квартире, разыскивая предполагаемую утечку. К счастью, они хоть и оказались немосквичами, но по-русски говорили прилично. Особенно усердствовал один, пониже ростом, с характерными азиатскими чертами. Он долго допытывался у Маши, давно ли она именно тут живет.

— Всю жизнь, — огрызалась Маша. Про себя удивлялась — за землячку, что ли, принял?

В детстве ее действительно дразнили китайчиком — за разрез глаз и скулы. А тетя Соня всегда утешала: это лучше, чем жидовкой. Тетушке можно было верить. Соня объясняла, что бабушка Лия Ашкенази происходила из семьи бухарских евреев, что один из прадедов вопреки воле родных женился на местной красавице и с тех пор в роду иногда появлялись такие азиатские глаза. Повзрослев, Маша всегда отшучивалась строчкой Высоцкого: «Если кто и есть в родне, так и тот татарин...» А потом стала краситься, набрала вес, и никто не замечал ни скул, ни широкой переносицы, ни разреза глаз. Да и кто вообще замечал ее многие годы?

Разговорчивый мастер уткнулся носом в закуток между кухней и прихожей:

— А тут что, хозяйка?

— Да ничего. Какие-то технические пустоты... Говорят, раньше был мусоропровод, но, насколько я помню, им никогда никто не пользовался.

Дом был старый, но не настолько, чтобы отыскивать в нем потайные ходы или секретные двери. Однако аварийщик оказался упорным. Он простучал стенку, примерился, выбрал одному ему ведомое место, отодрал кусок обоев и несколькими ударами выломал дыру. Там оказалась пыльная камера, возможно, оставшаяся от мусоросборника, сверху вниз шла здоровенная ржавая труба. Именно оттуда подтекала горячая вода.

— А там что? — Бригадир с трудом просунулся внутрь. — Доставай, хозяйка, твоя квартира, твоя прихожая, значит, и вещи твои! Скажешь потом, пропало что-то, нам отвечать...

Перед трубой слипшейся мокрой грудой лежали коробки, ящики, доски и бог знает что еще.

— Клад, не видите? — огрызнулась Маша. — Тридцать процентов по закону — мне, остальное — государству. Вам уж точно ничего не светит.

Пыхтя, она полезла в чернеющую глубину, вытаскивая связки книг, клеенчатые сумки, картонные папки, остатки кирпичей. Зацепилась за длинный тяжелый сверток. Ей пришлось сильно дернуть, кусок трубы отогнулся, старый вентиль сорвался. Горячая струя сотрясла стенки маленькой камеры, обдав Машу с ног до головы. Предмет выпал в прихожую и больно треснул ее по босым пальцам ног. Бригадир подхватил сверток у нее из рук, начал было разматывать...

— Потом! — рывкнула Маша. — Вам что надо было — утечку найти? Вот она, утечка! Лучше бы сначала в подвале стояк перекрыли. Я теперь весь подъезд залью!

— И у нас не все сразу получается. Зато понятно, где утечка, — констатировали аварийщики.

Через час они наконец уехали, составив акт. Мокрая Маша вздохнула, позвонила Раисе Ефимовне и отчиталась в проделанной работе: подъезд спасен от затопления, паркет в прихожей встал дыбом, клад найден и будет передан государству, а ей решительно ни к чему тридцать процентов от этой кучи хлама.

— Ты посмотри, прежде чем выбрасывать. Здесь в тридцатые годы жило много комитетчиков и военных. В свое время в Доме на набережной куда только запрещенные книги не прятали. Может, это собрания сочинений Троцкого или Бухарина? Деточка, все, что ни делается, к лучшему. Тебе давно пора заняться квартирой, — резюмировала мудрая соседка. — Так жить нельзя! — И была права, как всегда.

С тех пор как сын и дочь свили собственные гнезда, Маша окончательно разлюбила свой дом и старалась находиться в нем как можно меньше: засидеться на работе, съездить к внукам, забежать к приятельнице и возвращаться в пустом вечернем метро. Дом выполнил свою функцию и теперь был ей неинтересен. Равно как и сама Маша,

выполнив функцию продолжения рода, стала сама себе неинтересна. Когда ты не делаешь чего-то добровольно, судьба вынуждает тебя делать это в более радикальной манере. Разломанная стена прихожей и вздыбившийся паркет наглядно демонстрировали необходимость глобального переустройства жизни.

Маша вздохнула, отпихнула ногой обломки кирпичей и взяла в руки длинный грязный рулон. Линолеум, пролежавший в свернутом виде невесть сколько лет, стал почти каменным, горячая вода размочила верхний слой. Морщась и ругая себя за то, что не привыкла пользоваться хозяйственными перчатками, открутила край, показался кусок простыни. Вслед за простыней обнаружился длинный темный чехол из плотного материала. В нем мог храниться то ли духовой музыкальный инструмент типа гобоя, то ли спиннинг. Неужели предыдущим жильцам понадобилось прятать удочку? Впрочем, и удочка иностранного производства в роковые тридцатые могла послужить основанием для доноса...

Маша засунула в чехол любопытное жало. Там оказалась еще одна плотная ткань, по-прежнему скрывавшая содержимое. Любопытная девочка отвернула край. Из-под полотна показалась деревянная поверхность с причудливой резьбой — ножны с инкрустациями из темного металла, из чехла выпала темная сухая кривая деревяшка с полустертыми иероглифами... Маша развернулась к окну. Под черным деревом полыхнула синяя молния: яркий свет непостижимо преобразился, скользнув по краю лезвия. В руках у Маши был меч. МЕЧ — именно так. Прописными буквами. Виден был только краешек, а в нем, причудливо искаженное, дрожало отражение ее собственного лица. Скошенный край клинка так изменял угол падения света, что лицо сначала показалось Маше чужим: преувеличенно скуластым, с широко расставленными азиатскими глазами, резко очерченными бровями, прямым коротким носом, утрированной формой губ, стройной шеей. Лишь по завиткам волос на висках и разрезу глаз можно было догадаться, что это она, Маша, — только другая.

— Ах ты ж господи! — сказала Маша, вытаскивая меч полностью. Перед внутренним взором предстала Ума Турман в желтом тренировочном костюме. Маша приняла похожую стойку, повернулась, чтобы видеть свое отражение в зеркале, взмахнула мечом, не рассчитала замах...

Меч зацепился за косяк, ее шатнуло в сторону, мокрая рука скользнула с рукояти, Маша попыталась удержать равновесие и проехала внешней стороной кисти по лезвию. На руке мгновенно появилась тоненькая красная ниточка. Маша не почувствовала и легкой боли. Подумала: «Надо бы перекинь из ванной принести, царапина пустяковая, но грязь может попасть». Меч оказался острым как бритва, а рана — неожиданно глубокой. Узкий порез разошелся на глазах, показались синеватые пленки и что-то белое, вероятно, кости. Кровь потекла с лезвия меча на пол.

Маша никогда не боялась крови — жизнь не предоставляла ей возможности бояться. Но сейчас голова закружилась, в ушах зазвенело, рука онемела, по предплечью побежала легкая судорога, как будто током ударило, по всему телу прошел озноб, потом стало жарко, вокруг потемнело. Только в конце коридора виден был мутный синеватый свет. В нем замаячила тень. Тень не имела четких очертаний, нельзя было с уверенностью сказать, мужчина это или женщина, — одушевленное существо, замершее во мраке.

— Кто вы? — ее собственный голос прозвучал сдавленным и чужим, как во сне.

Тень шевельнулась в ее сторону. Пора было испугаться, но страха не было.

— Кто вы? — повторила Маша громче.

Теперь она понимала, что коридор между ними очень длинный, неведомое существо находится безмерно далеко от нее и вряд ли услышит вопрос. Однако тень шевельнулась вторично. И Маша услышала ответ. Слов не было — лишь невесомые колебания воздуха, вернее, субстанции, в которой распространялись эти колебания.

— Я полагал его утраченным. И полагал, что наверху уже никого не осталось. Однако кровь не обманешь.

— Кто вы? — она пыталась крикнуть, но не могла.

Тень ответила более внятно:

— Лучше разберись там, наверху, кто ты. У тебя проблемы.

— Какие проблемы? Я не знаю...

— А пора бы знать, — отрезала тень. — Просто так в шлюз не заглядывают. У тебя в руках не игрушка! Все бы вам играть!.. а игрушки бывают опасные. Разберешься — приходи.

— С чем я должна разобраться?

— Сама поймешь. Ты уже большая девочка. Учись видеть. Учись читать. Сколько от тебя суеты...

Тень стала стремительно удаляться. Маша хотела было окликнуть ее, но перед глазами все окончательно помутилось и завертелось. Потом мрак стал светлеть, в ушах зазвенело сильнее.

Маша почувствовала, что у нее есть тело, а у тела — левое плечо: должно быть, при падении сильно ушиблась им о книжную полку. А потом обнаружила, что лежит на полу, мокрая с ног до головы, а из правой руки хлещет кровь.

— Какая же ты, Маша, впечатлительная... — сказала она самой себе, пытаясь встать. — Уму Турман изобразить решила! Хорошо, никто не видел... Сколько ты видела детских травм и чужих болезней, а от вульгарного пореза — в обморок!

Привычка держать под рукой перекись и перевязочный материал осталась от времен, когда Маша много работала на дому и дети всего двора регулярно прибегали к ней со своими болячками. Да и уход за больными родителями и тетушкой тоже многому ее научил. Зажимая рану, полезла в шкафчик над ванной. Залила кровью весь кафель, стало понятно: надо тащиться в травмпункт и зашивать порез. Маша кое-как переоделась, принялась обратно заворачивать ножны в синюю плотную ткань, повертела деревяшку, хотела было выкинуть, но передумала и засунула туда же: для чего-то она нужна, пусть полежит. Размышлять было некогда, кровь текла сильнее. Закинула меч-кладенец под диван, мрачно пробормотала: «Лежи смирно, и без тебя хлопот достаточно...» Почему-то она разговаривала с мечом, как с домашним животным. Напоследок оглядела квартиру: погром и разорение, следы крови повсюду, словно Мамай прошел... Накинула ветровку, пытаясь ее не запачкать, поплелась в районную травматологию, которая, по счастью, находилась неподалеку. Чтобы не пугать окружающих, прикрыла руку полиэтиленовым пакетом. Только не заметила, что из-под пакета потихоньку капала кровь. В травмпункт пришла изрядно окровавленной, очередь сочувственно вздохнула, но вперед никто не пропустил.

— Кто последний?

Все промолчали, только хмурый испитой мужик в вытертом камуфляже пробормотал:

— Крайний! Никогда не говори — последний! У нас, десантуры, слово «последний» не употреблялось.

— Хорошо, не буду. Кто крайний?

— Я, к примеру. Как тебя угораздило? — Мужик был настроен поговорить.

— Случайно порезалась. Аварийка приезжала, труба...

Он присвистнул:

— Труба? Сама на тебя набросилась? От трубы таких порезов не бывает! Это не порез, а ранение. Ножевое. Так?

— Типа того. Случайно.

— Конечно, случайно... понимаю... Осторожнее надо... с трубами-то! Тут сиди.

Он встал и, прихрамывая, поплелся в конец коридора, за пластиковую дверь с надписью: «Без вызова не входить». Через пару минут вышел похмельный травматолог и окинул очередь суровым испытующим взглядом:

— Кто тут будет дама с ножевым?

Маша далеко не сразу сообразила, что «дама с ножевым» — это она. Травматологу пришлось задать вопрос дважды, прежде чем очередь повернулась к ней с ненавидящим выражением лиц. Маша, стесняясь всеобщего внимания, встала:

— Вероятно, я...

— Вероятно! — Он тяжело затряс головой. — А полис у вас с собой, вероятно, есть?

— Нет... — Про полис она в суматохе забыла. То аварийка, то меч-кладенец, какой уж полис...

— Тогда зачем вы пришли?

— Спасибо, извините, я приду потом, с полисом... — Маша засмущалась еще больше и развернулась, чтобы уйти. Пакет, который прикрывал раненую руку, соскользнул и упал на пол. К этому времени бинт пропитался кровью насквозь. Нервные пациенты заохали, травматолог внезапно окликнул ее:

— Ну и куда ты пошла, дура? Сюда, быстро... Шовный материал! — бросил он в сторону, медсестре, на глазах преображаясь в героя американского сериала «Скорая помощь». Маша с замиранием сердца ждала фразы «Мы ее теряем!» — но не дождалась. Робко заикнулась про анестезию, пообещав заплатить наличными. Отсутствие страхо-

вого полиса, ножевое ранение и наличный расчет придали ей неведомый прежде киношный шарм. Травматолог не задавал лишних вопросов, вкатил местную анестезию, покачал головой, разглядывая порез:

— Острый.

— Да... — уклончиво отвечала Маша, морщась от хруста иглы в ране.

— Нож?

— Меч...

— Боевые искусства? Никогда бы не подумал... — Вероятно, пока травматолог за ширмой надевал перчатки, он успел глотнуть чего-то живительного, потому что теперь ему хотелось общаться.

— Фамилия? — Первый шов. Сестре: — Пиши в журнале!

— Осока... — от растерянности Маша назвала девичью фамилию.

— В каком смысле? — Второй шов.

— Фамилия моя... нет, сейчас у меня другая фамилия...

— Дама, определитесь как-нибудь. — Он заинтересованно разглядывал ее поверх очков, даже шить перестал.

— Неважно, пишите: Осока.

— Ну, допустим... — Он снова взялся за иглу. — Вы... — Один шов. — ...занимаетесь... — Другой шов. — ...кендо? — Третий шов.

— Кендо? А-а, кендо... Ну да, разумеется...

— Странно. По профессии кто будете?

— Менеджер рекламной фирмы.

— Опасная работа. От клиентов отбиваетесь?

— Скорее, с другими фирмами воюю за каждого клиента. Кризис, знаете ли...

— Это еще опаснее... — Травматолог разглядывал швы с профессиональным удовлетворением. — Больничный не нужен?

— Конечно, нет.

— Другого ответа я и не ожидал. Разрез был тонкий, шрам, конечно, останется. Потом можно будет сделать лазерную шлифовку, чтобы незаметно было. Приходите на перевязку, можете завтра в районную поликлинику, можете послезавтра сюда, я дежурить буду. И полис все-таки принесите... Дама! — Он высунулся из кабинета и крикнул вдогонку: — Будьте осторожнее!

Маша вышла из травмпункта с плохо скрытым изумлением. Всего лишь один случайный порез и пара купюр — а сколько внимания

со стороны окружающих! «Это чуждая нам романтизация действительности, Маша, — сказала она самой себе с укоризной. — Никому до тебя и дела нет...» А все-таки уже двое сказали ей: «Будьте осторожнее!» И обращались к ней не традиционным окриком — «Женщина!», — а высокохудожественно: «Дама». К чему бы это?

Меж тем заморозка отошла, рука заныла. Маша добралась до дому, тихо поскуливая, пнула носком кроссовки сваленный в коридоре хлам, равнодушно оценила степень поражения. Она была до крайности равнодушна к материальным объектам, но объем грядущих затрат стал очевиден. Впрочем, эта мысль почему-то не привела ее в отчаяние. Она прошла в комнату, улеглась на диване и достала сигареты. Раньше она не позволяла себе курить в комнате — только на кухне. Вытащила из-под дивана меч, прислонила к креслу.

— Что мы имеем? — спросила она пространство. — Раздолбленную в хлам квартиру. Пять швов на правой руке. Повышенный интерес окружающих к моей скромной персоне. Как в кино. Заметь, это началось с тебя! — она снова обратилась к мечу как к живому существу. — Что ты делал столько лет в каморке папы Карло? Я, кстати, правша, и левой рукой могу только в носу ковырять...

Впрочем, вести переписку с клиентами и менеджерами Маша могла и левой рукой, а если понадобится — то и носом. Равно как и редактировать рекламные тексты. В условиях кризиса она держалась бы за работу не только пальцами рук, но и пальцами ног. Большинство ровесниц в кризис работу потеряли, остались без дела и без средств, мешаясь взрослым детям и подолгу болтая с такими же неудачницами по телефону. Сорок пять и выше — гибельный возраст для трудоустройства. И не только...

Раздался звонок домофона.

— Ну? — рявкнула Маша в переговорник. Сама себе изумилась: с каких пор она так отвечает незнакомым людям?

— Аварийка.

— Инструмент забыли, что ли? — «Вторая часть Марлезонского балета...»

— Мы хотели убедиться, что все у вас в порядке.

Бригадир поднялся к ней один. Снял каску и вертел ее в руках, оглядывая прихожую. Хитрые черные глаза обшаривали стены:

— Не течет больше? Вам теперь ремонт делать надо... платить надо... за все платить надо...

Он достаточно хорошо говорил по-русски, хотя акцент звучал отчетливо. И Маша могла бы поклясться, что он искал отнюдь не возможность новой протечки. Его взгляд случайно уперся в зеркало, и Маша сообразила, что он смотрит на отражение меча, стоявшего посреди комнаты. Она немедленно встала посреди коридора, загородив обзор.

— Давайте мы вам в акте еще что-нибудь напишем, чтобы сумму увеличить. Вы же не виноваты. Вы же не знали про то, что у вас в прихожей было. — Он показал пальцем на развороченную стенку. — Или знали?

— С детства тут живу, никогда не знала.

— Давно живете?

— Сорок лет.

— Осторожней надо обращаться... с сантехникой. — Он улыбался, но настороженный взгляд то и дело возвращался в комнату. — Что у вас с рукой?

— Убиралась, порезалась.

— Ай-ай-ай... столько старых вещей теперь придется выкинуть, а рука болит... может, вам помочь с уборкой? Я могу еще пару чело-век позвать?

Он смотрел на нее в упор — и ни капли сочувствия не было во взгляде. Только холодный интерес.

— Спасибо, я сама как-нибудь.

Еле-еле выпроводив его, Маша уселась на диван и вторично закурила. Рука ныла нестерпимо, ничего полезного она делать не могла. На работу, слава богу, сегодня идти было не нужно: свободный график являлся одним из маленьких личных Машиных достижений. Правда, в последние годы она зачастую не знала, куда девать это свободное время...

— Зато на ближайшую пару месяцев о досуге можно забыть, — сказала она самой себе, окидывая взглядом разруху. И добавила в сторону меча:

— Сколько от тебя суеты...

А ведь недавно кто-то произнес то же самое. Попыталась вспомнить — то ли приснилось, то ли в кино слышала. Не вспомнила. Подняла меч — медленно, аккуратно, тщательно придерживая. Встала перед зеркалом, изобразила некое подобие ритуального поклона:

— Нам пора познакомиться. Позволь представиться: меня зовут Мария Северцева, девичья фамилия Осока. А ты кто?

И замерла, встретив незнакомый, прицельный взгляд отражения. Отражение держало в левой руке меч.

глава 2

Квечеру Маша почти разобрала прихожую. Среди полной ерунды интерес могла представлять лишь картонная папка с документами, завернутая в несколько слоев клеенки. Бумаги еле удалось разлепить. Она думала, что секреты оставались от предыдущих жильцов, но оказалось, что фотографии и справки принадлежали ее родителям и тетушке Соне, папиной двоюродной сестре, с которой они съехались, когда Маше было три года. Маша разложила документы для просушки прямо на полу, на газетах. Пришлось достать и старый семейный альбом. Она последний раз перебирала его в начале девяностых, после смерти тетушки. Современные заголовки вместе с затертыми документами и фотографиями создавали причудливый коллаж эпохи, канувшей в Лету. Как говорил царь Соломон, «все пройдет, и это пройдет...» Философски настроенная Маша перебирала бумаги.

Архив был на удивление скудным: старые портреты, родительские студенческие фотографии до свадьбы, фото из ЗАГСа, медовый месяц в Кисловодске, где папа с мамой молодые, потом сразу — фотография тетушки вместе с маленькой Машей на даче у каких-то родственников. Кратко была представлена совместная жизнь родителей до ее рождения. Они поженились во время учебы в МАИ, а долгожданная дочь появилась на свет, когда обоим было за сорок. Родители мало рассказывали о том периоде совместной жизни, когда ее еще не было: уехали за Урал по распределению, мама заболела — вернулись в Москву, жили сначала в коммуналке, потом папе дали квартиру от министерства. Не было фотографий выписки из роддома, хотя подобные снимки есть в каждой семье. После рождения Маши съехались с тетушкой Соней, оказались в этой трехкомнатной квартире на Фрунзенской. Маша выросла, поступила в МГУ.

Филологическим образованием, полученным по настоянию родителей, Маша была недовольна, ей всегда хотелось чего-то более ин-

тересного, нежели всю жизнь возиться с буквами. Хотела поступить на географический факультет или на международную журналистику, но родители и слышать не хотели о подобных специальностях, для девочки самым лучшим считалось в ту пору гуманитарное образование. Они нашли ей хороших преподавателей, Маша поступила на филфак, на отделение прикладной лингвистики, где в числе прочего учила одиннадцать языков, — и так же успешно их забыла впоследствии, как и высшую математику, и семиотику, и теорию языкознания. После первой же летней практики она вышла замуж за аспиранта, родила подряд двух детей. Лингвистическая наука обошлась без нее. Не только наука — держава обходилась без нее в переломные годы.

У Маши случился кромешный тупик в жизни: немолодые родители начали тяжело болеть и умерли один за другим, муж ушел, денег не стало вовсе. Маша жила своей мелкой, пресной, убогой частной жизнью, погруженная в сиюминутные заботы: болталась на четверть ставки в академическом институте, где два дня в неделю тупо отсиживалась от домашних дел; стояла в очередях за едой; меняла работу по принципу «поближе к дому, детскому саду, школе». Вела бесцветную, негероическую борьбу за жизнь. И торговать пробовала, да ничего не получалось, и переводить что-то пыталась с разных языков, да не платили за это толком. Потом безнадежно заболела и слегла тетушка, Маша не отходила от нее полгода. Сидя дома, занялась редактированием рекламных текстов, начала зарабатывать. Когда дети подросли, перешла в другую фирму, где график работы был более суровым. Фирмы то разорялись, то реорганизовывались, она привыкла к тому, что может потерять работу в любой момент: халтурила в двух-трех местах одновременно, что могла — откладывала, на всем экономила. Детей выучила, погуляла на их свадьбах, сожалея о том, что не может помочь ни деньгами, ни жильем. Осталась одна. Квартира для нее одной была велика, но если продать — на жилье для каждого все равно не хватит. Махнула на себя рукой окончательно, когда родились внук и внучка, моталась то на работу, где ее пока терпели, то с детишками посидеть. Жила как попало.

Сейчас ей казалось, что она смотрит не на старые фотографии на фоне нынешней жизни — на свою биографию из-за зеркала, с другой стороны. И видит далекие лица родителей и Сони, а на переднем плане — погрузневшую, потухшую, никак причесанную и никак одетую

тетку с плоским невыразительным лицом, с сумками в руках. «Это не я! — сказала Маша самой себе. — Кто я настоящая? — Подняла меч и взглянула в зеркало. — Ума Турман нервно курит в коридоре...»

С какого перепугу она назвала в травмпункте свою девичью фамилию Осока? Папа рассказывал, что фамилия была придумана дедом в Гражданскую войну, во время калейдоскопической смены власти на Дону — то красные, то белые, то немцы. Дед был ранен, документы пропали, назвался Осокой, потому что отлеживался двое суток в высокой траве, порой приходя в сознание. Подлинную его фамилию и папа не знал, якобы дед сказал ему однажды: ни к чему это. Меньше знаешь — лучше спишь. Дед умер от скоротечного рака поджелудочной. Маша не помнила ни его, ни бабушку Розу, в памяти остались только фотографии, висевшие над родительским диваном.

Разложенные на газетах бумаги просохли, прошлое проступило отчетливей. Выписки из домовых книг о прописке, копии трудовых книжек покойных родителей... НИИ «Альтаир» — тот самый «ящик», который им пришлось оставить из-за маминых проблем со здоровьем. Оказывается, режимный завод и закрытый город располагались не просто за Уралом, а почти в Туркестане. Родители особо не рассказывали: не принято было обсуждать работу в семьях тех, кто имел допуск, — а она и не спрашивала. Равнодушно проглядывала свои детские фотографии. Попалось письмо — затертое, но с твердым ровным почерком, с уверенным наклоном и ровным нажимом, отнюдь не похожим на почерк мамы или папы. Письмо ее деда, Ивана Дмитриевича Осоки, было написано в 1969 году из военного госпиталя в Подмосковье, вероятно незадолго до смерти, и адресовано отцу. Дед сдержанно рассказывал о своей болезни и о сомнительных перспективах.

«...И мне хотелось бы, чтобы ты, Володенька, наконец узнал правду. Тайны сопровождают нашу жизнь, теперь и ты понимаешь: не мы виноваты в том, что те или иные факты приходится скрывать от детей и внуков. Но под конец жизни становится ясно, что тайна теряет смысл вместе с уходом ее носителя.

Мой отец — генерал Дмитрий Осмоловский, из старинного дворянского рода, где мужчины считали своим долгом служить отечеству. Моя мать Мария, умершая при родах, — в девичестве Лопухина, ее бабушка была фрейлиной при дворе Анны Иоанновны. Мне

пришлось в 1918 году назваться Иваном Осокой. Не было дня, когда бы я не стыдился этого поступка. Но если бы я назвался подлинным именем — меня бы расстреляли прямо там, в зарослях, вернее, просто закололи бы вилами, как остальных раненых. И я бы не выжил, не встретил Розу, и тогда не было бы ни тебя, ни всех остальных. Я скоро увижусь с отцом, надеюсь, он не станет судить меня слишком строго: наш род не прервался, и это главное. Что бы ни случилось, как бы причудливо ни перемешивалась кровь — это род сильных, смелых, умных и незаурядных людей. Помни об этом. Как бы ни было вам сейчас с Ирочкой тяжело — помни об этом. Вам есть ради кого жить. Вы должны вырастить Машеньку, обязательно увидеть, как она поступит в институт, выдать ее замуж за порядочного человека. Эта девочка будет главной надеждой и опорой в старости. Держитесь, я очень люблю вас с Ирой и желаю вам мужества. Извини за высокопарный слог, не мог подобрать других слов. Не рискую посылать письмо по почте, его передаст тебе мой друг Василий».

Красноармеец Иван Осока женился на Розе Розенберг в самом конце Гражданской, бабушка Роза взяла фамилию мужа, они вскоре переехали в Москву с разоренного Дона. Никто не вспоминал о еврейских корнях бабушки, пока папина двоюродная сестра — ее любимая тетушка Соня — не собралась поступать в институт восточных языков. Маше вскользь рассказывали, как трясли их родню до десятого колена, до бухарских евреев, до Сониного отца, расстрелянного в тридцать седьмом. Как дед-генерал, к тому времени вышедший в отставку, куда-то ходил и бряцал орденами. Оказывается, ее дед, герой войны, тоже всю жизнь прожил, что называется, по легенде... Первая тайна обнаружена. Закон парных случаев, услышанный от дежурного травматолога Филатовской больницы, куда Маша не раз приезжала со своими детьми, требовал обнаружения следующей тайны. И что имел в виду дед, когда писал, что родителям потребуется немало мужества?

Среди копий трудовых книжек родителей и Сони, свидетельств о браке-рождении-смерти ей попала справка о посмертной реабилитации Амира Шариханова — отца Сони. Справка была выдана его вдове, Марии. В семье Розенберг было две дочери. Младшая, Роза, вышла за ее деда — лжекрасноармейца Ивана Осоку, а старшая — за молодого военного и дипломата, жили они на Дальнем Востоке, не-

сколько лет провели в Харбине. Перед войной его вызвали в Россию и по ложному доносу расстреляли, Сониная мать осталась с дочерью, без работы, под угрозой ареста, ей помогала вся родня. К этой справке была подколота вторая, из которой явствовало: расстрелянный Амир был сотрудником специальной дипмиссии на Дальнем Востоке и офицером одного из подразделений ГПУ. Эту справку выдали самой Соне. Соня с детства отличалась способностями к языкам, выбрала специальность переводчика: вьетнамский, лаосский, кхмерский. Наверно, она нередко сталкивалась с первым отделом, приходилось объясняться и доказывать свое гэпэушное происхождение.

Там же лежала ветхая желтая вырезка из иностранной газеты: фотография четырех мужчин в колониальных шляпах и светлых костюмах и небольшая статья, написанная по-французски. Маша разобрала подпись к фото: участники очередной научной конференции Французской школы Дальнего Востока, слева направо — Голубев, Амиров, Вернье, Ю Чи... и надпись выцветшими чернилами: «Моему другу г-ну Амирову на память от г-на Голубева. Всегда буду рад стать вашим проводником по волшебному Индокитаю...» И еще выцветший столбик иероглифов поперек заметки. Вероятно, Амиров — это был псевдоним Сониного отца во время разведработы на Востоке. Импозантный черноволосый красавец на фото и есть расстрелянный Амир, которого даже сама Соня толком не помнила. Наверно, она сохранила эту вырезку, потому что других фотографий отца попросту не было. Справка о работе, справка о расстреле, справка о посмертной реабилитации — полный джентльменский набор советского Джеймса Бонда... хорошо, что Соня знала свою настоящую фамилию.

Оказывается, тайна сопровождала их семью многие годы. Дворяне и фрейлины, врачи и разведчики, евреи, узбеки и русские. Как все перемешалось! Маша никогда не могла предположить, что ее скромные интеллигентные родители — папа-кандидат и мама-библиотекарь — могли всю жизнь нести тяжкий груз и никогда не проговориться. Почему было не рассказать ей историю семьи, времена-то не те?.. Что в нынешней Машинной жизни может изменить знание о подлинном происхождении ее деда? Или о смерти отца Сони? Теперь это лишь выцветшая бумага. Тайны теряют смысл со смертью их носителей. Стоило назвать полузабытую девичью фамилию — прошлое услужливо открыло дверь. Почему это

новое знание появилось в Машинной жизни именно сегодня? Вопрос задаешь тогда, когда ты готов услышать ответ.

Маша сложила высохшие бумаги вместе с остальными фотографиями и документами. Убрала опять в нижний ящик секретера: хватит думать о прошлом, надо заняться настоящим. Если раньше бесконечный внутренний диалог можно было вести часами, теперь она прекратила его мгновенно. «Что мы имеем в настоящем? — Необходимость ремонта». Однако забинтованная правая рука давала некую отсрочку. «Пока не заживет — ничего делать не буду, гори оно огнем», — сказала она себе решительно.

А еще в настоящем присутствовал меч-кладенец. Почему надо было прятать его столько лет? Это же не секретный документ. Вероятно, меч однажды привез Сонин отец из командировки, Соня хранила его как память. При переезде впопыхах сунули в подсобку, а потом забыли. И про саму подсобку забыли...

Маша влезла в интернет, начала перебирать сайты о восточных единоборствах и старинном оружии. Сама себе удивлялась: раньше в голову бы не пришло интересоваться японскими катанами или мечами викингов. Нашла мелкую фотографию с низким разрешением: на ней был изображен похожий меч. История меча была причудливой. Он фигурировал в оружейной коллекции Петра I, хотя реально появился в описи этой коллекции при Анне Иоанновне под названием «тесак китайский». Специалисты разных стран считали, что меч сделан в Японии, но знатоки из нью-йоркского «Метрополитена» доказали, что это вьетнамский меч. Хотя с японской формой гарды, с ножнами характерной конструкции, обтянутыми шлифованной шкурой ската. Шкуры ската и акулы для отделки ножен использовали оружейники во всем Южно-Азиатском регионе вплоть до Тибета. Отделка была тоже нетипична для Вьетнама — медный сплав, покрытый позолотой и чернением, с гравировкой, тогда как вьетнамские оружейники использовали красную медь с инкрустацией серебряной проволокой или чеканное серебро.

Ножны ее меча были украшены резьбой, вопреки вьетнамской оружейной традиции. Четыре рисунка не напоминали ни птиц, ни мифическое животное. Изображения были похожими, но не идентичными, как будто мастер прорисовывал один и тот же объект, но по-разному. И вдоль рисунков столбиками шли иероглифы.

Наверно, какая-нибудь цитата, из серии «Береги честь смолоду», только во вьетнамском варианте. Впрочем, специалистам не было очевидно происхождение меча. Велись длинные споры о металле, из которого изготовлен сам клинок: подобный сплав был науке неизвестен.

Зачем ей знания о вьетнамском сплаве клинка или японской форме гарды? «Многое знание рождает печаль...» — напомнила она себе древнюю мудрость.

Но пока печаль не посещала ее. Наоборот, она впервые за долгое время почувствовала небывалый прилив сил. Боль в руке чуть-чуть притихла. Только почему-то очень мешала левая лопатка. То ли она ударилась, когда потеряла сознание, то ли обожглась, когда горячая вода забила из трубы? Маша сняла свитер и повернулась к зеркалу. Лопатка чесалась и ныла аккурат в том месте, где было большое родимое пятно. Пятно стало ярче, покраснело, края стали более четкими, но ни синяка, ни ожога, ни раздражения на коже не оказалось. Оно походило теперь на модный рисунок хной. Аллергия, что ли?

Это пятно в детстве не давало ей покоя. Она читала в книжках, что у разных исторических персонажей были родимые пятна определенной формы, сама выворачивала голову перед зеркалом, чтобы понять, на что похоже ее собственное. Мама с папой переглядывались и ничего не говорили. Бывшего мужа пятно раздражало, он старался лишний раз не дотрагиваться до него, словно хотел найти в ней какой-нибудь изъян. Когда хочешь разлюбить человека, изъян рано или поздно найдется. Лицо бывшего мужа всплыло в памяти — почти как лицо из толпы — и немедленно исчезло. Маша вспомнила услышанный в раннем детстве разговор родителей с тетюшкой.

— ...Может, сказать ей все-таки? Пусть не сейчас — потом. Ведь пятнышко на лопатке...

— Даже не думай, Соня! — жестко ответил отец, грохнув стулом, и слышно было, как мать уронила блюдо:

— Не кричи, солнышко!

Но отец еще раз грохнул стулом и повторил:

— Даже не думай! Позволь тебе напомнить: когда мы собрались съезжаться, ты обещала впредь не поднимать этой темы.

Отец никогда не повышал голоса на окружающих его женщин — ни до, ни после этого разговора. Из раннего детства память всег-

да выхватывает только те эпизоды, которые слишком отличаются от привычного ребенку мироустройства. Всплыл забытый разговор только теперь. Может, у ее родителей был первый ребенок, который умер в раннем детстве, поэтому они так поздно родили Машу?.. Может, у отца была связь на стороне и внебрачные дети? И у кого-то из них было такое же пятно?.. Раньше подобные мысли даже не пришли бы ей в голову — теперь она могла предположить что угодно.

И тут ей опять позвонила Раиса Ефимовна.

— Машенька, деточка, у нас под окнами шум, то ли подростки безобразничают, то ли еще что. Я уже легла, братья за ходунки мне тяжело. Посмотри, может, пора милицию вызвать?

Отказать родной соседке Маша не могла.

— Посмотрю, я за сигаретами собиралась выйти.

— Когда ты бросишь курить? Ладно, будь осторожна, хулиганов полно.

Осенний вечер был теплым и ясным, дымчатый сентябрьский воздух пронизывали синеватые лучи уличных фонарей. Маша накинула куртку прямо на майку и спустилась в круглосуточный магазинчик, в подъезде спохватилась, что вышла в домашних пластиковых тапочках на босу ногу. Но за сигаретами так и не дошла.

За углом магазина, в скверике, действительно раздавались вопли, не похожие на обычный пивной галдеж подростковых компаний. Разыгрывалась натуральная драка, причем абсолютно несправедная: трое крепких молодых ребят лупили одного щуплого мужичка. Когда Маша подошла, его повалили на кучу собранных листьев и нещадно пинали ногами.

— Это что такое? — грозно спросила Маша. — Немедленно прекратите!

В доме раньше собиралось всегда много детей и подростков, выражение «Немедленно прекратите!» являло собой универсальную формулу преобразования действительности. Она произнесла закливание, не повышая голоса. Эффект оказался ожидаемым: парни остановились, озадаченно уставились на нее. Трое были почти наголо стриженными, накачанными, в спортивной одежде. А лежавший на земле человек, без сомнения, был гастарбайтером, таджиком или узбеком. Он не пытался дать сдачи, просто прикрывал голову.

— Женщина, проходите! Не лезьте! Вы не видите — это чурка, понаехали тут...

— Немедленно прекратите! — повторила она леденящим душу, сдержанным тоном фрекен Бок. — Уходите отсюда быстро. А то милицию вызову! — И для острастки полезла за телефоном.

Нападающие сделали еще пару шагов назад. И тут один из них вдруг решил, что негоже сдаваться перед посторонней теткой.

— Да пошла ты... — огрызнулся он и снова пнул скорчившегося на газоне человека.

«Давненько не видала я глупых подростков...»

Маша не успела опомниться, забинтованная рука осталась в кармане, а левая описала в воздухе кривую, достав ближнего из троицы. Парень рухнул в сторону, не издав звука. Она мгновенно сбросила тапочки и хорошим пинком отправила второго вслед за товарищем. Третий растерянно замер, Маша развернулась и со всей дури заехала ему по коленке, парень сдавленно вскрикнул и полетел лицом вниз, рядом с предыдущими.

— Вставай! — Она дернула за рукав лежавшего гастарбайтера. — Быстро! Ходить можешь?

Тот поднялся и застонал. Лицо бедняги было разбито основательно. Перекись водорода надо... «Что за день сегодня?» — «Закон парных случаев», — услужливо подсказал внутренний голос.

— Пойдем со мной... — потащила его за рукав, мужик не сопротивлялся. Только слегка стонал и пошатывался — видимо, отделали его крепко.

Маша затолкала бедолагу в квартиру, провела в ванную. Сняла плащ, чтобы не заляпать кровью. Рассеченную бровь надо обязательно зашивать или заклеивать, но клея в аптечке не нашлось. Да и двигался побитый таджик плохо, сдавленно вскрикивал при каждом вдохе. На вопрос «Где болит?» ответить не смог, не понимал, потом ткнул в грудную клетку. Вероятно, у него было сломано ребро. Вызывать «скорую» гастарбайтеру бессмысленно: ни полиса, ни документов у него наверняка нет. Она поймала его взгляд в зеркале: таджик пялился на ее плечо. Дернула его за руку:

— Пойдем!

Таджик отказывался куда бы то ни было идти, бормотал, но Маша решительно усадила его на стул в комнате. Побитый гость робко

озирался и увидел меч, лежавший на диване в гостиной. Он замал руками, стал что-то ей говорить на своем птичьем свистящем наречии.

— Все, хватит! — Маше было страшно лень опять плестись в травмпункт. Но выбора не было. Хорошо, что он располагался неподалеку... «Второй подход к снаряду... Дежавю?» — «Ты опять забыла полис...» — пробурчал внутренний голос. «Главное, что я не забыла кошелек», — рассерженно отвечала ему Маша. Таджик постанывал, хватался за стенки, но до травмпункта доплелся. Там опять была очередь, но иная по составу, над ней витал смачный спиртной дух: народ расхлебывал последствия бабьего лета.

— Кто крайний? — спросила она твердым голосом. Утренний урок оказался хорошо усвоен.

— Мы, — жалобным голоском отвечала молоденькая девушка с голубыми волосами. На ее плече в полузабытьи лежал сублинный юноша в блестящих лосинах и обтягивающей маечке. — Мы артисты, мы в клубе танцевали, на нас осветительная ферма свалилась...

Мальвина и Пьеро. Странствующие артисты и бродяги... Маша на миг почувствовала себя персонажем детской сказки — Буратино из каморки папы Карло... «Не суй нос за кусок старого холста...» — предупредил внутренний голос. А куда деваться? Раненого доходягу бросить нельзя. «Я только покажу его врачу, на этом моя миссия будет считаться завершенной», — пообещала Маша неизвестно кому. «Миссия невыполнима-2»...

Дверь открылась, в коридор вышел очередной загипсованный больной, а вслед за ним показался знакомый Маше травматолог, не столь уже похмельный, но столь же строгий. Окинул недобрым взором очередь:

— Следующий кто? — и встретился взглядом с Машей. — Дама, я же сказал: завтра на перевязку!

— Во-первых, завтра уже наступило, — неожиданно решительным тоном заявила Маша, — а во-вторых, я пациента привела. Ему надо бровь зашить. И у него ребро сломано... а то и не одно.

Травматолог изумленно разглядывал тщедушного спутника Маши, потом переспросил — для ясности:

— Вероятно, у него тоже нет полиса?

— У меня все необходимое с собой, как утром.

— Понимаю... Даме на перевязку, назначено! — объяснил он недоумевающей очереди и сделал радушный жест.

Гастарбайтеру зашили бровь, потом сестра повела его на рентген, а травматолог обратился к Маше с неподдельным интересом:

— Дама, у вас серьезные проблемы?

— Это случайности, поверьте... бывают такие дни, исполненные нелепых случайностей... — слишком искренне убеждала его Маша.

— Руку давайте. Раз уж вы опять тут оказались, перевяжем.

Маша выложила на стол забинтованную кисть. Врач размотал бинт и изумленно присвистнул:

— Это что такое?

— Я вообще ничего не трогала! — на всякий случай Маша собралась оправдываться.

— Никогда не видел, чтобы так быстро заживало!

— Я советская женщина, на мне всю жизнь как на собаке заживает.

Врач пристально посмотрел ей в глаза:

— Я и в горячих точках бывал, и в полевом госпитале оперировал. В отставку раньше времени вышел, теперь тут досиживаю... Всякое видел. Ни на женщинах, ни на мужчинах столь быстро резаные раны не заживают, уж вы поверьте.

И полез за инструментами.

— Зачем это? — всполошилась Маша.

— Швы сниму. Впервые в жизни через 12 часов швы снимаю, заметьте... это дорогого стоит...

— Я понимаю, — Маша левой рукой полезла за кошельком.

— Подождите вы с вашими деньгами! Гость столицы сейчас с рентгена вернется, с него я деньги и возьму.

Вернулся гастарбайтер, неся на вытянутых руках рентген, у него действительно оказалось сломано два ребра. Травматолог вздохнул и повел его за ширму. Больной вернулся повеселевший, порывался искать по карманам деньги, но Маша решительно отвела его руку и заплатила сама. Врач попытался вытянуть из него хоть какие-то сведения для записи в журнале, плюнул, обратился к Маше:

— Давайте его на вашу фамилию оформим. Он вряд ли ко мне еще раз придет. Как вас утром-то записали?

— Осока, — повторила Маша девичью фамилию. Ту самую, выдуманную дедом... — Осока Мария Владимировна. — Почему-то в травмпункт она второй раз приходит под вымышленным именем. Случайно ли это?

— Ступайте, Мария Владимировна, и будьте осторожнее...

— А мне на перевязку приходиться не надо?

— Не надо. Сами мажьте. Вот мазь... — он кинул ей почти полный тюбик. Воистину наличный расчет творит с людьми чудеса.

Маша вывела гастарбайтера на улицу, тот опять что-то забормotal на своем птичьем наречии.

— Ты где живешь? Домой доедешь? У тебя деньги есть?

Мужик продолжал тянуть ее за рукав, постанывать, потом жестами объяснил: ему надо позвонить.

— Звони! — она протянула ему телефон, уселась на лавочке и закурила.

Мужик что-то лопотал в трубку, потом знаком показал: поговори.

— Алло? Вы понимаете по-русски? — спросила Маша и была поражена, услышав женский голос, достаточно чисто отвечавший ей:

— Здравствуйте! Спасибо большое. Пожалуйста, посадите нашего друга на такси, он недавно приехал и не ориентируется в Москве. Мы завтра же вернем вам деньги.

— Куда ехать?

— Метро «Савеловская», дальше скажите: вьетнамский ресторан, таксисты знают. Спасибо вам!

— Не за что...

Маша поймала машину, сунула таксисту денег, объяснила, куда везти потерявшего, с большим облегчением проводила взглядом и наконец двинулась домой. Проходя мимо скверика, где недавно разыгралась баталия, озадаченно замерла: как, собственно говоря, она смогла одной левой утомить трех человек? Не нашла ответа на вопрос, голова слегка закружилась, предпочла далее не задумываться. Купила сигареты и вернулась домой. Телефон немедленно зазвонил.

— Машенька, девочка, что ж ты так долго? Хулиганов не было.

— Ни боже мой.

— У тебя все в порядке?

— Да, Раиса Ефимовна. Пройтись решила, вечер волшебный сегодня...

Выходной оказался на удивление насыщенным. От избытка впечатлений страшно хотелось есть. Маша, последние двадцать лет бо- ровшаяся с лишним весом, сварила себе спагетти и долго ела, под- певая исполнителю блюзов из телевизора. Побродила по квартире с мечом в левой руке, как будто привыкая к нему. Напоследок при- шла неприятная мысль о ремонте, но она сказала себе, как Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра!» И заснула мгновенно, как в дет- стве, — впервые за долгие месяцы нынешней одинокой жизни.

глава 3

Она спала так крепко, что даже не успела спро- сонья ответить на звонок мобильного. Номер высветился незнакомый. Вскочив с дивана, с изумлением ощутила, что ноют мышцы ног, вспомнила вчераш- ний эпизод — драку в скверике. Голова слегка закружилась, и Маша опять расстроилась, что совсем старая стала: махнула пару раз нога- ми — и все ноет. А ведь когда-то в детстве занималась гимнастикой и была гуттаперчевой, даже в спортшколу хотела пойти, да родители уговорили английский учить с преподавателем. И однажды, будучи взрослой, записалась на занятия йогой, тут же научилась завязывать- ся во всякие «лотосы». Да дети пошли в сады-ясли и стали болеть не- прерывно, и кончились «лотосы»...

Не задумываясь ни на секунду, села в «полулотос». Откуда-то взялась забытая гибкость. Непостижимым образом перегнулась к ступням, легко сложились пополам. Сделала пару упражнений на растяжку — они тут же возникли в памяти. Потом вспомнила пару дыхательных асан. Почувствовала прилив необычайной бодрости. Наклонившись, заметила под кроватью меч... «Благородное оружие не должно валяться под кроватью!» — строго указал ей внутренний голос. Маша немедленно вспомнила выражение покойного Алеся Адамовича: «Власть не должна валяться под ногами». Принесет ли ей неожиданно обретенный меч власть и над кем — неизвестно, но на всякий случай его лучше положить на шкаф. Маша пробралась среди разрухи в коридоре в ванную, завернула раненую руку в по- лиэтиленовый пакет, включила почему-то холодный душ и с вопля- ми прыгала под ним минуты две. В зеркале заметила, что пятно на

лопатке стало более ярким и отчетливым. Может, действительно ударилась вчера в прихожей или обожгла? Думать на эту тему она не собиралась ни секунды: собственный внешний вид ее заботил менее всего. Маша говорила, что такую тетку, как она, смутить ничто не может. Хотя лукавила: на самом деле ее смущало все, главным образом — собственное несовершенство. Теперь со смущением, а значит, и с несовершенствами было покончено раз и навсегда. И тут опять раздался звонок.

— Здравствуйте! — прошелестел в трубке вчерашний женский голос. — Мы бы хотели вернуть вам деньги.

— Пустяки, не стоит...

— Нет-нет, мы обязательно должны поблагодарить вас. Где с вами можно встретиться?

— Я поеду на работу в центр, через час у метро «Китай-город», выход к Маросейке.

Маше было неловко брать деньги с незнакомого человека, но, с другой стороны, впереди маячил ремонт и связанные с ним затраты. Нельзя отказывать людям, если они хотят тебя поблагодарить, а тем более — вернуть деньги. Часто ли ей отдавали деньги те, кто был должен? Ответ на этот вопрос каждый интеллигентный человек держит при себе.

Маша забежала к Раисе Ефимовне — узнать, не надо ли ей купить чего-то по дороге с работы, соседка оглядела ее, покачала головой:

— Возраст элегантности... по телевизору про это говорят! Когда ты научишься прилично одеваться? Машенька, девочка моя, ты ведь бабушка уже! — соседка, как никто, умела соединить в одной фразе десятков парадоксов.

— Я девочка только в ваших глазах, Раиса Ефимовна! Я тетка! Тетка с сумками! Кто на меня смотреть станет?

— Если ты тетка, тогда кто я? — соседка сокрушенно покачала головой.

Она вприпрыжку поскакала к метро — и вдруг поняла, что давным-давно не носилась по улице. «Тетка с сумками...» Поймала мимоletный взгляд прохожего, это удивило еще больше: давно на нее никто на улице не оборачивался. На таких теток, как Маша, вообще никто не оборачивается: что бы они ни несли в сумках, даже детали боеголовки, — они будут все равно тетки с сумками.

Вчерашнего уныния как не бывало. Она добралась до нужной станции быстрее обычного и присела на лавочке, плохо представляя встречу с родственниками вчерашнего гастарбайтера. Его просили отвезти к вьетнамскому ресторану, возможно, он вьетнамец? Вспомнила шелестящие, мелодичные интонации собеседницы. Ну что же, вьетнамцев в Москве навалом. Однако никто не появлялся. Маша и сигарету выкурила, и подмерзать стала на осеннем ветру. «Неужели надули? Впрочем, зачем отдавать деньги, если можно не отдавать...»

Тут на лавочку рядом с ней плюхнулась такая же тетка, на порядок понизив градус непредсказуемости. Маша окончательно собралась уходить, но внезапно тетка развернулась к ней грузным телом и оказалась цыганкой. Не доморощенной, в безумных юбках и шалях, но вполне законченной цыганкой, с умеренным количеством золота на шее и пальцах рук.

— Не спеши, красавица, — сказала цыганка твердо.

Маша полагала, что манипулировать ею может кто угодно. И поэтому послушно присела обратно, но потом вдруг опомнилась:

— Никакая я давно не красавица. И сейчас спешу на работу, и вообще я вас не знаю.

— Ты и себя-то не знаешь, деточка, что ты забыла на своей работе? У тебя теперь другая работа.

Маша собралась огрызнуться, встать и уйти — но промолчала и никуда не пошла.

— Умница!

Цыганка окончательно расположилась рядом с ней в позе пифии, которая вот-вот начнет вещать гекзаметром. Впрочем, габаритами она скорее напоминала Пифию из фильма «Матрица». Сравнение пришло Маше на ум неожиданно, ей стало смешно. Цыганка открыла необъятную торбу с логотипом Prada, вытащила оттуда пакет, в котором оказался вовсе не какой-либо волшебный предмет, а пирожки с вишней из «Мақдоналдса», протянула один Маше:

— Скушай пока.

«Не садись на пенек, не ешь пирожок», — прозвучала в уме фраза из сказки.

Маша, безуспешно боровшаяся с лишним весом, не дрогнула: разорвала картонную обертку и съела пирожок в момент.

— Умница, — второй раз похвалила ее цыганка. — Сигаретку дашь?

Машу так редко хвалили, да еще два раза подряд, что она радостно вынула сигареты из кармана плаща. Сумку с документами и кошельком все-таки прижимала к себе локтем раненой руки.

— Да оставь ты свою сумку! Я, если захочу, у тебя любые деньги вытяну. Хочешь, погадаю? Даром? Давай руку. Боишься?

Ее откровенно брали на «слабо».

— Ничего я не боюсь. — Маша протянула левую руку.

— Правую давай!

— Не могу. — Она помахала забинтованной кистью. Цыганка нахмурилась:

— Это кто тебя?

— Случайно.

— Случайно ничего не бывает... — Она несколько мгновений разглядывала Машину ладонь, потом внезапно оттолкнула ее:

— Иди! Тебя ждут! — и засобиравшись, зашуршала необъятными торбами.

— А как же линия судьбы? А как же любовь, суженый и прочее? А линия жизни? — Маше стало смешно.

Цыганка встала и отчетливо произнесла, глядя на нее сверху вниз:

— Этого мне читать не положено. Сама узнаешь.

— А как же... — но собеседница неслась вверх по скверу с неожиданной для ее габаритов прытью. Маша оцупала сумку и карманы: деньги и документы на месте. Что это было?..

Тут опять зазвонил мобильный.

— Извините, пожалуйста, что мы вас беспокоим, — заворковал в трубке тот же приятный голосок, — обстоятельства изменились. Вы не могли бы прийти к нам? Это рядом, пять минут ходьбы...

Незнакомая собеседница так упрашивала, что стало ясно: покоя от них не будет. Или списать вчерашнюю тысячу рублей на благотворительность, или потратить пятнадцать минут, дойти до нужного дома и забрать их? Маша вздохнула — и выбрала второй вариант. В условиях кризиса тысяча была отнюдь не лишней. И ей стало неудобно. А НЕУДОБНО — это причина многих бессмысленных поступков с далеко идущими последствиями... НЕУДОБНО — воистину магическое слово.

Указанный дом действительно располагался неподалеку, чуть в стороне от бульвара. Жилых домов на Маросейке почти не осталось. Часть зданий застыла в стадии незавершенного ремонта, на некоторых маячила надпись «Сдается в аренду», остальные занимали парикмахерские, магазинчики, кафе и бесчисленные офисы с загадочными названиями. Указанный Маше номер дома висел на трехэтажном особняке, в котором размещались одновременно «Морнефтегеофизика» и еще пара филиалов научных институтов типа вулканологии и океанологии. Каким образом небольшой особняк мог быть заселен столь большим количеством образованных людей, было непонятно. Но под валяжными синими досками все же обнаружилась небольшая медная табличка: вывеска искомого медицинского центра с длинной надписью на двух языках и неким логотипом. Учреждения-то солидные, а аренду платить тоже жаба душит, вот и пускают в субаренду кого ни попадя.

Маша с трудом пробралась через путаные коридоры, по три раза уточняя у солидных охранников, где же тут бедная женщина могла бы найти помощь восточных целителей. Она испытывала неловкость в незнакомых местах, здесь тоже стеснялась, но в одном из коридоров услышала наконец шелест бамбуковой занавески над стойкой ресепшен. Вежливая девушка улыбнулась, телефон опять зазвонил.

— Передайте трубку нашей сотруднице, — попросила невидимая собеседница. Девушка повела Машу в глубину помещения, между белыми дверями и разноцветными ширмами. Маша шла за ней и чувствовала себя персонажем фильма, в который ее занесло явно по ошибке.

Навстречу им выбежала мелкая худенькая женщина азиатского типа, такого же неопределенного возраста, как Маша, в голубом медицинском халате, поклонилась:

— Здравствуйте! Могу я предложить вам чаю?

— Спасибо, не стоит, я тороплюсь на работу...

В течение пяти минут женщины раскланивались и извинялись друг перед другом, потом Маша согласилась на чашку чая.

Вьетнамка набрала номер, что-то произнесла, выслушала ответ, потом выбежала из комнаты, быстро вернулась.

— Мои родственники задерживаются. Они очень благодарят вас за помощь и просят передать это, — протянула Маше небольшой прямоугольный сверток. Маше стало снова неудобно.

— Берите! Мы вам очень благодарны. Не все в Москве хорошо относятся к приезжим.

— Ваш родственник нормально себя чувствует?

— Да. Он сказал, что вы смогли... побить трех человек. Это правда?

— Да... — Маша растерянно пожала плечами.

— Вы занимаетесь боевыми искусствами?

— Нет, что вы!

— Но он сказал, что видел у вас дома оружие. Это правда?

— Это не оружие. Это сувенир.

— Что у вас с рукой? Болит?

— Нет, порезалась на кухне. Все в порядке.

Маша пила чай и никак не могла выбрать момент, чтобы откланяться и уйти.

— Не хотите ли вы пройти экспресс-диагностику? Бесплатно! У нас свой метод... патент, разрешение есть, — ласково предложила вьетнамка.

— Да нет, спасибо, неудобно... — опять заканючила Маша. Но собеседница настаивала:

— Это быстро. Позвольте мне что-нибудь сделать для вас. В знак благодарности...

«Когда ты последний раз была у какого-нибудь врача?» — ядовито осведомился внутренний голос. Представления о медицине у Маши были минимальные: много раз доводилось ухаживать за друзьями и родственниками, а саму бог миловал. Рожала обоих детей легко, под нож попадать ни разу не доводилось, даже аппендицита вульгарного не было. На любые случаи у нее был единственный врач — хирург, муж институтской подружки, которого она знала с девятнадцати лет. Он или сам давал ей совет, или за руку водил к нужному специалисту. Поэтому она согласилась на предложенную процедуру из чистого любопытства.

Ее проводили в смежную комнату, где стояло кресло, горели ароматические свечи, играла тихая музыка. Усадили в кресло, вьетнамка взяла запястье, слушая пульс. Передвинула пальцы чуть выше. Взяла миниатюрное приспособление из проволочек, соединенных на манер старинного инструмента лозоходцев. Надела подобие диадемы ей на голову.

— Закройте глаза, пожалуйста. И ни о чем не думайте. Расслабьтесь...

Маша послушно закрыла глаза. Мысли роились, стали медленными, тягучими, потом исчезли...

— Ай! — Она вскочила с кресла как ошпаренная: диадема на голове внезапно стала нестерпимо горячей.

— Все хорошо. Простите. Это ваша внутренняя энергия заставила прибор стать таким...

— И что говорит экспресс-диагностика? — спросила Маша, потирая лоб.

— Вы рожали два раза. Чуть-чуть диета. Желудок иногда. Спина иногда немного болит. Так?

— Ну да... — это было чистой правдой, но не требовало никакой специальной диагностики. У кого иногда не болит желудок или спина в сорок пять лет? Однако знать о том, что у нее двое детей, вьетнамка не могла никак.

— Потом вы набрали вес. Стали болеть ноги.

— Да... — и это не требовало специальной диагностики.

— Один момент: что у вас тут? — вьетнамка показывала на ее левое плечо.

— Ничего, — растерялась Маша. — Родимое пятно.

— Позвольте взглянуть?

Маша сняла плащ и пиджак. Вьетнамка разглядывала ее плечо, потом быстро произнесла:

— Прибор иногда реагирует на мелкие изменения.

Маша решительно надела пиджак, встала:

— Спасибо, мне пора. Большое вам спасибо за чай и диагностику...

— Надеюсь, мы еще увидимся, — полувопросительно, полуутвердительно сказала вьетнамка, провожая ее к двери. И продолжала улыбаться, хотя Маше показалось, что ее взгляд был абсолютно серьезным.

Маша вышла на улицу, прижимая здоровой рукой сверток с подношением и испытывая непонятное беспокойство: ей не очень понравилась встреча, хотя формальных причин для волнений не было.

Придя в свою рекламную контору, первым делом развернула сверток: там оказался конверт с тремя тысячными бумажками, простенький мобильный телефон, квадратная бутылочка с жидкостью, напоминающей масло, и тряпочка с иероглифами. Получалось, что ей

вернули тысячу рублей и две дали на чай? Забавно... «Будем считать, что это за моральный ущерб». Маша вынула пробку, понюхала. Резковатый специфический запах отнюдь не парфюмерного свойства.

Ей некогда было рассматривать подарки, потянулся обычный рабочий день: переговоры с заказчиками, электронная переписка, общение с мелкими и крупными полиграфическими фирмами, рекламными отделами газет и журналов — рутина, к которой она привыкла и которую не надеялась поменять ни на что другое. Время перемен прошло для нее навсегда — по крайней мере, вслух Маша это производила неоднократно.

Сегодня она ожидала расспросов о забинтованной руке, но молодые коллеги ничего не заметили. Впрочем, что тут удивительно: она же для них тетка с сумками. Она и сама воспринимала себя как тетку с сумками. Тетки с сумками обладают волшебным свойством оставаться незамеченными в любом месте. Тетки с сумками вообще обладают массой волшебных свойств, недаром феи в сказках — всегда тетки неопределенного возраста. Может, ей пора становиться феей? Но вчера она поступила отнюдь не как добрая фея. Маша вспомнила встречу с тремя агрессивными юнцами. Голова опять слегка закружилась. Подумаешь, разогнала трех подростков, эка невидаль!

Удивительно было другое: обычно она старалась уйти с работы как можно позже, но сегодня ноги сами несли ее домой. Магазины еще вовсю работали. Внимание привлекла витрина, в которой поблескивали бронзовые кинжалы и сабли. Даже не сама витрина, а что-то неуловимое... Маша нерешительно зашла.

— Подарок ищите? — осведомился продавец.

— Да, вроде того... Чем это у вас пахнет?

— Гвоздичное масло. Им чистят оружие.

Запах! Запах, который доносился из дверей магазина, в точности напоминал запах масла из подаренной бутылочки. Значит, ей подавали средства для ухода за мечом: масло и специальную тряпочку, чтобы протирать клинок. Избитый вьетнамец увидел меч, оказавшись у нее в доме. Неужели он решил, что она и впрямь занимается боевыми искусствами?

Впрочем, теперь это неважно. Человек, за которого она заступилась, хотел сделать для нее что-то хорошее. Он успел заметить меч —

и подарил средства для ухода за мечом. Вернул деньги. Зачем было дарить мобильник — непонятно, ну да ладно. Маша — как настоящая девочка из настоящей сказки — любила делать разовые добрые дела. Зарабатывать себе невидимые бонусы в невидимом, но существующем ведомстве. Делать разовые добрые дела значительно проще, чем решать свои проблемы. Особенно когда они относятся к категории житейских, то есть нерешаемых...

Маша заскочила к Раисе Ефимовне, занесла обещанный кефир и хлеб, та оглядела ее и неожиданно заметила:

— Ты хорошо выглядишь. Если бы еще сменила стиль и оделась прилично...

Она вбежала в квартиру и набросилась на еду, как будто школьница после шести уроков. «Да что со мной такое, в самом деле? Энергия хлещет во все стороны, впору заземляться...» Пометалась по квартире, решительно отмела мысль о хозяйственных делах, найдя себе оправдание — раненую правую руку. Включила телевизор и попала на середину фильма «Убить Билла», как раз на сцену поединка в заснеженном японском садике. Сняла меч со шкафа, буркнула ему: «Привет...» Осторожно взмахнула раз, другой, увидела отражение в темном оконном стекле... «Чердак уехал. Климакс подступает, не иначе».

После чего принялась чистить клинок маслом и специальной тряпочкой. Разводы и пятна не отступали, Маша поколебалась и извлекла из кухонного шкафа средство для чистки посуды «Цептер». Это средство ей впарили лет пять назад: презентацию проводила дочка ее подруги, Маше было неудобно отказаться, средство она купила, а от посуды отмазалась. Теперь синяя бутылочка оказалась как нельзя кстати: через десять минут меч сверкал как новый.

— Это был действительно меч Хаттори Ханзо...

В дверь позвонили. Глазка на двери не было — сэкономила, когда заказывала железную дверь. В подъезде установлен домофон, никто посторонний не войдет. Маша открыла, ожидая увидеть кого-то из соседей, в крайнем случае — сына или дочь, которые могли и ключ забыть, и без предупреждения заехать.

Перед ней возник вчерашний аварийщик. Он был по-прежнему одет в рабочую желтую робу, правда, каски на голове не было.

— Добрый вечер, хозяйка! Как дела у вас? Не течет?

— Не течет, хотите проверить?

— Показывайте...

Он заглядывал в темную каморку в прихожей, ковырял пальцем трубу, а сам косил глазом в комнату. И что-то Маше очень не нравилось. А что — она не могла сформулировать. По спине ползла легкая дрожь, озноб не озноб, как будто микроскопические иголки покалывали во всех нервных окончаниях. Она прежде не испытывала подобных ощущений, поэтому растерянно ждала, пока он поковыряется в трубе. Но ковырялся он там для виду!

— Что вам нужно? — спросила Маша и опешила от своей жесткой интонации: прежде она никогда бы не спросила в лоб, боясь обидеть человека нелепым подозрением...

Аварийщик от неожиданности ответил быстро:

— Я видел вчера у вас старинное оружие. Можно еще раз посмотреть?

— Пожалуйста. Надо было сразу сказать... — Маша отступила в глубь комнаты, сняла меч со стола, поднесла ближе. — Я только что его почистила.

Посетитель жадно слотнул слюну. Ему явно хотелось взять меч в руки, но Маша держала дистанцию. Как Ума Турман в только что виденной сцене.

— Один человек очень хочет купить такой меч. Он сказал — спроси, сколько эта дама возьмет за него.

— Меч не продается. — Ощущение покалывания по всему телу усилилось, она буквально выдавливала слова. — Это память о моем родственнике.

— Послушайте, дама, ну зачем он вам? Вы же им пользоваться не умеете. Не в той руке держите. За него можно хорошие деньги получить. Вы одна живете, мало ли что? Вдруг ограбят, например...

— Это уж мои проблемы. Меч не продается, — повторила Маша. — Или вы мне угрожаете, не дай бог?

— Да что вы! Я просто хотел посмотреть... очень редкий экземпляр... А больше вы ничего старинного не находили?

Гость сделал шаг — даже полшага — по направлению к ней. Маша отскочила назад, взмахнула мечом, вероятно, зацепила люстру,

перерубила провод... Искры полетели в стороны — а может, у нее из глаз, — раздался грохот: лампа взорвалась, люстра с хрустом рухнула вниз. В квартире мгновенно стало темно, обострившимся звериным чутьем она уловила движение в этой вязкой тьме. Опять взмахнула мечом, услышала сдавленный крик и стук... Потом ей стало горячо, нестерпимо горячо, так, что дышать невозможно, она вцепилась в рукоять меча и почувствовала себя маленькой, слабой, невесомой... ей надо было спрятаться где-то. Там, где холод. Там, где безопасно...

Она опомнилась на полу около ванной. Меч по-прежнему был зажат в левой руке. В комнате было темно, только в прихожую падал свет с лестничной площадки: входная дверь осталась незапертой. Незадачливый любитель антикварного оружия сбежал,

«Кто на нас с мечом пойдет, от меча и погибнет, — резюмировала Маша, вяло собирая осколки. — Есть первая жертва — люстра... Впрочем, все равно ремонт делать». И увидела на полу густые темные подтеки. Она ранила человека? В собственном доме? На подкашивающихся ногах подошла к двери, никого за ней не нашла, с фонариком обшарила всю квартиру... никого... Милицию, что ли, вызвать? И что сказать? К ней приезжала аварийка, искала протечку, нашла меч в тайнике, потом аварийщик вернулся, чтобы выпросить у нее меч, а она возьми да и заруби его этим мечом?.. И кто в это поверит?.. И где тогда тело? Впрочем, «нет человека — нет проблемы», как говорил один знаменитый негодяй. Поковыряла пальцем подтеки на полу — и облегченно вздохнула, а потом засмеялась: черносморочное варенье, которое кто-то принес ей в прошлом году. Маша поставила банку в прихожей и забыла, а вчера, во время суматохи, переставила на стол. Люстра при падении разбила банку. И ее незванный гость в темноте наступил прямо в густую засахаренную кашу. На полу были видны раздавленные присохшие ягоды. Снова протерла заляпанное вареньем лезвие средством для посуды «Цептер» и тупо закурила, сидя посреди комнаты.

И тут раздался звонок. Звук шел из коробки с подарком от неведомых вьетнамцев. Звонил телефон — тот самый, лежавший в конверте.

— Слушаю вас.

— Мария? — спросил мужской голос.

— Да.

— Мы хотели поблагодарить вас за помощь, которую вы оказали нашему родственнику, — собеседник говорил без малейшего акцента.

— Не за что. Надеюсь, у него все в порядке?

— Да. А у вас?

— Спасибо, хорошо.

— Вы уверены?

— Да, спасибо...

— Иного ответа я и не ожидал. Что же, удачи вам! — Собеседник сделал паузу: — Если вдруг понадобится помощь, наберите этот номер.

Маше страшно хотелось закричать: «Да, черт возьми, мне уже нужна ваша помощь! Немедленно!» — но она сдержанно поблагодарила и нажала отбой. В конце концов, люстра могла упасть в любой момент, и банка могла тоже разбиться в любой момент. И жуликоватый рабочий мог прийти в любой момент. Пора запомнить, что не стоит открывать дверь всем подряд. Она была большой девочкой и привыкла разбираться со своими проблемами сама. Как умела. И кто-то ей сказал недавно: «Сама разберешься...»

глава 4

Несколько дней пролетели в предремонтной лихорадке. Маша, прежде боявшаяся бытовых проблем как черт ладана, развила кипучую деятельность. Нашла надежную бригаду. Договорилась с прорабом, что он придет на днях посмотреть объем работ. Нашла, где занять денег. Провела разведку боем на ближайших строительных рынках. Попросила детей оторваться от семейной жизни и в ближайшие выходные передвинуть мебель. Ни аварийщик — любитель антикварного оружия, ни вьетнамцы-невидимки — никто более ее жизнью не интересовался, Маша подумала: один день в году имеет право быть фантасмагорическим, но он прошел. Увы...

Просыпалась с утра и чувствовала небывалый прилив сил, делала гимнастику, прыгала под холодный душ и исподтишка смотрела в зеркало: да полно, может ли такое быть? Потихоньку пыталась изображать движения с мечом, в интернете выкопала несколько роликов с японцами, демонстрирующими древнее искусство иайдо. Как толь-

ко она брала меч в левую руку, мысли о сантехнике, кафеле и ветоните выдувало резким обжигающим ветром. Возможно, дело было в дурманящем запахе гвоздичного масла? А может, в непривычности самих движений — защита, атака? Люстры не было, больше ей ничто не мешало. Разглядывала ролики, скачанные из интернета, вслушивалась в гортанные голоса, в рваный перевод. С монитора в ее развороченную квартиру врывается другая жизнь. Скажи ей кто-нибудь об этом неделю назад — улыбнулась бы, и только. Теперь она смотрела в зеркало и видела в нем не тетку с сумками — женщину с мечом. Ради одной этой находки можно было перетерпеть грядущий ремонт.

Сегодня она освобождала шкафы, чтобы двигать было легче. С запасом книг, коих в избытке было раньше в каждой интеллигентной семье, придется бороться. Часть устаревшей научной литературы решительно сложила в коробки на выброс. Дальше кое-как выгребла классику, которую перечитывать никто не будет, а выкинуть рука не поднимается. «Перевесим эту проблему на внуков! Скоро книги исчезнут как класс, и выбрасывать их можно будет без угрызений совести».

Две или три полки были заняты книгами, оставшимися от Сони: история стран Индокитая, пожелтевшие сборники научных статей, переводы сказок и мифов. В младших классах она пыталась читать и точные сказки, но куда больше любила мифы Древней Греции, ходила в Пушкинский музей, в Клуб юных искусствоведов. Древнегреческие мифы были красивые и какие-то близкие, а те, из Сониных книжек, — далекие и чужие. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» — декламировала Маша, перетаскивая коробки с книгами в дальний угол. В шестом классе она писала по ним доклад об удивительном сходстве мифов Севера и Юга. Прекрасные и жестокие боги Эллады остались в том же дальнем слое воспоминаний, что и бесконечные школьные насморки, и первые детские влюбленности. Даже в детстве ей казалось, что сквозь эллинские мифы прорастало нечто темное, более древнее, как те самые железные воины, выросшие из зубов Дракона, а изящные силуэты олимпийцев и аргонавтов только закрывают грозные исполинские тени, колышущиеся в сумерках, но заглядывать туда не хотелось. Про щит Ахиллеса она и так все знает. А не найдется ли в Сонином наследстве сведений о мече? Не все же в интернете шариться...

Нет такого народа, который бы не слагал истории о войне, спасшем родину благодаря волшебному оружию. С ходу нашла несколько ле-

генд. Одна из них — самая известная во Вьетнаме: об озере Возвращенного Меча в Ханое. Национальный герой Ле Лой, живший в XV веке, нашел меч в озере, где проводились водные игры. Он поднял восстание против китайцев. После победы над угнетателями Ле Лой стал королем, а его меч вылетел из ножен и, превратившись в дракона, исчез в водах озера. У меча было имя — Небесная Воля.

Иная версия происхождения волшебного меча привлекла ее внимание еще больше. Богатый человек хранил два разных куска железа, один из них обладал чудесным свойством: он влиял на жизнь своего хозяина. Однажды сын хозяина случайно взял волшебный слиток и выковал из него меч. Раб, который находился рядом, случайно поранился, капля крови упала на меч. Меч ослепительно вспыхнул, раб исчез, меч остыл. С тех пор сам король огня охраняет волшебный меч. Король воды сохранил только чашку и ротанг, с которыми работал раб. Ткани, в которые завернут меч, никогда не разворачивают: это означало бы конец мира. Посмотрела на забинтованную правую руку: воистину любой меч влияет на жизнь своего хозяина. И пусть случайно — но ткань была развернута, а на лезвие пролилась ее собственная кровь. Как по-писаному. И аварийщик исчез сразу... Результат налицо. Кто такие эти короли огня и воды?.. И что такое ротанг?

Полистав книгу, Маша выяснила, что это священная лиана. По одной из легенд, народы Индокитая владели письменностью, знания эти были записаны на листьях и лианах, а потом именно ротанг — лиана — с иероглифами был утрачен. Племена банар, эде, джарай ушли в поисках знаний дальше, а вьеты горевали об утраченном знании так сильно, что бог даровал им страну у моря и вернул письменность. У Маши в руках была та самая сухая кривая деревяшка с иероглифами — не иначе как древние знания.

Она вытащила бумажную закладку, взгляделась в случайно открытую страницу. Племена соревновались за право обладания священным мечом. Это был золотой луч, который солнце вынуло из своей короны и бросило в воду священной реки. В состязании ныряльщиков победило племя джарай. Соперники вступили с ним в многолетнюю войну. Священный карп из реки сжалился и обратился к солнцу: «Не пора ли дать мир этим людям?» Солнце ответило: «Пусть меч сам решит, кто его будет беречь!»...

Ситуация полностью соответствовала легенде: меч сам решил, что именно Маша должна его беречь. Сухая деревяшка — священный ротанг, несущий в себе древнее знание. Награда нашла героя. Летят самолеты — салют Мальчишу...

Любопытство было вознаграждено, девочка нашла игрушку. Мифы народов Индокитая были отложены на почетное место — возле дивана. «Перед сном полистаю, — решила обладательница загадочного оружия. — Надо знать, с кем имеешь дело. Как говорится, предупрежден — значит вооружен. Надо бы имя мечу придумать. Назвать его Осокой, что ли? Как-то глупо. Имя получится женское и совсем не романтическое».

Искать достойные имена в старых книгах стало лень.

Захлопывая сборник мифов, Маша повертела в руках закладку: обычное приглашение на вечер вьетнамско-советской дружбы в посольство СРВ. Конец восьмидесятых. Мелким шрифтом было набрано: «Вечер посвящен открытию СП «РосВьет-что-то» и еще мельче — Белый Тигр... Наверно, это было одно из первых совместных предприятий, где работал кто-то из Сониных бывших аспирантов. Соня уже была в почтенном возрасте, ее приглашали не как переводчика, а как уважаемого гостя. Может, назвать меч Белым Тигром? Не похож. Совсем... Он походил на таинственное животное, замершее в полусне и готовое к броску в любой момент...

Хотела выбросить приглашение, но передумала, положила в папку со старыми документами. Казалось, оно еще хранило прикосновение Сониных длинных аристократических пальцев, в бесчисленных непальских кольцах с рубинами и сапфирами. Соня до последних дней оставалась красавицей... настоящей женщиной была ее любимая тетушка. А сама Маша на что похожа в свои неполные сорок пять?

Отпихнув книги, она достала фирменные джинсы, пролежавшие без толку лет десять, влезла в них без труда. Минус два размера?.. Не может быть. Вытрясла еще две пары брюк, в которые не надеялась влезть; оказалось, что брюки сидят на ней свободно. После двух родов, развода, смерти родителей и тетушки, последовавшего за этим финансового краха девяностых у Маши нарушился обмен веществ, она начала поправляться. Как объяснял ей знакомый врач, это одна из

форм невроза: реакция на стресс. Организм пугается и пытается наесть запасы впрок. Судя по всему, Машин организм испугался основательно, лет на двадцать вперед. Она понемногу свыклась с бесформенной оплывшей фигурой, но исподтишка себя за это презирала. И вдруг сейчас выяснила, что легко влезает в размер М! В духоподъемном состоянии она полетела на работу, где даже коллеги оценили изменения в ее внешности.

По пути домой Маше нужно было заехать на строительный рынок. Она завернула в ближайший магазин, коих на Маросейке было видимо-невидимо, с ходу купила новый белый свитер, тоже размера М.

— Померить не хотите? — спросила продавщица. — Недешевый все-таки...

— Нет, я ремонт делать собираюсь, цены мысленно перевожу в кафель. Свитер стоит как четыре плитки.

Выйдя из магазина, Маша оказалась у входа в салон красоты. Стоимость стрижки, указанная на выносном щите при входе, равнялась стоимости шести кафельных плиток. Маша ходила лет десять с вечным хвостиком на затылке, закрашивала седину сама, дешевой краской. «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...» — решительно сказала она себе, входя в салон. «Необратимые изменения в организме», — добавил внутренний голос.

Через два часа она вышла оттуда в новом белом свитере, с короткой стрижкой и обновленным цветом. Пепельные волосы начали немедленно виться, как только их освободили от резинки. Вспомнилась детская фотография: маленькая кудрявая девочка на руках у Сони, на даче у каких-то родственников. Собственно, родственников в кадре не было: тетушка, Маша, кусок веранды и сад. Фото было старым и оборванным, Маша недавно вынимала его из пыльного альбома. Что за родственники? Отродясь про них потом никто не слышал. Подумать только, достаточно выдернуть ржавую трубу — и как неожиданно все меняется. Вплоть до размера джинсов и цвета волос...

Возле одного из павильонов строительного рынка в необъятной грязной луже застрял бомбила на драной «шестерке»: он никак не мог тронуться с места, машина буксовала.

— Девушка! Помогите, пожалуйста! Я толкну, а вы с места троньтесь, и все. Никто помочь не хочет, что за люди...

— Да я ездить не умею, вы что?

— Вам только с места тронуться! В луже яма, сам не выеду. Пожалуйста! Сядьте за руль. На счет «три»!

— Попробую... — пробурчала Маша, нашаривая забытые с шестнадцати лет педали. Учил ее папа в школьные годы, да давно истлел тот жигуль, а новой машины никто никогда не купил. Однако легко справилась с необычной ролью, вдвоем они вытащили машину из лужи. Комбинация «сцепление-газ-тормоз» и забытое обращение «девушка» привели Машу в состояние, близкое к эйфории. Она возвращалась вприпрыжку, Раиса Ефимовна увидела ее в окно и немедленно позвонила:

— Машенька, деточка, ты выглядишь потрясающе! Эта стрижка тебе к лицу! Признайся: у тебя роман?

— У меня ремонт, Раиса Ефимовна! Кстати, если прораб придет смотреть объем работ, а меня не будет, покажете ему квартиру? Ключи у вас есть.

— Прораб... ремонт... Деточка, расскажи это кому другому. Ты совсем другая стала в последние дни! Смотри, будь осторожна, особенно с молодыми людьми, у тебя сейчас такой возраст, что они сами липнуть начнут...

Маша вздохнула:

— Никто мне не нравится, Раиса Ефимовна. Потому что я сама себе не нравлюсь... — и это была чистая правда. Хотя сегодня, после посещения парикмахерской, впервые смотрела на себя без отвращения. Да она за предыдущие десять-пятнадцать лет столько в зеркало не смотрелась, сколько за эту неделю! «Сорок пять — типа ягодка опять...» — с сомнением произнес внутренний голос. Зеркало отразило прицельный взгляд незнакомой женщины с безымянным мечом, зажатым в левой руке. Правая по-прежнему была забинтована, хотя рубец на глазах подсыхал и светлел.

Маша сделала несколько неуклюжих движений, споткнулась о кроссовки, которые десять лет назад были куплены, чтобы бегать по утрам вместе с детьми. Детям стало лень вставать на полчаса раньше, а у самой Маши немедленно нашлась тысяча и одна причина, чтобы не бегать. Кроссовки лежали на дальней полке шкафа. Сейчас Маша примерила их, надела спортивный костюм, оставшийся с тех же времен, рассовала по карманам ключ с телефоном и мрачно отправилась

бегать на набережную. «Необратимые изменения в организме», — констатировал внутренний голос. Она попыталась задуматься, зачем ей понадобилось бегать, но голова слегка закружилась — и Маша перестала думать. Возможно, ей захотелось еще похудеть?

«Нет, это запах гвоздичного масла дурманит рассудок...» — твердил ей внутренний голос, в то время как она бежала вдоль вечерней набережной, пыхтя и задыхаясь. «Если я не смогу бежать, я же всегда смогу остановиться и пойти пешком или доехать обратно на троллейбусе?» — «Конечно...» Первые пятнадцать минут ей хотелось умереть, но внутренний голос прохрипел: «Не смерти боюсь, а бесславной смерти боюсь!» Маша добежала до моста, черневшего на фоне желто-фиолетового осеннего заката, там сделала несколько дыхательных упражнений, замерла, разглядывая темную шершавую поверхность воды. Может, окунуться заодно? Никто не увидит, темно, а дома сразу в душ? «Совсем сбрендила!» — рявкнул внутренний голос. «А ведь я в пионерлагере занималась подводным ориентированием, бороздила мутные подмосковные озера в ластах «Дельфин» и в маске со специальной трубкой. Зачем это было? Когда хоть раз пригодились навыки задержки дыхания и плавания под водой?» — «А когда тебе пригодились твои одиннадцать языков? — напомнил внутренний голос. — Когда ты в очередях стояла или с лежащими больными месяцами сидела?» Впрочем, задумываться об этом не имело смысла. Жизнь сложилась так, как она сложилась. Маша глубоко вздохнула, посмотрела на темную реку и побежала назад. «Старый пруд. Прыгнула в воду лягушка. Всплеск в тишине». Басе.

Дома, стоя под душем, повернулась, чтобы не замочить забинтованную руку, и увидела, что пятно на левой лопатке стало почти пунцовым. Авось само пройдет. Рухнула на диван перед компьютером, надеясь найти в интернете еще что-нибудь о работе с самурайским мечом. Зазвонил мобильник — тот самый, подаренный благодарными представителями братского народа.

— Мария, — осведомился мужской голос, — у вас все в порядке? Найдется пара минут?

— Конечно.

— Мы хотели бы пригласить вас на презентацию нашего центра восточной медицины.

Маша, по долгу службы посещавшая бесчисленные презентации, люто ненавидела подобные мероприятия, поскольку избегать их не могла. Проку от ее присутствия не было: она стеснялась, торчала в углу и норовила пораньше сбежать. Но и отказаться тоже НЕУДОБНО. Она собралась выплюнуть традиционную вежливую жвачку из слов «спасибо, попробую, очень плотный график, непременно пришлите пресс-релиз по электронной почте, я что-нибудь придумаю...», но вместо этого спросила в лоб:

— Думаете, я не видела презентаций? — И сама оторопела от собственной наглости.

— Вы могли бы пообщаться с нашими специалистами. Среди них — знатоки медицины, восточных практик.

— Почему вы думаете, что я этим заинтересуюсь?

— Наш родственник сказал, что вы защитили его от трех нападавших. Наверно, вам будет любопытно увидеть показательные выступления мастеров боевых искусств. У нас есть программы для общего физического развития, для поддержания тонуса, а есть, например, и работа с оружием... Кажется, у вас есть старинное оружие?

— Это сувенир, — быстро ответила Маша.

— Вы могли бы захватить его с собой и показать нашим специалистам по антиквариату. Кстати, мы планируем размещение рекламы в СМИ и могли бы поговорить об этом, — собеседник быстро сменил тему. Никаких фантазмагорий, никаких тайн и восточных аллегорий: им нужна реклама, скидки и проч.

— Где и во сколько? — вздохнув, спросила Маша.

— Завтра, в тринадцать часов в нашем центре на Маросейке. На входе просто назовете свое имя.

Собеседник распрощался. Надо обдумать, в каких журналах можно разместить их рекламу, удастся ли это сделать в обход агентства и какой процент она сможет за это получить. Стало смертельно скучно. Может, и правда — взять с собой меч да показать им? «Прийти с мечом на встречу с клиентом — это новый подход к рутинной работе», — резюмировал внутренний голос. «Ладно тебе, утро вечера мудренее, — ответила ему Маша и углубилась в изучение очередного сайта восточных единоборств... — Утром с дивана бы встать после вечерней пробежки...»

На следующий день она даже не задумалась над тем, нужно ли брать с собой меч. Просто засунула его в тот же самый чехол, отчищенный от пыли, загадочную сухую деревяшку с иероглифами запихнула в карман чехла. Как там это называлось, священный ротанг? Пусть лежит... И пошла к метро. Никто и внимания не обращал. Мало ли что она закинула за плечо? Швабру купила, например. Фирменную. В упаковке. «Или помело, — грустно добавил внутренний голос. — Но на Маргариту ты никак не тянешь, даже с помелом...»

На улице ярко светило сентябрьское солнце, тени под ногами тоже были яркими. Маша разглядывала свою тень: удлинённую, темно-синюю, со скошенным крылом — так причудливо трансформировалась тень от чехла. Как будто по асфальту, рядом с ней бежал двумерный персонаж японского аниме: то ли человек, то ли зверь, то ли мифическое животное. Тень была длинной и опережала ее на несколько метров. Непонятно было, кто за кем идет. «Тень должна знать свое место» — вспомнила она великого Шварца. И направилась напрямик к знакомому дому в закоулках Маросейки.

Решила срезать угол и пройти через двор. Соседнее здание пустовало, вероятно, новые арендаторы, о наличии которых возвещала солидная бронзовая доска на двери, не могли сразу раскошелиться на ремонт. В центре двора громоздились два огромных контейнера со строительным мусором, около них пытался развернуться мусоровоз. Двое нерусских рабочих в черных куртках и шапочках орали и жестами показывали, как вывернуть колесо, сдать назад и не снести пристройку. Маша встала, выжидая. И тут по спине побежал легчайший озноб: боковым зрением она заметила, что грузовик перегораживает ей дорогу из подворотни на улицу. А юркие рабочие оказались по бокам, на дистанции в два шага. Озноб усилился. Чувство было таким же резким и непривычным, как запах гвоздичного масла. Опасность!.. Грузовик остановился, за стеклом она увидела водителя — в черной шапке, надвинутой до бровей. Лицо показалось смутно знакомым, но задумываться было некогда. Один из нападающих шагнул к ней, протягивая руку... ей-богу, он тянулся к мечу, а не к сумке.

— Назад, — прошипела Маша, коряво стягивая с плеча чехол. И вспомнила фильм «Горец». Как, черт возьми, главный герой ухитрялся носить меч под любой одеждой и выхватывать его столь молниеносно? Мужчина сделал шаг, второй таким же пружини-

стым движением переместился ближе. Маша смотрела им в глаза: слишком цепкие, слишком сощуренные. «Вылезай из чехла!» — прошипела она мечу. Меч не вынимался. «Вот чучело... Ко мне!» — скомандовала она упрямому оружию. Непонятно как извернулась и вытащила меч, а ножны стряхнула прямо в цементную пыль. Озноб усилился, превратился в короткую судорогу. Потом резкая волна прошла от левого плеча вниз, к кисти, стиснувшей рукоять. Эта же волна собрала тело в один горячий комок. Один из нападавших гортанно вскрикнул, но крика она уже не услышала. Обострившимся боковым зрением уловила движение и ушла от него, человек от неожиданности провалился в пустоту. Она взмахнула мечом, перед глазами что-то сверкнуло: солнечный зайчик от бронзовой доски ослепил на мгновение. Она зажмурилась, пошатнулась вслед за движением меча... и стала маленькой, незаметной, невесомой, прижалась к чему-то холодному и замерла.

В безопасности. В абсолютной темноте.

Потом мрак начал рассеиваться, она не чувствовала своего тела, не могла шевелиться, попыталась вдохнуть — вдох удался с трудом. Оказалась опять на кафельном полу в длинном сумеречном коридоре. По стенам клубилось бесформенное нечто, но страха не было. Она вообще не испытывала никаких эмоций — просто оглядывалась по сторонам. Тени возникали и исчезали, потом из сплетения серых и темных пятен прорисовался смутно знакомый силуэт. Она уже где-то видела эту огромную фигуру в конце коридора.

— Кто вы? — Голос вяз в сумеречной субстанции, заменяющей воздух. Но она видела, как колеблется субстанция, и понимала, что существо в конце коридора улавливает колебания и слышит ее.

— Я же предупреждал: разберись со своими проблемами. Как медленно до тебя доходит, просто ужас! Едва лишь нос высунула, как чуть не получила по башке, причем абсолютно ни за что.

— Откуда вы знаете?

— Ты бьешься лбом в стену! Разве так входят в четырехмерку? Рискуешь собой, рискуешь генератором, нарушаешь структуру переходных полей. Я уж не говорю о том, что несанкционированный переход строжайше запрещен. Для носителя генератора возможно исключение. Но надо же себя вести прилично! Как ты обычно приходишь в гости? Сначала предупреждаешь о визите, согласовываешь

время с хозяевами, потом приходишь и стучишь в дверь. Думаю, подобные правила одинаковы во всех мирах?

— Я...

— Не слышу ответа!

— Да, пожалуй...

— Почему ты себе позволяешь являться сюда без стука и предупреждения? Выражение «ломиться в открытую дверь» не стоит понимать буквально!

— Я не сделала ничего плохого. На меня напали двое, хотели ограбить, я всего лишь защищалась.

— Тяжелый случай. Посмотри внимательно, может, поймешь что-нибудь.

Она добросовестно всматривалась в серую мглу.

— Тут ничего нет!

— Разве я велел смотреть по сторонам? По сторонам ничего нет и быть не может, это трансгрессионный шлюз. Ты не хочешь видеть! Непонятно? Я пользуюсь твоим собственным смысловым рядом и лексикой. Сколько мусора в твоей голове! Как можно было доверить генератор невесть кому? И кстати: для активации генератора существует тоже ряд стандартных процедур и кодовых команд. Обязательно дергать его и трясти. Вряд ли ты его сломаешь, конечно, но обращаться с ним следует аккуратнее. Защита от дурака — дело непростое, в любых мирах... Разуи глаза, женщина! Так у вас говорят, кажется? Смотри!

— Куда?

— Измельчал наш род, если никого другого не нашлось. Я устал с тобой разговаривать. Куда можешь, туда и смотри.

Собеседник стал медленно удаляться, что-то недовольно бормоча. Она всматривалась в окружающее, постепенно мысли стали тягучими и исчезли вовсе, она сосредоточилась на движении серых и темных пятен. Их мелькание вновь стало образовывать фигуры: вооруженные всадники, солдаты, сумятица, хаос — невнятная батальная сцена из старого черно-белого кино. Вдруг показались мама, папа, тетюшка Соня: они куда-то едут вместе. Часть серой мглы развеялась, отчетливо возникла цветная объемная картинка: она смотрела снаружи — и одновременно ощущала себя там, внутри. Маленькая девочка с кудряшками гуляет в каменном дворике. Над головой нависает

что-то огромное — ослепительно-красивые желтые звезды в полнеба размером.

— Кто это, мама?

— Золотые шары. Это цветы. Первые цветы осени, доченька...

Она хотела крикнуть «мама!» — но голос не повиновался. Всеми силами она пыталась удержать яркость изображения, но цвета поблекли, а за потускневшими золотыми шарами с разных сторон коридора показались двое: темноволосый юноша с припухлыми губами и азиатским разрезом глаз и высокая, худенькая светловолосая девушка. Они не замечали ее присутствия, глядели только друг на друга, потом почувствовали присутствие постороннего в коридоре. Обернулись в ее сторону, замерли... Всплеск огня, ударивший по всем рецепторам, был невысказанно ярким, ей пришлось зажмуриться, а когда огненная волна отхлынула — никого не было в коридоре. Опять колыхалась серая мгла, из которой появилось Машино отражение: оно брело вдоль стены с таким унылым видом, что самой стало противно: неужели это она?

— Проверка зрения! Наконец увидела хоть первую строчку в таблице! — опять раздался недовольный голос незнакомого собеседника. — Может, попытаешься прочесть и вторую?

Она добросовестно таращила глаза, внезапно мгла задрожала, посветлела: стремительный силуэт мультяшного ниндзя, с мечом и в маске, двигался вдоль противоположной стены, отбрасывая под ноги длинную несуразную тень: то ли человек, то ли зверь, то ли мифическое животное. Она недавно видела нечто подобное... Силуэт с мечом и ее унылый двойник двигались навстречу друг другу, их тени пересеклись, слились в один смазанный бесформенный темный контур... потом бесформенная фигура вздрогнула, исторгла всплеск ярчайшего огня, из которого выскользнуло что-то маленькое, ослепительно-золотое... и исчезло в темноте, которая очерчивала края коридора.

— Хорошо. Вторую строчку тоже прочли... с грехом пополам... — скептически пробурчал невидимый собеседник.

— Вы наблюдаете за мной? Где вы?

— Тебе действительно надо было как следует дать по башке, чтобы ты посмотрела хотя бы в зеркало, а потом по сторонам. Странно, что ты вообще соизволила что-то заметить. Тоже мне, принцесса крови...

— Вы не могли бы объяснить, как мне отсюда выйти?

— Куда?

— Куда угодно.

— Ты выйдешь отсюда в любой момент. Куда угодно. Вопрос в том, куда ты хочешь выйти.

— Как я пойму, где выход?

— Просто выбери, в какую сторону ты пойдешь. Только сделай это быстро, я не могу до бесконечности прикрывать тебя в нейтральной зоне. Выбери направление!

— ...Э-э-э?

— Не думай! Сейчас! — Голос отдавался в затылке сильнейшим эхом.

Она сосредоточилась, вспомнила, куда скользнула огненно-золотая искорка — там вроде бы маячил просвет... и точно, просвет открывался, превращаясь в широкий проход. Оставалось свернуть в него из сумрачного коридора, но она никак не могла собраться с силами и сделать последний шаг по кафельному полу...

— Ты выбрала правильно! — шепнул ей вслед собеседник. Его темный силуэт растворялся в дальнем конце коридора. — До свиданья, Саламандра! И будь осторожна!

Она свернула в боковой проход и полетела к свету, за маячившей впереди невесомой огненно-золотой искоркой...

ЧАСТЬ II

*Женщины не умеют ждать,
помните об этом.*

АГАТА КРИСТИ

глава 1

Удивительный носитель. Вы уверены, что наши старания окупятся?
— Не нам решать.

— Что за манера разговаривать в духе дешевых боевиков об американских морпехах? Коллега, мы с вами могли бы проще объясняться.

— Во внеслужебной обстановке — да, а сейчас давайте работать. Хотелось бы знать, как это сделать, при такой фактуре исходника...

— Напрасно вы, коллега, посмотрите, какой превосходный генетический материал. Посмотрите теперь, как можно было это угробить...

— Вы слишком строги к исходнику. Достаточно было первоначального импульса, и обмен веществ начал восстанавливаться естественным образом, за счет ресурсов. Реконсервация врожденных свойств происходит очень быстро...

Дальше пошли ругательства, сначала по-русски, потом по-английски, потом по-вьетнамски. «Откуда я знаю, что это вьетнамский?»

И тут вспомнила Маша и назначенную встречу в Центре на Маросейке, и грузовик, и двух напавших на нее. «Сумка с документами...» Впрочем, в считанные мгновения Маша поняла, что деньги наверняка стащили, документы ей никто никогда не вернет, надо будет идти в милицию — но это потом. А беспокоил ее, как ни удивительно, один вопрос: почему она уверена, что незнакомый голос ругался по-вьетнамски? Впрочем, науке известны случаи, когда люди под гипнозом начинали говорить на санскрите. Отчего бы ей не знать ругательства на вьетнамском? Если в родне и русские, и бухарские евреи, в душе — матерная речь, праматерь всех языков, и до фарси рукой подать. И что бы сказал по этому поводу Прош?

Маша попыталась сесть, но не смогла. С изумлением обнаружила, что лежит на столе, накрытая простыней,

руки-ноги удерживаются в специальных устройствах, а обстановка вокруг больше всего напоминает операционную. Боли не ощущала, голова слегка кружилась. Сотрясение?

— Где я — спросила она, — вы кто? Мне по голове в подворотне дали?

— Не ожидал, что она очнется после первой стадии реконсервации. Завидная выносливость.

— Вы же слышали, коллега, НАСА в очередной раз выясняло, кого послать на Марс, и выяснило, что самые живучие и приспособляемые организмы — это женщины от тридцати пяти до пятидесяти. А уж русские женщины — тем более.

— На Марс мы бы с дорогой душой ее отправили, да у нас задачи другие.

— Первую стадию мы преодолели на удивление легко. А что касается второй...

— Сомневаюсь. Может не выдержать.

Над ней нависли две головы в хирургических масках. Одна голова принадлежала европейцу, немолодому голубоглазому мужчине лет шестидесяти, если доверять морщинам, а вторая оказалась головой японца, китайца или корейца, возраст не определялся никак. Обе головы несколько секунд ее рассматривали, переглядывались, потом заговорил тот, что походил на соотечественника. Маша тут же почему-то назвала его «Палычем». Густыми бровями и морщинами на лбу, изогнутыми в виде фигурных скобок, он напомнил ей физрука в школе, его называли просто «Палыч».

— Лежите спокойно, не волнуйтесь, — бесстрастно сказал «Палыч», — вы попали в небольшую переделку, мы вам поможем. Сейчас надо спать, а потом вы все узнаете.

И обе головы опять переглянулись.

Маша попыталась возразить, но к лицу бесцеремонно прижали маску и как будто выключили свет.

Второе пробуждение оказалось намного хуже первого. Болело все, что может болеть, как будто в организме оказалось очень много плохо пригнанных деталей, и они разом расшатались. Маша с трудом сфокусировала зрение на потолочном плинтусе, дождалась, пока белая полоска перестанет двоиться и дрожать, потом добилась параллельности линий — и смогла убедиться, что зрение ей пока служит. Руки-

ноги были по-прежнему привязаны, туловище охватывали плотные бинты. К руке прикреплены были датчики, ведущие к приборчику над кроватью. Приглушенный свет не позволял разглядеть ничего, кроме куска потолка и угла стены. Там виднелся глазок видеокамеры.

Маше хотелось пить, курить и встать. Как ни странно, вопрос о том, что произошло, не слишком ее волновал — трудности следовало решать по мере поступления. Попыталась двинуть связанными руками, но смогла лишь шевельнуть пальцами. Что можно сделать со вполне здоровой женщиной, у которой всего лишь отобрали сумку с документами и максимум дали пару раз по башке? И ей явно чего-то не хватало. Помимо одежды, документов и информации. Да меч, черт возьми, с которого все началось, его тоже забрали, что ли?

В прежние времена Маша бы непременно кинулась искать мобильный, чтобы позвонить сыну или дочери, сказать про прораба, но сейчас ей это и в голову не пришло. Ремонт... да бог с ним! Ее интересовало исключительно состояние собственной драгоценной персоны. Попробовала вывернуть шею поочередно влево и вправо, чтобы осмотреть окрестности. Ничего не увидела, кроме края кровати и угла. Начала потихоньку разминать и выкручивать запястья. Пальцы легко свернулись и выскользнули из левого, затем из правого зажима. Освободила руки, растерла запястья и перегнулась к ступням, чтобы высвободить их. Откинула одеяло, увидела бинты сверху донизу, не задумываясь, отцепила карабины и высвободила ноги, легко вскочила с кровати, наклонилась в поисках меча — но с чего бы мечу валяться под больничной койкой? Меч — благородное оружие. «Вылезай, чучело! — пробурчала она. — Вечно тебя нет под рукой, когда надо...»

Дверь в бокс оказалась незапертой. Вероятно, никто не ожидал, что пациент придет в сознание. Маша спокойно вышла в смежное помещение. То, что на ней не было никакой одежды, кроме бинтов, Машу абсолютно не смущало. В соседней комнате на стеклянном журнальном столике действительно лежал меч, в том же самом чехле, в кармане чехла по-прежнему спрятана была кривая деревяшка с иероглифами. Кроме меча, стола и ноутбука, в помещении не было ничего. На экране был открыт файл: стандартный электронный документ, правда, на английском языке, словно неведомый врач собрался заполнить историю болезни, да отвлекся и вышел. Маша скользнула равнодушным взглядом по монитору, потыкалась курсором в раз-

ные места, да и оставила эту затею: найдется какой-нибудь человек, объяснит ей, что тут происходит. А уж меч она заберет, раз он таинственным образом сопровождает ее в этой истории. Меч-кладенец... с него-то и начались проблемы...

Маша закинула на плечо зачехленное оружие — чисто Горец Маклауд. Оглянулась в поисках верхней одежды. В стенном шкафчике висел халат. Надев его, Маша взялась за ручку двери — и тут, как в любовном детективе, завывала сирена. Последствия общего наркоза, бред, замешанный на голливудских блокбастерах? Пусть так. А как же «вся жизнь перед глазами»? «Значит, такова была жизнь, что и напоследок ее пересматривать неохота, — констатировала она без сожаления. — Будем досматривать кино до конца». И не торопясь вышла в коридор. Вряд ли сирена имеет к ней прямое отношение, кто она такая, в самом деле? Пациентка? Пострадавшая? Ответа пока не было. Уж явно не та Маша, которая утром вышла из дома и поехала на Маросейку.

А в коридоре меж тем началось бурное движение, забегали люди в халатах, с бейджиками на лацканах, пару раз прошли мимо сотрудницы службы безопасности в строгих костюмах, заморгало табло с надписью Danger — у медицинского центра хватало проблем и без Маши. Она шла, опустив глаза и делая вид, что нет ничего естественнее, чем тетка в халате и бинтах, идущая по больничному коридору с мечом за плечами. Впрочем, кто и когда ее замечал — хоть с мечом, хоть без меча, хоть в халате, хоть без халата? Шапка-невидимка ей никогда не требовалась: тетки с сумками обладают волшебным свойством оставаться незамеченными в любом месте.

Маша благополучно миновала пост старшей медсестры, свернула к лифту, подумала и пошла по пожарной лестнице, которую краем глаза увидела на плане пожарной эвакуации. Раньше она за собой не замечала умения читать планы.

По лестнице проскакала резво, только зацеплялась мечом за перила и всякий раз ругалась сквозь зубы, чего раньше себе не позволяла. Но раньше она ничего себе не позволяла — и этого тоже.

Запросто выйти не удалось. Запасной выход оказался закрыт, надо было выбираться через основной холл больницы, где болталось на удивление много крепких ребят в костюмах. Маша опустила голову и поплелась мимо них, по привычке рассчитывая, что ее никто не заметит.

— Девушка, вы куда?

Маша по-прежнему шла к двери, не особо реагируя на это обращение.

— Девушка, вернитесь, я вам говорю!

Маша давно научилась реагировать на любой приказ — неважно от кого исходящий — после троекратного повторения. Эту армейскую премудрость легко усваивает любое гражданское лицо, которое всю жизнь находится в подчиненном положении. Только на третий раз обычно поднимала голову и отвечала кротко: «Щас все будет». Как правило, этого оказывалось достаточно. Поэтому Маша спокойно продолжала идти к двери, ей оставалось метров пять-шесть до заветного выхода.

— Девушка! Мне придется вас задержать!

До Маши наконец дошло, что охранник обращается лично к ней. Она собралась заканючить нудным голосом что-то оправдательно-невразумительное, как обычно вела себя с вахтерами, сторожами, тетками в ЖЭКе и прочими важными персонами. Но не тут-то было.

— Попробуйте, — ответила она, подняв глаза прямо на охранника. Тот растерянно шагнул в сторону.

— Нельзя после отбоя, больным не положено, — забубнил он.

Маша прошла мимо, нагло уставившись ему в живот. Навстречу ей поднялся другой охранник, настроенный более агрессивно.

— Вам сказали: нельзя! Не понимаете русского языка? Понаехали тут...

— Кто это «понаехали»? — Рассерженная Маша сделала обманное движение корпусом и прошла сквозь него, сама не понимая, откуда в ней такая прыть. Охранник пролетел несколько метров по блестящему кафельному полу, тогда предыдущий охранник опомнился и поднес ко рту свисток. Но свист Машу уже не интересовал. Она проскользнула в полуоткрытую дверь и оказалась на улице. Там, правда, виднелись запертые ворота, но Маша перекинула свое тело через невысокий забор с той же легкостью, с которой в семнадцать лет брала барьеры на университетских соревнованиях по легкой атлетике.

И лишь оказавшись на улице, опомнилась, что нет у нее с собой ни документов, ни денег, ни телефона — ничего из того нехитрого набора предметов, без которого современный человек и не человек вовсе, а бездомное животное. Зато меч-кладенец был при ней.

«Разберемся по мере поступления, — весело подумала Маша, вышагивая босиком по асфальту, покрытому тонким слоем осеннего льда, и удивляясь, что до сих пор не замерзла. — Если я не чувствую холода, значит, умерла? Тогда мне бы не хотелось есть. И курить...» Пора было раздобыть еду, одежду, сигареты и еще что-нибудь полезное.

Маша не удивлялась безлюдью — по виду типичный спальный район на окраине. Только странно, что ни одного светящегося окна; впрочем, ночь глубокая, вот и спят как суслики. И очень холодно — слишком холодно для сентября. Наконец ей попался бомж, рывшийся в помойке. Завидев Машу, он странно ойкнул и сгинул. Вероятно, тетка в халате и бинтах являлась пугающим зрелищем. Маша быстро нашла возле мусорных баков пакет со старыми вещами, который вынесли специально для бомжей. Там откопала свитер из разряда тех, в которых сама ходила дома, спортивные штаны с вытянутыми коленками — аналог ее домашних штанов, почти целые кроссовки и линялую майку универсального размера с разноцветной надписью Nike. Амуниция устраивала, оставалось переодеться.

Рядом виднелся строительный вагончик-бытовка; он был заперт, но нынешнюю Машу такие пустяки смутить не могли. Она подобрала кусок арматуры и сшибла замок легким движением, как будто всю предыдущую жизнь грабила подмосковные дачки в межсезонье. В вагончике не было света, но Маша открыла в себе удивительную способность видеть в темноте, поэтому через несколько секунд обнаружила зажигалку, а также свечку, йогурт, засохшую горбушку и две сигареты «Ява Золотая». Она зажгла свечку, мгновенно уничтожила пищу, закурила вонючую «Яву» и стала медленно разматывать бесконечную марлю не находя ни крови, ни следов уколов — никаких признаков предполагаемого хирургического вмешательства. Шрам на правой руке выглядел значительно приличнее, превратился в узкий рубец, даже дырочки от швов не бросались в глаза. А почему ноет тело?

Она натянула найденную одежду, которая на ней болталась как на пугале огородном. Собственно, в чем отличия от пугала? Шляпы нет? «Шляпа будет, — сказала она себе решительно, — для законченности образа. Вероятно, я умерла и в следующей реинкарнации стала пугалом. Уж никак не феей...»

Вторую сигарету Маша оставила про запас. На улице было по-прежнему безлюдно, в одежде и без бинтов Маша чувствовала себя спокойно. Лучше было бы не встречаться с милицией, чтобы не отвечать ни на какие вопросы, но и милиция, похоже, спала.

Сзади послышался шум мотора: ее обгоняла машина. Как на грех, «девятка» с тонированными стеклами. Оттуда доносилась развеселая музыка: не иначе, молодежь оттягивается. Маша только посторонилась, вряд ли ей стоило опасаться подвыпивших пацанов. Однако машина затормозила, из нее высунулась веселая рожа:

— Девушка, не страшно вам тут одной? Давайте подвезем, садитесь.

— Спасибо, я дойду, — ответила Маша, не поднимая головы. Но парень не унимался, приоткрыл дверь, не давая Маше пройти:

— Поехали с нами, мы добрые...

Маша спокойно относилась к подобным выходкам. У нее всегда был наготове ответ, действующий беспронимательно.

— Езжайте, молодой человек, у меня внуки уже, — сказала она добродушно. Но эффект оказался неожиданным.

— Хватит ломаться, садись! — крикнул ей из машины другой пассажир. И вылез, чтобы перегородить Маше возможное отступление.

«Давненько не видала я глупых подростков... Дежавю.» Только теперь она могла спокойно пользоваться обеими руками. Парень отлетел в сторону, не издав звука, водитель пригнулся к рулю, но на газ нажать не успел: она выдернула его из машины за ухо и отправила на обочину. Сама села за руль и резво тронулась с места. «Блин, как на этом можно ездить...»

Только вывернув на освещенную широкую улицу, Маша сообразила, что забытые навыки вождения она возобновила накануне, возле строительного рынка, исключительно на уровне «сцепление-газ-тормоз». «Умерла, точно, — подумала она. — Или сон вижу. Или в дурдоме пребываю. Впрочем, тогда тем более все равно...»

Она проехала довольно далеко, а название улицы не могла никак разглядеть, наконец в свете фар мелькнул указатель «Кольцевая 500 м». Это ее немного удивило — в Москве кольцевую называют МКАД. Добралась до кольцевой и обомлела: никаких застекленных переходов, никаких фонарей и развязок, бетонная двухрядная дорога и редкие фонари. Это была явно не Москва.

«Значит, мне дали по башке и потом на «скорой» отвезли в подмосковную больницу, — спокойно констатировала Маша. — На таких ничемных персонажей, как правило, в приличных клиниках никогда не хватает мест».

«Девятка» оказалась не полностью раздолбанной, детали на ходу не сыпались, дурацкую музыку Маша выключила и ехала в тишине, наслаждаясь пустынной ночной дорогой. Затянулась заначенной сигаретой. Пока ей нравилась легкость, с которой во сне происходили перемещения. Оставалось понять, где разворачивается действие фильма, выбраться из него и попасть... в «риел» из «анриела», так сказать.

Показался маленький поселок с автобусной остановкой, Маша подъехала к ней, вышла из машины, прихватив на всякий случай меч, прочла название — оно ей ничего не говорило. В это время мимо проехал грузовик, беглый отблеск фар упал на лобовое стекло. И в этом стекле она увидела... Нет. Нет. Нет.

Маша выхватила зажигалку, поднесла к лицу.

Преувеличенно скуластое, с широко расставленными азиатскими глазами, резко очерченными бровями, прямым коротким носом, утрированной формой губ, стройной шеей. Коротко стриженные волосы вились, как в детстве. Маша задрала свитер и свернула голову набок, держа зажигалку одной рукой и пытаясь осветить левую лопатку, чтобы разглядеть родимое пятно, которое уж точно принадлежало только ей. На месте родимого пятна виднелась татуировка, а что там именно изображено — разглядеть невозможно. Стало холодно. Маша натянула свитер. Перед ней в ночи поблескивал... отнюдь не кремнистый путь, а всего лишь бетонка, кольцом окружавшая неведомый городок. Она сидела без денег, без документов, в чужой машине, в чужом теле и с неведомой татуировкой на левой лопатке. Ей больше ничего не оставалось, как ехать вперед. И очень быстро.

глава 2

Когда человек сходит с ума или умирает, ему некогда удивляться собственным метаморфозам или бояться их. Маша неслась по пустынной бетонке,

ни о чем не думая. Ей удалось найти более-менее приличный саундтрек в FM-диапазоне, старый тяжелый рок времен ее институтской молодости. Дорога была настолько пустынной, что воспринималась как абстрактная дорога из пункта А в пункт Б. «Если я не по своей воле оказалась в пункте А — значит, как бы я ни рыпалась, дорога приведет меня в пункт Б. Там я пойму, зачем проделала этот странный путь», — решила Маша. И через несколько минут оказалась на перекрестке, правда, без камня и соответствующей надписи насчет того, что налево пойдешь — коня потеряешь, а направо пойдешь — сам пропадешь. Зачем такие указатели даже в сказках? Какой дурак пойдет туда, где заведомо сам пропадет? Маша поехала прямо. Все заранее определено. Знать бы, кем.

В зеркале появились яркие проблесковые маячки — или «скорая», или милиция. Ни то, ни другое не воодушевляло. Маша метнулась в сторону небольшого оврага, кое-как съехала по высокому отвалу. Почему на Средне-русской возвышенности если уж овраг, так непременно свалка? Особенности строения почвы?.. Вылезла из машины в обнимку с мечом, бесшумно проползла между мусорными пакетами и досками. Зарылась в огромные гладкие свертки, в темноте представлявшиеся живыми спящими драконами. «Я невидимка, — повторяла она про себя. — Меня нет. Я — пакет мусора. Очень большой пакет мусора. Собственно, это и не мантра — это правда. Моя жизнь — полный отстой».

Слышно было за кустами, как машина остановилась, сидевшие в ней люди хлопали дверцами, ходили, неразборчиво бубнили, потом унеслись дальше. Маша выжидала довольно долго, потом выбралась на дорогу. Никого. Ехать дальше на той же «девятке» было неблагоприятно — обостренным нюхом преследуемой она чувала, что ее ищут. Лучше бы пойти пешком и до утра затеряться. Кто ее ищет и с какой целью — не стоит и задумываться: нет исходных данных. «Исходники превосходные, но как можно их утробить...» — это она слышала недавно, но в каком контексте?

Маша пошла по обочине, выглядывая признаки жизни. Но вокруг громоздились только свалки, одна за другой. «Дичь и глушь по обе стороны дороги». Гоголь.

Через пару километров обнаружился поворот к дачному поселку. То, что это была не деревня, а именно дачный поселок, из приличных

домов со спутниковыми тарелками, ее не обрадовало — лучше бы попалась полуживая сонная деревушка. Она двинулась к кирпичному сооружению, напоминавшему трансформаторную будку, только более массивному. При ближайшем рассмотрении оно оказалось автосервисом. «Ремонт подержанных иномарок и отечественных автомашин». В поселке явно жила беднота.

Под навесом на улице стояло несколько машин. Дверь была тоже заперта, но нынешнюю Машу такие пустяки нисколько не смущали. Она снова нашла кусок арматуры — нет такого места на родной земле, где бы не валялся кусок ржавой арматуры, — и разнесла вдребезги пульт сигнализации. Откуда взялись манеры командос? Предпочла не задумываться: войти-то надо.

Темное помещение пахло машинным маслом и пылью, свет был Маше совершенно не нужен. Ее способность к ночному видению усиливалась с каждой минутой. Впрочем, эти способности мгновенно развиваются у вечно недосыпающих молодых мамаш, которые в полной темноте могут нащупать выпавшую соску и переодеть ребенка. Просто в дальнейшем процессе жизни эти навыки обычно больше не нужны.

Она мгновенно нашла вполне сносную куртку, в столе — бухгалтерскую книгу с записями: номер машины, заявка на ремонт. А в соседнем ящике стола — пластиковые боксы с ключами от машин. Маша изучила по каракулям состояние автопарка и выбрала машину с минимальным ремонтом: старый БМВ, владелец которого желал отполировать правый бок. Через пару минут уселась в здоровую тяжеленную тачку, словно попавшую в ее сон из съемочного павильона фильма «Черный бумер». Никаких следов аварии, на правом боку просто царапина. На заднем сиденье валялась забытая хозяином черная шляпа. Стоит только что-то произнести — и оно само появляется. Как в сказке. Или во сне. Главное — правильно сформулировать запрос. Маша отряхнула шляпу и нахлобучила ее до самых бровей. «Теперь пугало приобрело законченные очертания».

В бардачке лежала начатая пачка сигарет. Маша отодвинула водительское кресло: судя по его расположению, владелец машины был, мягко сказать, небольшого росточка. Комплекс маленьких людей — заслоняться большими предметами. Недомерок в шляпе, на черном

бумере времен лихих девяностых — ничего себе персонаж. Для полноты картины в бардачке должен был бы лежать ствол. Но ствола не оказалось. Тогда Маша кинула на переднее сиденье меч. Жанр был выдержан.

Бумер заурчал, предвкушая отрыв. «Не балуй, надеюсь, от тебя по дороге ничего не отвалится», — строго сказала ему Маша. Она, словно Иван-дурак, по пути обростала какими-то сказочно-былинными атрибутами: меч, конь... стало быть, путь заранее расписан. Знать бы кем. «Мне во сне привиделось, будто конь мой вороной разыгрался-расплясался-разрезвился подо мной...»

Вороной рванулся с места так резво, что меч едва не свалился под сиденье. Маша не удосужилась посмотреть, как назывался поселок, да и значения это не имело. Скоро рассветет, и станет ясно, где Москва. Главное, чтобы погони не было. Но почему-то Маша не сомневалась: погоня будет. И не только погоня. Иначе зачем нужен волшебный сон?

Удивительно, что ей по-прежнему не хотелось звонить детям и что-либо сообщать о себе. Вероятно, сообщить было пока нечего, кроме того, что жива. Хотя как раз в этом Маша отнюдь не была уверена. Лица дочери и сына, внука и внучки как бы отошли на второй план, словно она смотрела на полиэкранный мир и видела их где-то сбоку. А на первом плане маячила пустая бетонка и смутные окрестности, которые начинало понемногу заливать сумеречным светом. Деревья стояли почти голые, кое-где в низинах виднелись белые проплешины снега. Пустынная плоская местность. Ничего похожего на Москву, которую всегда можно распознать издали. Потом в сумерках замаячил городок — тоже плоский, уютно разлегшийся на небольшой возвышенности, с темными силуэтами церквей. Он напомнил что-то со старой открытки: Переславль-Залесский, куда она ездила на экскурсию от папиной работы в пятом классе. Родители появились в дальней части полиэкрана и исчезли.

Маша не испытывала больше никаких эмоций: давила на газ чужой машины носком чужого кроссовка, левую лопатку словно грело — может, татуировка была свежей и горячо пощипывала кожу? Вряд ли ей стали бы давать общий наркоз, чтобы просто сделать татуировку на месте родимого пятна... Отвлеклась на метнувшуюся под колеса собаку, погудела ей, потом обнаружила, что бензина осталось

чуть-чуть. Денег не было... не то что на бензин, а вообще — ни на что. Надо срочно заправиться и доехать до дома. Хотя сомнительно, что конечной точкой Б в этом маршруте является ее дом. Тем более придется заправляться.

Маша въехала на окраину спящего городка, довольно быстро нашла заправочную станцию, напротив нее стоял небольшой пряничный домишко с надписью «Баня». Замотала в куртку меч-кладенец и подошла ближе, непонятно на что рассчитывая в 6 утра. С изумлением увидела в бане признаки жизни. Навстречу вышел классический сторож неопределенного возраста. Смерил неодобрительным взглядом:

— Чего тебе? Пива? Закрыто уже. Отгуляли все.

Маша собралась поканючить, но сторож вдруг заметил ее бумер с царапиной на правом боку, прищурился:

— Аполлинарьевича машинка-то?

Маша промычала в ответ нечто невразумительное. Сторож обошел машину со всех сторон:

— Аполлинарьевича, натурально. Ты ему кто будешь?

— Ну...

— Понятно, — подмигнул сторож, — Аполлинарьевич — орел, даром что от дел отошел. Он обычно тачку бабам не дает.

— Ну... — промычала опять Маша.

— Видать, у вас серьезно. Давно ему говорил — найди хорошую девку да женись. А что ж одна приехала? Позвонили бы — мы бы в момент баньку организовали, всю шушару бы выгнали...

— Да я... да он... дела у него...

Сторож кивнул со значением:

— Молодец, девка, так всем и говори, — дела у него. Аполлинарьевич, если уж начал гулять, пока не рухнет, не остановится. Человек солидный, имеет право иной раз перебрать. Как говорится, матерый человечище... Тебе чего? Попариться? Это можно. Русская остыла, а сауна пока горячая.

— Да я...

— Ничего, ничего, когда Аполлинарьевич гуляет, лучше где-нибудь отсидеться. Раньше-то, в девяностые, редко без стрельбы обходилось, теперь времена не те. Попаришься сейчас, потом вернешься — он и пообреет.

— Я без денег из дому вылетела, — и это была чистая правда. — Заправиться не на что.

— Потом сочтемся, делов-то! Аполлинарьевич мне столько добра сделал. Иди, иди в сауну. Чайку сообразим, осталось кой-чего...

Дивясь загадочной русской душе, Маша проследовала за ним. Внутри оказалось на удивление чисто, остатки ночной гулянки были убраны, хотя запахи еще витали в нагретом воздухе. Сторож выдал ей махровый халат, полотенце, подмигнул и ушел.

Маша быстро кинула вещи в шкаф, меч все-таки завернула в полотенце и взяла с собой в парилку. Перед сауной был устроен небольшой бассейн, рядом висело зеркало. «Свет мой, зеркальце, скажи...»

Зеркало ответило так, что Маша присела на скамью. Стройная фигура тридцатилетней женщины, без признаков лишнего жира и уж тем более — целлюлита, кругом сплошные мышцы, никаких растяжек.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении лицо оказалось ее собственным: исчезли пигментные пятна на висках, ноздреватость, мешки под глазами, спали отеки, подтянулись мимические складки, пропали морщины на лбу и в углах глаз. Кожа натянулась, придав ее лицу отчетливый азиатский колорит; теперь Маша поняла, за что в детстве ее дразнили китайчонком. Тело напоминало ее фигуру до родов, только стало гораздо более подтянутым, гармоничным, накачанным в меру. И посверкивала при повороте корпуса цветная татуировка на месте родимого пятна: ящерица и стилизованный язык пламени. Саламандра.

То ли в безумном сне ее перенесли на много лет назад, то ли неведомым образом произвели кучу косметических процедур — но должно было пройти очень много времени с того утра, когда Маша отправилась на презентацию в центр на Маросейке. Тело принадлежало ей, как и машина. Она легко выгнулась на мостик, потом села на шпагат, покрутила головой туда-сюда — ничего не похрустывало, не тянуло, ноги перестали ныть.

Если развивать мысль дальше, то и меч тоже должен был служить ей верой-правдой, как тело и машина. Чему служить? Меч должен служить ей или она мечу? Или они вместе — еще чему-то? Эта формулировка была столь внезапной, что Маша замотала

головой и не стала думать дальше. «А в безумии определено есть масса преимуществ, — решила она, заходя в парилку. — Но при чем тут саламандра?»

Сидя возле горячих камней, Маша погрузилась в абсолютный дзен, хотя раньше ей не было знакомо это блаженно-легкое состояние — без печалей, воспоминаний и назойливого внутреннего диалога. Прыгнула в бассейн, вылетела оттуда с воплем, вернулась в парилку и опять задумалась о родимом пятне и татуировке. Пятно на ее лопатке было точно таким же, как у кого-то из неизвестных ей родственников. Кстати, похожее пятнышко она видела и на спине своей 9-месячной внучки. Это наследственное? Что не решились рассказать ей родители? Спросить было некого. Тетушка пережила маму с папой, до последнего отличалась ясным умом и хорошей памятью, никогда ничего подобного не рассказывала. Случайных совпадений не бывает.

Саламандра была знаком — знаком некой тайны. Пускай ее собственной, частной, — но тайны, о которой Маша никогда бы не узнала, если бы не случайно найденный меч. Разгадку следовало искать в старых документах, которые вывалились ей под ноги из кладовки. Нет ничего случайного в этой безумной истории. Каждому однажды дается шанс понять, что же он, собственно, из себя представляет. И у нее есть время, чтобы это узнать. Иначе она бы не пребывала в бредовом сне, не сидела бы в этой сауне и не разглядывала бы татуировку. Ей необходимо попасть домой.

Прочие метаморфозы Машу несколько не удивили — если она пребывает в безумном сне, то удивляться незачем. Алиса в Стране Чудес, натурально. Ох уж эти литературные ассоциации, вечно они лезут в голову... Информация, которая требовалась, была заложена в загадочной саламандре и в том, что с ней связано. Сама Маша пока являлась только тупым носителем закодированных сведений. «Носитель». Когда она слышала это выражение применительно к себе? Ребус требовал разгадки.

Период релакса закончился. Маша вихрем ворвалась в предбанник, где добрый сторож заварил ей чай, залпом выпила его и перемолола лежавшие в вазочке соленые сушки — остатки пивного пиршества. Услышала стук, высунулась в раздевалку. Под дверью ошивался сторож, протягивая ей женскую спортивную сумку осле-

пительно розового цвета, конечно, с надписью Gucci, набитую шмотками:

— Возьми-ка, дочка, лежит у меня уж полгода сумка с вещами, кто-то из девиц забыл, да и не возвращался за ней. А тебе пригодится, холодно на улице, ты после парной.

Маша пожала плечами:

— Неудобно.

— Бери, — настаивал сторож, — простудишься еще, Аполлинарьевич мне башку оторвет, скажет: что ж ты за моей шмарой недоглядел? Потом сочтемся. Замолви ему при случае, что на Ефимыча СЭС наезжала. Мне самому неудобно по таким пустякам беспокоить, а тебя он послушает...

Маша махнула рукой, взяла сумку и пошла переодеваться. Внутри действительно оказалась кучка вещей, явно принадлежавших молодой девице примерно одной с ней комплекции. «Сельский гламур», — подумала Маша: розовая кофточка со стразами, кожаная куртка с брякушками и надписью непременно D&G, босоножки на каблуках. Нашелся и свитер, и необходимая мелочовка. И даже косметичка.

Когда Маша вышла во всем этом великолепии к Ефимычу, тот долго крякал, цокал и льстиво переминался возле машины, норовя погладить ее по заднице. Маша обещала ему заступничество у неведомого ей всемогущего Аполлинарьевича, кинула зачехленный меч в салон, сторож кхекнул :

— Я тебе полный бак залил. А вольту-то убери в багажник на всякий случай.

— Да какая вольтына? Это я случайно нашла ...

Он замахал руками:

— Я тебя не спрашивал, что это и где ты это взяла. И вообще не видел. А ты убери, времена не те.

— Нет,— подумав, ответила Маша, — пусть со мной будет.

— Хоть с глаз убери. Поклон Аполлинарьевичу.

Маша переложила зачехленный меч под сиденье, Ефимыч на прощание угостил ее сигаретами и долго махал вслед. «Чудны дела твои, господи...»

Дела обстояли значительно лучше, ей не хватало сущей ерунды — денег, телефона и информации о том, кто она, собственно, такая. Маша мысленно отвесила неведомому Аполлинарьевичу поклон

за всенародную любовь в данном регионе, подумала, что лучше никогда не попадаться на глаза низкорослому любителю гангстерских шляп — и втопила газ.

глава 3

Привычка анализировать информацию была едва ли не единственным навыком от полузабытого образования. Прикладная лингвистика была элитным отделением филфака, на вступительных экзаменах сдавали математику. Мозги там требовались отнюдь не гуманитарные — когда сам вид дроби вызывает обморок, — а скорее аналитические. Теперь Маша пыталась разложить по ячейкам скудные сведения и натыкалась на отсутствие главных вводных данных: зачем и кому понадобилось дать ей новое воплощение? Она не сомневалась, что прежняя Маша умерла, но при этом ощущала себя вполне живой. Идею прекрасного сна следовало похерить.

Городишко незаметно закончился, потянулась трасса с редкими большегрузными машинами. Ничего похожего на Москву, по обе стороны — низкие подлески и серая мерзлая грязь. Хорошо, хоть не былинная распутица. «Почему я не спросила Ефимыча, где нахожусь? — изумилась Маша. — Наверно, потому, что не готова услышать ответ».

Следовало подойти к проблеме с другой стороны: зачем вообще это надо и кому?

— Кому выгодно? *Cui prodest?* — задала она в пространство классический вопрос. Пространство не ответило ничем.

Произведя инверсию, спросила:

— Кому не выгодно?

Пространство ответило немедленно: сзади далеко показались два «рафика» белого цвета с мигалками. Надо правильно формулировать, и тебе тут же дают ответ. Мир в этой новой жизни очень четко поделился на тех, кому Машино присутствие выгодно, и тех, кому оно поперек горла. Пока ей показали только тех, кому ее появление невыгодно, значит, вскоре представят и противоположную сторону. По спине побежал знакомый озноб, теперь она четко знала: чем сильнее озноб, тем ближе опасность.

В существование предполагаемых защитников Маша не очень-то верила — мало кто хотел ее защищать в прошлой жизни, да теперь все иначе. От погони следовало избавиться. Она съехала на проселочную дорожку, попетляла среди серых мерзлых лугов и пустынных ангаров, убедилась, что синие маячки по-прежнему болтаются в отдалении, просто догнать не могут. Убегать до бесконечности Маше не хотелось. Вряд ли неведомый Аполлинарьевич драпал от кого-то столь позорным образом на своей героической тачке — не по понятиям.

На ближайшем разъезде Маша резко свернула за длинное приземистое серое здание, похожее на недостроенный корпус завода, увидела монументальную бетонную проходную без дверей, а за ней — просторный зал, где не было ничего, кроме железобетонных колонн, из которых пучками торчала арматура, — эдакий Луксор эпохи перемен. Она на всякий случай развернула машину и заглушила двигатель. Быстро вытащила меч-кладенец, прошла внутрь и притаилась за одной из колонн. «А может, я с ними так договорюсь, — подумала она, — полюбовно...»

«Полюбовно не получится», — ответил ей внутренний голос, как только в боковом зеркале появился белый рафик и из него вышли двое. Второго рафика поблизости не оказалось. Гуманность этой миссии в белых халатах вызывала большие сомнения. Мало того что габариты соответствовали жанру, образ довершали хирургические маски. Они молчали. Не окликали, не уговаривали выйти, просто встали возле машины и ждали. Белые рыцари, блин.

— Вы не скажете, как пройти в библиотеку? — спросила Маша, выходя из-за колонны.

Они опешили; пауза была невообразимо маленькой, но сознание как будто растянуло ее рапидом. Один остался возле машины и потянулся в оттопыренный карман халата за продолговатым предметом, а другой стремительно шагнул навстречу с пустыми руками. Маша сделала обманное движение, чтобы противник провалился в пустоту, а потом резко развернула его за плечи. Раздался некий звук, человек, невольно заслонивший Машу, осел ей под ноги. Тот, кто стрелял, замер изумленно, мгновения хватило Маше, чтобы достать меч. Держала его по-прежнему в левой руке. А ножны стряхнула на пол, почти как тогда — в маленьком дворике на Маросейке. Во второй раз дви-

жение получилось менее корявым и заняло меньше времени. Вряд ли она рассчитывала останавливать пули или рубить головы — ей просто больше нечем было защищаться.

Противник пробормотал что-то отнюдь не по-русски и жестом показал: положи меч на землю и иди сюда.

— Щас! — презрительно сказала Маша, медленно перемещаясь на безопасной дистанции. — Я умерла, мне терять нечего. — И осторожно прислонилась к колонне.

Противник опять что-то пробормотал и сделал еще более выразительный жест: ты, дура, отдай, не трону!

— Не отдам! Мое! Иди и забери, раз такой умный...

Противник покачал головой и наставил пистолет прямо на Машу. Вряд ли он мог промазать с расстояния в несколько метров. И показал пальцем: считаю до трех. Как при игре в очко — выкинул «один»... «два»...

Это разозлило Машу настолько, насколько может разозлить любую мать подросток, впервые не пришедший домой ночевать.

— Да пошел ты!.. — проговорила сквозь зубы универсальное русское заклинание.

И увидела, как начал движение палец на спусковом крючке. Оттолкнулась плечом от колонны, чтобы кинуться в сторону — и вдруг почувствовала себя невесомой и маленькой, способной ускользнуть от любой угрозы в некую щель, ей одной ведомую. Не услышала выстрела. Пространство стало вязким, плотным, горячим, в нем расходились тяжелые медленные волны от движения пули. Обзор увеличился почти до кругового, она мгновенно нашла куда уйти, чтобы горячая волна не захлестнула ее, извернулась и оказалась у противника за спиной. Собственно, она видела не его — некий огромный объект. Объект продолжал испускать горячие волны опасности. Потребность атаковать была настолько сильной, что ей свело челюсти и внутренности вдоль позвоночника. Она внезапно почувствовала, что ей не хватает длины лап. В лапу легло что-то обжигающе горячее, немедленно ставшее ее продолжением. Лапа невероятно вытянулась, дотянулась до объекта, поймала горячую волну и, многократно усилив, отразила ее. Волна стремительно развернулась в огненную спираль и захлестнула весь обзор. Она не испугалась вспышки, наоборот — поднырнула под кипящий гребень и проскользнула туда,

где ощущался холод. Холодом веял большой камень. Она прижалась к камню и замерла.

«Что со мной? Я умерла?»

Маша помотала головой, пытаясь сфокусировать зрение. Тошнотворный запах гари ударил в ноздри. Сначала увидела черные обгоревшие стены, потом — догорающие остатки белого рафика. Потом — две неподвижно лежащие фигуры, чьи белые халаты были частично обуглены. Тогда она сообразила, что один из стрелявших случайно угодил в бензобак, рафик просто взорвался, погубив своих неведомых хозяев и чудом не убив ее саму. Видимо, огонь полыхнул так сильно, что ее отбросило метров на десять-пятнадцать, за бетонный блок. Это и спасло. Сделала несколько шагов в сторону лежащих, пригляделась: оказывать первую помощь поздно. Придурки... Зачем, за что? Меч был зажат в левой руке, ножны валялись неподалеку. «Как это вышло?» Собралась с мыслями: одного она разворачивает и загораживается его телом. Потом горячая волна, шквал огня, и больше ничего в памяти. Как будто диск с одним фильмом вынули и заменили на другой. И это она, Маша Северцева, до замужества — Осока, сорокапятилетняя мать двух взрослых детей и дважды бабушка, ухитрилась опередить выстрел противника, подставить под пулю другого человека и уцелеть при стрельбе и взрыве.

Ее затошнило, тело сотрясли спазмы, она оперлась левым плечом о стену — и снова стала маленькой, невесомой, тошнота прошла, ужас прошел, осталось ощущение опасности, которая подстерегала ее повсюду в этом неприятном месте. Отсюда надо было ускользнуть как можно скорее.

глава 4

Маша опомнилась в машине. «Выручай, брат», — сказала она бумеру, срываясь с места. Вылетела с территории брошенного долгостроя, охнула: второй белый рафик маячил у поворота. Об остальном она подумает потом — как Скарлетт О'Хара...

Маша вспомнила преподавателя по зарубежной литературе, который весьма скептически высказался об ее курсовой по роману М. Митчелл, назвав книгу беллетристикой. У Маши к тому времени

было двое маленьких детей, половину курсовой она вчерне написала, стоя в очереди за детским питанием. Поэтому готова была швырнуть свою тройку преподавателю в лицо, хотя обычно отличалась безразличием к оценкам. Но не стала ничего объяснять яйцеголовому гуманитарно: как говорила Гиппиус, «если надо объяснять — то не надо объяснять...».

С чего ей пришел в голову полузабытый эпизод? Учеба в универе была страницей из пыльного семейного альбома. Беззаботная жизнь студентки дневного отделения кончилась с рождением старшего ребенка. Наверно, потому вспомнила, что и последующая взрослая жизнь Маши — дочери, матери, бабушки — тоже закончилась во дворах Маросейки. Сейчас — другая жизнь. Другая серия. Третья часть Марлезонского балета... «Пора-пора-порадуемся на своем веку...»

Она вцепилась в руль, надеясь, что пассажиры белого «рафика» ее не заметят, и нагло пролетела мимо них в сторону проселочной дороги. Надежды не оправдались: и в этой серии погоня была обеспечена. Попыталась сосредоточиться на управлении автомобилем — стало нехорошо. Как только ее тело — или нечто, скрытое в теле, — начало совершать необъяснимые действия, голова начала кружиться и отъезжать, хоть это и не сказывалось впрямую на координатии. Маша решила пока не вдумываться ни во что, пыталась оторваться от рафика. Выскочила на небольшой холм, проселок уперся в бетонную дорогу: там ее никто не достанет. Торжествуя оглянулась на отстающих, потом уставилась вперед. И ей крайне не понравилась открывающаяся перспектива: два угрюмых джипа «Чероки» стояли в былинной васнецовской позиции на вершине холма. «Из огня да в полымя», — подумала Маша и поежилась. Озноб, прошедший по позвоночнику при слове «огонь», был ей ранее незнаком. Резко затормозила почти под носом у первого джипа. Опустила стекло и ждала. Краем глаза увидела, что белый рафик тоже остановился метрах в двухстах от них, на проселке. Навстречу из джипов вышли два здоровых, улыбчивых парня в кожаных куртках — провинциальная пародия на фильм «Бригада». Один обошел машину справа, кивнул головой, второй заглянул в окно и радостно объявил:

— Вылезай.

— С чего бы это?

— Аполлинарьевич сказал, вылезай, — добавил второй.

Тайное однажды становится явным: настал черед познакомиться с владельцем бумера и шляпы. Маша вдохнула глубоко-глубоко и медленно высунула ногу в узких лаковых брюках и в босоножках на каблуке. Конечно, босоножки слегка почернели, розовый цвет поблек, а на черных брюках гарь и копоть видны не были. В целом нога произвела впечатление, сельский гламур действовал — спасибо Ефимычу за экипировку. Когда за ногой вытянулась вся Маша — в кожаной куртке со стразами, с зачехленным мечом на плече, — братва переглянулась.

— Ну? — спросила она, обведя взглядом окрестность, как Василиса Премудрая. Оставалось махнуть рукавом и произвести что-то чудесное. Озеро с лебедями, например. Озера не получилось.

— Общайте машину, — раздался чуть хриплый баритон. Видимо, подал голос невидимый доселе Аполлинарьевич — любитель черных гангстерских шляп.

— Ваша шляпа на заднем сиденье, сумка чужая, все мое при мне, — отвечала Маша, боковым зрением отмечая, что вдалеке из белого рафика тоже вылезла фигура.

Один из окружавших ее мужиков сделал попытку отобрать меч. Маша легко повела плечом — и он едва не упал, провалившись в пустоту. «Как тот, в заброшенном цеху...» Голова опять слегка закружилась, Маша мгновенно выхватила меч и замерла.

— Тихо, девушка! Не балуй! — предупредил невидимый Аполлинарьевич. — Придержи ее, — скомандовал второму.

Маша всмотрелась в тонированное стекло, но не увидела лица говорившего. Внезапно по позвоночнику опять пошел озноб, обострившимся боковым зрением она увидела, как двое из белого рафика вытащили угрожающе большой предмет. Нацелили его прямо на живописную группу из двух джипов. Второй мужик в кожане попытался схватить ее за левое плечо...

— Ай-йа! — вопль, вырвавшийся из горла, был неожиданным для самой Маши, она развернулась назад в прыжке...

...и стала невесомой, обзор расширился почти на весь горизонт, она втянула горячую волну, летевшую навстречу. Та волна была гораздо сильнее и выше, чем предыдущая, и грозила захлестнуть ее. Подныривать под такую огненную волну было опасно, нужно было немедленно удлинить лапу и развернуть волну обратно. Лапа описа-

ла сверкающий полукруг, горячая волна ударила в него и повернула вспять. Все стало ослепительно-белым, а ей ничего не угрожало, можно было прижаться к чему-нибудь холодному и замереть, она очень устала. Покалывание в лапе. Глаза закрыть. Темнота...

Маша очнулась от мерзкого запаха нашатыря.

В подростковом возрасте ее мучили обмороки и головокружения, родители таскали дочку по знакомым врачам, страшно волновались, ватка и нашатырь всегда лежали в Машинном портфеле, иногда вываливаясь в самые неподходящие моменты, что ее несказанно бесило. В этом возрасте вообще стесняешься родительской заботы. С тех пор запах нашатыря ассоциировался у нее с чувством неловкости. Сейчас ей тоже стало неловко. Она чихнула, сморщилась и открыла глаза.

— Напугали вы нас. В цирке, что ли, зажигаете?

Над ней склонился один из давешних мужиков, теперь он был в майке с надписью «Че Гевара» на русском языке. Маша, как ни плохо себя ощущала, нашла силы улыбнуться — ничего с этим народом не сделаешь, доколь в подлунном мире жив будет хоть один Гевара...

— Спасибо, мне лучше.

— Чайку выпейте...

Он протянул ей кружку с горячим сладким чаем. Маша сделала два глотка, оглянулась.

Она лежала на кожаном диване в гостиной загородного дома — довольно просторной, уставленной аляповатой итальянской мебелью, которая вошла в моду в девяностые. Это наверняка было гнездо Аполлинарьевича. А вот и сам он — восседает напротив нее в кожаном кресле, закутавшись в шарф: невысокий, усатый, узколицый сидящий брюнет, глаза прищуренные, глубоко посаженные, брови кустистые и заломленные почти перпендикулярно резким морщинам на лбу, в руке стопочка коньяка.

— Вы и есть владелец черного БМВ? — Маша постаралась улыбнуться. — Извините. Забрала тачку без спроса. Проблемы были.

— Я понял.

И он опять замолчал. Уставился ей в лицо. Потом кивком головы отправил мужика в майке с Че Геварой за дверь.

— Закурить дайте, пожалуйста, — не выдержала Маша, — и довольно меня разглядывать. Виновата. Можете простить — простите, нет — давайте решать вопрос. Доберусь до Москвы — привезу

вам деньги за аренду вашего бумера. Вроде я его не помяла ни разу. А могла бы...

— И не спалила. А могла бы.

Маша не сразу уловила смысл его реплики. Потом вспомнила — вопль, вырывающийся из ее собственного горла, невесомое тело, удлиняющаяся лапа, горячая волна. Головокружение снова швырнуло ее на диван. Кружка с чаем опрокинулась на плед, укутывавший ноги.

— Ладно, ладно, — Аполлинарьевич на удивление проворно подхватил чашку. — Нормально все. Говорю же — не спалила. А бок я сам поцарапал, когда в гараж заезжал, пустое это. Говоришь, из Москвы?

И опять замолчал, щурясь и пристально разглядывая ее.

— Да что вы на меня смотрите?

— Ящерица на плече ровно такая, как она говорила.

— Я не понимаю, о ком сейчас речь?

— О татуировке. И о матери твоей. Не похожа ты на нее.

— Чушь! Я сама не знаю, откуда у меня эта татуировка, там всегда было большое родимое пятно.

— Маму как звали?

— Ирина Дмитриевна.

— Совсем, девка, сбрендила, — покачал он головой, — твою мать звали Зоей. Один раз в жизни я видел, как она спалила следственный изолятор и выскользнула из огня ящеркой. Ровно как ты сегодня. Сорок с лишним лет назад это было, а до сих пор перед глазами. Такое не забудешь.

И повторил медленно и четко, как диктор Левитан:

— Ее звали Зоя.

глава 5

Маша брела вдоль замерзшего поля. Куталась в телогрейку, пинала комья земли, слушала, как посвистывает ветер. Вокруг было тихо и пусто, начинались ноябрьские сумерки: она наконец выяснила, что на дворе поздняя осень. И находится фазенда Аполлинарьевича рядом с Карелией, в стороне от трассы, где редкие деревни или умирают

на корню, или постепенно застраиваются москвичами и питерцами. Аполлинарьевич обосновался там после завершения своей официальной криминальной карьеры — как заслуженный мастер спорта, повесивший на гвоздь коньки или лыжи. Бандитов в округе почти не осталось, мелкая сошка, равно как и районная милиция, к нему относилась с почтением, в свою очередь, Аполлинарьевич их подкармливал и иногда помогал решать вопросы — по старой памяти.

Аполлинарьевич снова попытался изложить историю его знакомства с Зоей — которую Маша упорно отказывалась признать своей матерью. Как он в шестнадцать лет ожидал своей участи в следственном изоляторе и два дня через стенку переговаривался с девушкой по имени Зоя. Зоя просила найти ее маленькую дочь с ящерицей на левой лопатке. А потом дотла спалила изолятор и исчезла... Это звучало так неправдоподобно, что высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению: Маша берет тайм-аут, гуляет и расслабляется, а Аполлинарьевич собирает в кучку мыслительные способности и выдает ей версию, доступную для понимания.

Сгоряча хотела немедленно уехать домой, но Аполлинарьевич слышать об этом не захотел:

— Не понимаешь ты, дура, куда ввязалась и кто за тобой гоняется. Зря, что ли, они супротив тебя «Муху» вытащили? Знают, с кем столкнулись.

— А я — нет. Кто — они? И что это — «Муха»?

— Ох, всему учить надо. Походи, отдохни, подумай, а я тоже покумекаю, кое-что попытаюсь узнать, потом расскажу. Остынь. Никто тебя тут не обидит. Не по понятиям это, с бабами воевать. А ты меня и моих пацанов от смерти спасла. Затаись пока, сообща придумаем, куда тебе подаваться.

— У меня ремонт на носу! Прораб должен прийти! Я ключ соседке оставила! — возопила Маша. Аполлинарьевич только покачал головой:

— Придет прораб, уж ты не волнуйся... и не один...

Находясь на Севере, невольно начинаешь думать, что правы были древние: земля плоская. И бесконечная. И стоит на панцире огромной черепахе, а черепаха на спине дракона... или что там дальше было. Равнина вполне годилась для перемещения исполинских ящеров, земная твердь в этом месте требовала фигур именно такого мас-

штаба. На отшибе виднелся дачный поселок с автосервисом, куда Машу занесло в поисках транспортного средства и откуда начался ее славный боевой путь в неизвестность. Путь оказался и впрямь боевым, сомнений нет. С кем только воюем и за что? Она вдыхала воздух вперемешку с колючей ледяной крупой, замерла неподвижно — ни мысли, ни печалей, холод и сумерки кругом. И одиночество — еще более полное, чем то, которое охватывало ее в последние годы дома по вечерам.

Нынешнее одиночество было иным, она не находила ему названия. Ей не было ни страшно, ни больно, просто одиноко. Как зверю одиноко в ночном лесу — ведь зверь не ведает своего одиночества, он просто знает всей шкурой, что только собственные клыки и когти спасут его от смерти. Когти, лапы, хвост... Длинная горячая лапа тянется в пространство... Опять слегка закружилась голова, Маша усилием воли вернула себя в прежнее состояние: уж об ЭТОМ она думать просто не могла. Не фиг думать о том, чего понять не можешь. Пока надо было вытрясти из отставного «генерала песчаных карьеров» крупы правды. Можно ли ему верить? А больше некому. Себя нынешнюю она боялась, своему новому телу не доверяла. Одиночество — это когда нельзя никому верить, даже себе.

Стало темно, ледяная крупа собиралась на мерзлой земле белыми холмиками. Маша пошла к дому. Рядом возникла фигура Валерки — одного из тех двух пацанов, в майке с Че Геварой, который приглядывал за ней, пока она изволила прогуливаться по окрестностям.

— Команданте! Пойдемте чаю выпьем...

— Хотите кино посмотреть? У нас тут не как в деревне — все как надо: домашний кинотеатр, телевидение спутниковое, интернет, Аполлинарьевич всегда в теме, руку на пульсе держит.

— Знаете, Валера, я сама как в кино попала.

Они прошли мимо чернеющего озера. Вода кое-где была покрыта льдом, но ручей был живым и вполне чистым. Маша остановилась. Замерла. Втянула воздух, скинула телогрейку...

— Подержите. Окунусь. А то я плохо соображаю, голова мутная...

Валера растерянно замер с телогрейкой в руках.

...Вода. Холод. Темнота. Безопасность. Мутновата, но видны и дремлющие рыбы, и тягучие остатки волокнистых водорослей,

и всякая прочая водная мелочь. Вытянуться в этой сонной мути, не дышать долго-долго, пронырнуть под склизкой корягой, ощущая гибкость и невесомость собственного тела. Вода. Холод. Темнота. Безопасность...

— Давай ее в одеяло и в дом тщи!

Маша осознала, что ее несут на руках, дернулась, вырвалась, раскидала обоих — Валерку и Серегу — и встала, поправляя мокрые волосы и вытираясь краем пледа:

— Вы что, мужики, озверели?

— Да это вы, барышня, озверели! Подержи, — говорит, — телогрейку... а сама в пруд, топиться!

— Просто окунуться захотелось, — произнеся это, Маша засомневалась в правдивости своих слов.

— Окунуться? Плюхнулась в воду и не вылезает. Там глубоко, пока достали — думали, кердык. В Москве все такие долбанутые? И чуть что — в прорубь головой?

— Не было такого...

— На пять минут нельзя оставить! — Аполлинарьевич выскочил во двор в тапочках на босу ногу и черном шелковом халате с драконом, грозно воздел к небу короткие ручонки: — Сейчас велю пацанам, свяжут тебя — и в гараж.

Маша вытирала спину шершавым пледом. Увидела, как Валера сделал к ней шаг, отскочила в сторону, вытянула вперед руку. Горячая волна пробежала от лопатки по мышцам предплечья. От покалывания в мышцах стало горячо, рука вытянулась в сторону опасности...

— Валера, назад!

Крик Аполлинарьевича прозвучал в ушах едва слышным шепотом, но Маша успела отвести руку. Белый огненный всплеск опалил куст у ног замершего Валерки. У нее закружилась голова, она опустилась на четвереньки и уперлась кулаками в землю. Обвела глазами неподвижную группу из трех человек. Заметила при этом, что обзор остается почти круговым. Не нашла поблизости ничего опасного. Встала.

— Не пытайтесь применять силу. Иначе я не смогу справиться с этим. С тем, что во мне... — Стремительно метнулась в дом, ощущая себя по-прежнему невесомой и юркой. За спиной услышала:

— ...а ты за ней приударить хотел! Это все равно что за подствольным гранатометом приударить.

«Неплохая метафора, — ядовито пробурчал внутренний голос Маши-лингвистики. — Никогда не удостаивалась такого комплимента!» — «То ли еще будет! — пообещала ему нынешняя Маша. — И лингвистика теперь будет очень прикладная...»

глава 6

Под утро ей приснился очень реальный сон, вплоть до запахов, что для сна — редкость необычайная. Длинное двухэтажное кирпичное здание с решетками на окнах. Забор с колючей проволокой, пара грузовиков у ворот, лесополоса в отдалении, запах мерзкой подгоревшей каши. Открывается дверь, охрана выводит высокую худенькую девушку в телогрейке, наброшенной на пижаму или что-то вроде этого. Лица почти не видно, звуков не слышно, только картинка, и очень силен тошнотворный запах. Грузовик подгоняют к проходной, охранник берет девушку за плечо. Она разворачивается, уходит из захвата в очень низкую боевую стойку, вытягивает вперед одну руку, а другую кисть собирает в подобие птичьего клюва...

— Ай-йа! — раздается пронзительный женский визг, фигурка вытягивается вслед за выбросом руки, кисть в начальной фазе удара разворачивается белым огненным гребнем. Взрыва не слышно, взлетают грузовики, стены, ворота, на самом гребне огня на мгновение вычерчивается маленький силуэт ящерицы. Ящерка подныривает под огненную волну и исчезает в темноте. И запах, запах гари...

Маша открыла глаза. Сон, оттесненный солнечным светом, притаился в подсознании. Рассказ Аполлинарьевича был последним впечатлением вчерашнего длинного-длинного дня. Вероятно, его обрывки причудливым образом трансформировались в предутреннем сне вместе с реальным запахом подгоревшей гречневой каши.

Маша легко вскочила, сделала пару дыхательных асан и несколько упражнений на растяжку, выглянула в окно. Аполлинарьевич поселил ее в мансарде, хотя Серега с Валерой уговаривали его предоставить взрывоопасной Маше отдельный гостевой домик: мол, уж если полыхнет невзначай, так урону меньше. Сама Маша нисколько не возражала, ей было безразлично, где рухнуть. Но Аполлинарьевич постановил: пусть спит в мансарде, никуда не денется. Может, они

на ночь и растяжки в коридоре поставили, для собственной безопасности?

Растяжек на лестнице не оказалось, а кашу на плите, кроме нее, никто бы и не выключил: Серега и Валера во дворе самозабвенно швыряли друг друга на свежесыпавший снег. Руки и плечи обоих щедро украшали татуировки провинциального разлива. Завидев Машу, братаны вежливо поздоровались и продолжали бороться, нанося друг другу удары и явно позируя. Маша сощурилась на солнце, понаблюдала за ними.

— Присоединяйтесь, барышня! — предложил Серега.

Маша изумилась — и обращению «барышня», и самому предложению.

— Да что вы, я не умею...

— Ну да! А сколько народу положили не умеючи?

— Это случайно, вы не понимаете... я сама не знаю, как это получается.

— Конечно, зато у нас все просто: бросок, захват, удержание... Прощу! — Он сделал приглашающий жест.

«А чего я стесняюсь? Собственного тела? Тело стало другим. Стесняться больше нечего». Подошла, изумляясь собственной наглости:

— Рискну. Как это называется — захват?

Валера опасливо покосился на нее.

— Нет уж, я вчера сдуру-то один захват на вас попробовал — кроссовки теперь оплавленные, только выбрасывать.

— Извините...

— Хорош извиняться! Дело житейское! — решительно сказал Серега. — Я буду держать. А ты в сторонку отойди и пожарный шланг возьми. Для страховки, — предложил он напарнику. Валера покраснел и хрустнул челюстями.

Серега проявил выдержку и хладнокровие. Он свел брови и бесшумно схватил Машу за запястье. Маша долго не понимала, что нужно делать, пыталась вырваться, но безуспешно. Серега почесал затылок и веско произнес:

— Так дело не пойдет. Надо реализма добавить. На вас уже нападали. Представьте себе...

Он не успел договорить. Перед глазами возникли двое в черных шапочках и пыльный дворик на Маросейке. Легкий озноб пробежал

по позвоночнику. Голова слегка закружилась, Серега мгновенно был брошен на землю с разными вариациями: с ударом в челюсть и заломом кисти, с ударом по загривку, с ударом в пах — короче, с гуманизмом и без оного. Ее представления о боевых искусствах доселе исчерпывались старыми боевиками со Стивеном Сигалом и Джеки Чаном. Но теперь достаточно было представить себе любое движение — и новое тело слушалось беспрекословно: и уход от летящего кулака, и высвобождение от захвата, и неожиданная контратака — все получалось само собой. Маше удалось уйти от удара в ту самую низкую стойку, виденную во сне. Она выставила вперед правую руку, а левую кисть собрала в горсть для удара — и увидела ужас в глазах партнера. Маша замерла, медленно-медленно распустила кисть обратно:

— Извините. Я же не всерьез. Я вас не боюсь. И вы меня не бойтесь.

— А мы-то чего? А нам-то вообще... Вы, короче, где обучались? Это кунг-фу или что еще?

Маша предпочла не распространяться о том, что обучалась на отделении прикладной лингвистики филфака МГУ, равно как и о своем возрасте и семейном положении. Ей бы никто не поверил. Да и было ли это? Если и было, то в прошлой жизни. Она кончилась. Сейчас мы имеем то, что мы имеем. Надо жить сейчас. И в тех условиях, которые судьба предоставляет. Внутренний диалог прекратился сам собой.

— Кашу-то вы сожгли, крепкие орешки, пойдёмте завтракать тем, что осталось. Я только окунусь, и чтобы меня никто из воды силой не вытаскивал!

Маше стало необыкновенно легко. Она пронеслась к подмерзающему озеру, на ходу скидывая одежду, пяткой разбила тонкий лед у берега и ринулась туда, в обжигающий блаженный холод. Если бы ее спросили, зачем она это делает, разумных объяснений бы не нашлось. Впрочем, недавно она поймала себя на потребности бегать по набережной после работы... но это было в прошлой жизни. Тело привыкало к новым свойствам. В воде надолго задержала дыхание, вспомнила состояние бездумной легкости, когда училась плавать в ластах и маске в мелкой теплой воде. «Ты можешь!» — скомандовала самой себе. Вытянулась, пронырнула пару раз вдоль берега, уви-

дела что-то живое, ринулась за ним в донную илистую муть, вовремя сказала себе: «Стоп, Маша! Пойдем есть горелую кашу!» — и вынырнула, отфыркиваясь и отплевываясь. «Надо уметь себя контролировать, — говорила в детстве тетушка, когда Маша впадала в редкие приступы истерики или злости, начинала швыряться предметами или истошно кричать. — Чтобы потом не было стыдно за невольные последствия...» Надо себя контролировать, а то будешь кидаться в любую лужу, чтобы позавтракать головастиками. Или дышать огнем, как Змей Горыныч.

На холме показались две накачанные фигуры, выражавшие крайнюю озабоченность. Маша помахала им рукой:

— Кашу, кофе, сигарету!

— А волшебное слово?

— Быстро! — рявкнула Маша тоном отставного командос.

— Гляжу, освоилась, — философски изрек Аполлинарьевич, входя в столовую, — пора и о делах подумать.

— Щас все будет, — пообещала Маша, заглатывая еду.

Аполлинарьевич некоторое время наблюдал за ней:

— Зачем быстро ешь?

— Извините. Привыкла на бегу. Вкусно. Люблю, когда меня кормят. Всю жизнь пожрать толком некогда было, — объясняла она, заглатывая кофе.

— Про свою жизнь ты мне сегодня тоже расскажешь как на духу. Иначе не разобратся.

Маша вытянула ноги, потянулась за зажигалкой.

— А так слабо прикурить? Типа пальцем щелкнуть? — осведомился Валера.

— Не знаю, попробовать можно...

Она сделала серьезное лицо, сдвинула брови, прошептала: «Криббле-краббле-бумс!» и фыркнула:

— Расслабьтесь, я лучше «Крикетом» воспользуюсь. Время испытаний стратегического оружия будет объявлено дополнительно...

Аполлинарьевич грохнул стулом и уселся напротив нее.

— Хорош базарить! Вы, двое! Делом займитесь. Что, будем на одну бабу тарашиться? Да, огнем плюется, и что? Разве ваши жены не плюются огнем, когда вы накуролесите?

Сергея с Валерой разочарованно удалилась.

— Не смущай пацанов, у них все путем. И жены, и дети, нечего тут. При деле оба. А подобрал — лучше не знать где. От выпивки, от дури, от б...й отучал, книжки в зубы пихал, вместе с этими зубами вколачивал. Размахалась тут руками-ногами, Тарантино сплошное развела.

— Не буду. Я дурака валяла. Неужели вы решили, что я с ними... кокетничаю? Побойтесь бога! Мне сколько лет?

— Я знаю только то, что вижу. Если так дело пойдет, они из-за тебя друг другу глотки грызть начнут, мне это не нужно. Я тебе свое рассказал вчера, теперь ты давай.

— Вы не все рассказали. Предположим, Зоя спалила здание, скрылась в лесополосе — и что? Ее не поймали? А почему Зоя тогда меня не нашла и не забрала с собой, если это действительно моя мать? Неувязочка получается. Не верю я ничему.

— Не знаю. И врать не стану. Мы не успели выбраться, наш блок заперт был, думали, что сгорим, но приехал пожарный расчет, потушили. Дальше много чего было... — Он отвернулся в сторону, побряхтел, закурил снова. — А из той половины мало кто выжил, несколько человек вроде вышвырнуло взрывом, уцелели и сбежали. Вертолеты летали еще неделю. Места глухие. Может, и убежала, может, нашли, может, сгинула. Если бы могла — вернулась бы за тобой. Сказала в последнюю ночь: у нее — то бишь у дочери — на лопатке будет изображение саламандры. И ее держат в доме малютки, а потом отдадут в специнтернат КГБ. Как раз полукровок туда и набирали.

— При чем тут полукровки?

— Да ты себя в зеркале-то видала?

— Дразнили китайчонком в детстве, а потом я выросла, стала краситься, поправилась, про это и забыли. Тетушка говорила, что по бабушкиной линии кто-то в роду был из бухарских евреев и женился на местной. Во время революции кто только с кем не перемешался.

— Зоя говорила, что муж ее был сыном «важняка» из вьетнамского посольства. Был страшный скандал, «важняка» услали на родину. А ребенка — то есть тебя — увезли прямо из роддома. Именно таких детей забирали в специнтернаты, из них потом будущих нелегалов выращивали. Два специнтерната было — в Бердске, под Новосибирском, и в Сучанах, в Приморье. Я обещал ей узнать про эти интернаты — и узнал что мог, когда вернулся. Пытался найти концы, да столько лет прошло. Погоди. Не вяжется. Тебе сколько лет?

Тридцать? А это было больше сорока лет тому назад. Что же я — совсем из ума выжил? — Аполлинарьевич стал изо всех сил тереть лоб, потом долго в уме считал и пересчитывал — не сошлось. — Ты кто вообще такая?

— Мне скоро исполнится сорок пять лет, — ответила Маша, — родители давно умерли. Я единственный поздний ребенок в семье. Никто никогда не говорил мне ничего подобного. И татуировка у меня на плече недавно, а откуда она взялась — одному богу известно.

— Откуда же Зоя знала, что у тебя будет на плече саламандра? И что ты сможешь точно так же спалить все, что тебе не по нраву? И не выглядишь ты на сорок пять, уж прости...

— А двое внуков откуда, по-вашему?

— Давай-ка по порядку, — потребовал Аполлинарьевич, ближе подвинув стул.

— Вы зачем садитесь напротив меня? Еще бы лампу в лицо и наручники надеть...

— Молчи! — взревел Аполлинарьевич так, что Маша отшатнулась, руки сами собой взлетели в защитный блок...

— Ну-ну, я сторяча.

— Извините.

— И ты прости старика, привык с молодости, что когда спрашивают — уж непременно таким образом. Дай-ка я чайку поставлю еще...

«Напугала ветерана, — расстроилась Маша. — А ведь еще пару шагов — и от единственного носителя информации осталась бы кучка пепла...» Ей опять стало нехорошо. Когда она пыталась понять, что происходит с телом в момент опасности, в голове начинало шуметь, глаза заволакивало. Аполлинарьевич тоже покряхтел и сел на всякий случай подальше, на диван.

— Пакт о ненападении заключен?

Он поднял рюмку коньяка, кивнул:

— Твое здоровье. Что, совсем не пьешь?

— Нет, родители объяснили, что у меня тяжелая токсическая реакция на любые спиртосодержащие лекарства. Состав микстуры под лупой изучали. Я и не пью. Да и не хочется...

— Интересно. А что еще родители рассказывали?

— Мало. Учились вместе, потом вместе работали в «ящике»: папа инженером, мама в библиотеке научно-технической литературы.

— В Москве?

— После свадьбы по распределению уехали далеко, почти в Туркестан, в закрытом городе жили, потом у мамы проблемы начались со здоровьем, вернулись в Москву. Папа от Министерства средмаша квартиру получил. Средмаш — вы знаете, что это за ведомство. Маме сорок было, не надеялись уже, да вдруг меня родили. Съехали с тетушкой, папиной двоюродной сестрой. Соня к тому времени на пенсию вышла, своих детей не было, решили жить вместе, чтобы и ей не было одиноко, и маме легче. У тетушки была комната в коммуналке на Кропоткинской, обменяли всю эту жилплощадь на хорошую трехкомнатную квартиру. С доплатой. Тетушка свои сбережения туда вложила, у родителей денег не было.

— Кем тетушка была?

— Переводчиком. Настоящая еврейская красавица. Непонятно, как ее на такой работе держали, с пятым-то пунктом, видно, Соня была очень хорошим переводчиком. Маленького роста, глаза большие, зеленые, волосы вились. За ней ухажеры толпами ходили до старости.

— Переводчик. С какого?

— Восточные языки. Бывала и в Китае, и в Камбодже, и в Лаосе, и во Вьетнаме...

— Угу. Зоя говорила, что отец ее дочери — вьетнамец.

— Да послушайте! — взвилась Маша. — До сентября я была абсолютно другой. У меня нет никаких документов, чтобы вам это доказать. Я была тетка, понимаете? Обычная тетка с сумками! Бабка уже! На фиг никому не нужная, ни себе, ни окружающим! На работу ездила, деньги зарабатывала, с внуками по выходным сидела, суп варила. Я сама себя в зеркале не могу узнать! Я не знаю, где была два месяца и что со мной сделали. Я сейчас похожа на себя в молодости, до рождения детей, только лучше. У меня обмен веществ нарушился от стресса: родители умерли, муж ушел. А сейчас ничего как будто и не было. Да, я была гибкая и спортивная, но в последний раз садилась на шпагат в пятом классе! Занималась подводным ориентированием в двенадцать лет, но никогда бы не могла нырнуть в ледяную воду и не дышать столько времени! Не понимаю. Может, Маша давно умерла, а я оборотень? Но я все помню.

Аполлинарьевич тяжело поставил рюмку на стол.

— Про оборотней не скажу, верю в то, что сам видел. А как твоя мать... как Зоя спалила изолятор — видел. И как ты третьим глазом на затылке заметила тех двоих на рафике, с «Мухой», и спалила их — тоже видел. Своими глазами. Зоя сказала: моя дочь — полукровка, у нее на лопатке будет саламандра. Откуда она это знала?

— У меня было родимое пятно. Странной формы...

Маша пересказала ему подслушанный в детстве разговор.

— Теперь ты веришь, что это была твоя мать? В каком году вы съехались с тетушкой?

— В шестьдесят восьмом. Мне три года было. Фотография есть. Мы с тетушкой у родственников на даче. Где это, кто это — ничего не известно.

— Что на фотографии написано было?

— Ничего.

— Надо весь твой домашний архив перебрать, может, чего найдем.

— Мне в Москву надо вернуться. Давайте я завтра уеду? И вам спокойнее будет. Я вообще-то работаю в рекламном агентстве.

— Щас! На работу собралась! Совок долбаный... Тебя тут ищут на каждом углу! Да-да, пока ты отдыхаешь, я справки навел. Фоторобот надели. «Мошенничество в особо крупных...» Якобы у бедных пенсионеров деньги выманивала, притворяясь работником социальной службы.

Маша развела руками.

— Я и говорю: кому-то ты поперек горла встала со своей саламандрой...

— Тогда, вероятно, меня ищут и врачи из больницы, которые меня заново на свет произвели, в улучшенном и дополненном варианте.

— Что про них помнишь?

— Толком ничего...

Пересказ Машиной одиссеи занял десять минут. Аполлинарьевич помрачнел.

— Значит, с приезда аварийки заваруха началась. Видать, аварийка была не простая: искали меч. Знали, что он в твоём доме спрятан. Или старые документы. Ты им помешала. Народ серьёзный вокруг собрался, судя по рассказу. Хорошо, если это всего лишь Контора. Но это не просто Контора. Скажи-ка мне московский адрес. И телефоны детей на всякий случай...

— А зачем вам мои дети? У них своя жизнь...

— Не доверяешь? Правильно. Молодец. Надо будет — я сам узнаю. Мы иначе поступим: ты с интернетом обращаться умеешь? Пойдем в кабинет, там у меня компьютер стоит, я на нем, откровенно говоря, только пасьянс раскладывать могу. Напиши детям сама: мол, живая, здоровая. Ты вроде девка неглупая, по-умному напиши. Чтобы только им было понятно.

Маша немедленно влезла в почту. Нашла там несколько рекламных текстов, сброшенных ей заказчиками для редактирования в начале сентября. Нашла пару писем от детей, тоже старых. И больше ничего. Два месяца в почтовый ящик не ступала нога человека, но ни одного письма, никакого спама. Как будто ящик регулярно проверяли и чистили. Такого быть не могло: заказчики регулярно скидывали ей на почту тексты, свои поправки и комментарии, менеджеры других рекламных агентств тоже что-то присылали. Сама Маша переписывалась со школьными подружками, живущими в других странах, с парой институтских приятелей. Она завела новый почтовый ящик на другом сервере, отправила детям короткие письма: Хрюше и Степашке. Она их так называла в раннем детстве, когда все смотрели «Спокойной ночи, малыши». Ничего конкретного: привет Хрюше и Степашке, будут хорошо себя вести — на ДР получают ролики. Ролики — это была любимая тема для дискуссий. Дети упорно их запрашивали, а Маша упорно не разрешала: насмотрелась на дикое количество тяжелых травм в Филатовской больнице, куда они часто приезжали с очередным вывихнутым пальцем.

Аполлинарьевич бдительно следил за всем, что делает гостья, даже очки напялил. Правда, спросил, не мешает ли, когда за спиной стоят? Маша видела: старик тоже не доверяет ей и пытается контролировать. Боялся ее? Мирную, безропотную, которая много лет сама себя-то за человека не считала? Это чувство потрясло Машу. Страх, который она невольно вызывала, давал ей власть над этими людьми. И одновременно страх вынуждал не расслабляться и ожидать в ответ опасности или подвоха. Удивительно: чем ты сильнее — тем опаснее каждый твой следующий шаг.

— Написала? Поймут?

— Надеюсь. Сейчас покажу фотки. На сайте «Одноклассники», у меня там страничка. Туда фотографии обычно выкладыва-

ют — свои, семейные, старые, новые... Заодно посмотрите, какая я была.

Маша влезла на сайт, но ее пароль не работал. Может, там теперь платный хостинг? Или еще какие-то новшества?

— Не могу. Нет доступа.

Аполлинарьевич нахмурился. Не поверил.

— Тогда я просто найду себя в «Желтых страницах». Чтобы вы не сомневались.

Она набрала в поисковике имя-фамилию-отчество, рассчитывая, что уж в адресно-телефонной книге Москвы точно будет ее адрес и телефон. Северцевых с такими инициалами в Москве оказалось много, но ни одна из них не числилась по ее собственному адресу. Доказательств Машиного существования не было по-прежнему. Как будто и впрямь ее никогда на свете не было. Равно как и ее взрослых детей, по-прежнему прописанных вместе с ней в их собственной квартире.

На мгновение отчетливо представила свою кухню, саму себя — с телефонной трубкой в руках, вечером: «Как вы там? Как зубки у маленькой?» Чайник, телевизор, компьютер с очередной срочной работой на экране, пустые комнаты, детские фотографии на стенах, одиночество. Тоска по этой привычной потерянной жизни была мгновенной и такой пронзительной, что она чуть не расплакалась самым постыдным образом.

Аполлинарьевич деликатно подождал, пока Маша сосредоточится, налил ей чаю и погладил по голове:

— Теперь вижу, что не врешь.

— Да меня как будто нет! Все стерто. Ни адреса, ни телефона...

— Значит, ты точно есть. С мечом, с документами, не знаю, с чем еще, но ты, Маша, им — как кость в горле. Подумать надо. Пока домой не суйся. Там наверняка тебя дожидаются. Пока займись чем хочешь. А я позвоню кое-кому. Мы с Валеркой в город съездим, а Серега с тобой побудет. — Помялся и добавил в сторону: — Давай уж только без стихийных бедствий.

— Ни боже мой! — поклялась Маша. — Я в интернете пороюсь. Однокурсники, одноклассники — может, найду кого. Попробую поискать свою девичью фамилию — Осока, может, найду что-то интересное.

— Добро. — Он ткнул пальцем в экран. — Я в ваших кнопках не силен, но одно знаю: ежели залегла на дно, светиться незачем. Мужик-то у тебя есть?

Маша только махнула рукой.

— Может, оно и к лучшему. Никаких записок подружкам, звонков соседям. Нет тебя. Как и не было.

— ОК.

Аполлинарьевич свистнул Валерку, через пять минут «Гранд-Чероки» упилил в сторону города. Серега заглянул, спросил, не надо ли чего, при этом смотрел в сторону. Стесняется? Боится? Превжняя Маша Северцева страшно мучилась в непривычной обстановке от того, какое впечатление произведет она на окружающих, и заранее предполагала, что впечатление это — неблагоприятное. Поэтому и боялась новых мест, ограничивала круг общения, лишний раз стеснялась куда-то пойти. Нынешняя Маша не отвлекалась на посторонние мысли. Не доверяет? Боится? Это его проблемы. У нее сейчас были проблемы поважнее.

Сначала перебрала все, что написано про огненную саламандру, нашла кучу статей, фотографий и стилизованных изображений. Легенды и поверья ее не слишком воодушевили — нигде не было разъяснено, как, собственно, саламандра управляется с огненной стихией. «Из огня рождается животное, называемое саламандрой, которое питается одним огнем; и огонь является ее материей, и она появится в сверкании печей, которые горят в течение семи лет». «Врата неба». Таких метафорических туманных высказываний Маша сама могла наплодить сколько угодно. Что делать с этим? Хоть «Гарри Поттера» штудируй...

На одном сайте магов и волшебников, устроенном по принципу заочного обучения, было предложено укротить саламандру посредством «заклинания Фрезио». Текст отсутствовал. Наверно, заклинания проходили в прошлом семестре. Саму себя Маша укротить пока не могла, а никому другому бы не позволила. Больше ничего конкретного в сети не нашлось — вероятно, выжившие в схватке с саламандрой интернетом не пользовались.

Искала в сети сведения о специнтернатах КГБ, о том, как детей забирали туда и воспитывали из них профессиональных разведчиков-нелегалов. Если верить написанному в интернете, интернатов было

два, Аполлинарьевич ничего не перепутал, оба давно закрыли. А если и не закрыли, то уж точно контактов в сеть не выкладывали.

Дальше Маша полезла на сайт МАИ, который окончили ее покойные родители. Нашла год выпуска, общекурсовую фотографию. О некоторых их однокурсниках было написано много и красиво: лауреат, Герой Соцтруда, большинство, вероятно, работало на оборонку. А о некоторых — почти ничего. В том числе и о родителях. Даты рождения, учебы и смерти. То ли предприятие, на которое их распределили, было до крайности засекреченным, то ли они ни с кем из институтских друзей потом не встречались.

Это было довольно странно: на Машиной институтской свадьбе гуляла и ее группа, и однокурсники мужа-аспиранта, отношения поддерживались — профессиональный круг узок. Уж когда Маша превратилась в тетку с сумками, на которой, помимо сумок, висели и дети, и работа, и чужие болезни, и смерти, — тогда, конечно, лингвистическая аура вокруг развеялась. Однако при желании можно было легко восстановить эти связи, просто желания больше не возникало. Неужели ее родители, вернувшись в Москву, не захотели найти прежних институтских друзей?

Маша никого не могла вспомнить. Они жили достаточно замкнуто, не считая ее собственных дней рождений, которые были всегда радостными и многолюдными. Родители отмечали свои даты скромно, приходило два-три человека с папиной работы. Тетушка ограничивалась в день рождения семейным обедом в ресторане. Маша долго разглядывала список однокурсников отца и матери и нашла человека, чье лицо показалось ей знакомым: дядю Женю. Он точно учился с родителями в одной группе и потом приходил к ним. И на дни рождения, и когда она готовилась к поступлению в универ, и когда отец начал всерьез болеть, и на похороны. На поминках отца дядя Женя отвел в сторону маму и тихо сказал ей: «Ира, когда ты найдешь в себе силы поговорить об этом, я всегда буду рядом. И вообще — что бы ни случилось, я всегда буду рядом». Мама сдержанно ответила: «Спасибо, Женечка. Я пока не готова. Мне бы Машку чуть-чуть поддержать, чтобы учебу не бросила...» Маше было тогда девятнадцать, она только-только вышла замуж, родила сына и вообще ничего не соображала. Рождение и смерть очень часто переплетаются в жизни, не оставляя времени, чтобы

уложить происшедшее в голове. Поэтому она просто запомнила эту сцену, а теперь поняла.

Мама не успела найти в себе силы и устроить свою жизнь иначе, она успела немного помочь Маше, пока та ходила беременная вторым ребенком, дождалась внучки и умерла от рассеянного склероза. «Пожалуйста, что бы ни случилось, закончи универ, — сказала она ей под конец. — Это все, о чем я тебя прошу. И походи работать в академический институт. Сможешь — защитись, не сможешь — не важно. Важно другое: вялотекущая научная работа, большой отпуск, библиотечные дни, свободный график. Тебе будет удобно растить детей. И не ввязывайся ни в какие сомнительные истории, что бы тебе ни обещали. А Соня тебе всегда поможет. И ты ее не оставляй, мы с папой очень многим ей обязаны...»

Маша пообещала все выполнить, чувствуя неловкость от мелодраматизма этой сцены. Но мама добавила: «Я понимаю, что выгляжу пошло, произношу банальности, тебе неприятно это слышать. Но неизвестно, сколько времени я буду в сознании, при рассеянном склерозе нельзя ничего предугадать. А ты когда-нибудь поймешь, что я имела в виду». — «Угу», — ответила Маша и побежала то ли варить, то ли стирать.

Она долго не могла — не хотела — вспоминать последние месяцы жизни родителей. Через много лет эмоций не осталось, она воспроизвела разговор почти дословно. Акценты в нем были расставлены иначе. «Ни во что не ввязываться...» Легко сказать. «Не садись на пень, не ешь пирожок...»

Спина затекла от долгого сидения перед экраном. Она вытянула из сети все, что могла найти про дядю Женю, Надо придумать, как отыскать его и узнать хоть что-нибудь.

Все это напоминало квест, причем выдержанный в жанре фэнтези. И если бы не метаморфозы, произошедшие с Машиним телом и сознанием, она бы отнеслась к этому с должной иронией — как к игре, не более того. Ей было некогда играть в предыдущей жизни. Возможно, ей дают шанс поиграться в нынешней? Если кому-то приспичило отобрать у нее меч, значит, надо научиться им владеть. «Никому ничего не отдам!» — решила Маша. Но пока Огненная Саламандра должна научиться держать себя в руках и использовать свои качества, так сказать, в мирных целях. А волшебные заклинания онлайн искать бессмысленно. Значит, надо тренироваться самой.

Она вскочила из-за стола, выбежала во двор, поеживаясь под резкими порывами ветра, нашла Серегу в гараже. Тот нервно вздрогнул, разворачиваясь к ней, но нашел в себе силы улыбнуться.

— Сергей! Поможете мне?

— Всегда готов, — он усмехнулся и вытянулся во весь свой богатырский рост.

«Сколько было желаний у дамы? — Примерно шесть, — отрапортовал Швейк...»

— Не в том смысле! — рявкнула Маша. Вспомнила реплику про подствольный гранатомет и сдержалась: — Дело в следующем: я сама не понимаю, в какой момент становлюсь опасной и теряю самоконтроль. Мне надо научиться владеть собой. Понимаете? Давайте придумаем, как это сделать, чтоб и вы не пострадали, и я ничего не порушила.

— Аполлинарьевич разрешил?

— Мы ему не скажем. Мы тихо.

— Пойдемте в подвал под гаражом, там стены бетонные. Мы с Валеркой там тренажерку оборудовали: снаряды, груши, маты. А рядом подсобка пустая, в ней и развлекайтесь сколько угодно.

— Бойтесь?

— Не то что боюсь... — Он уставился в пол.

— Вы меня кем считаете? Человеком?оборотнем? Земноводным?

— Извините. Не знаю я. С виду вы... нормальная женщина, а как начнете в ящерицу сворачиваться и огнем шибать по сторонам — не знаю. Страшно. Всяко видел, а озноб пробирает.

— Не жалко меня?

Он подумал еще, помотал крутолобой башкой:

— Не жалко. Жалеют слабых. А от вас всего можно ожидать.

— И на том спасибо...

Теперь ей стало понятно: побаиваются; по возможности будут сторониться. Чего в данной ситуации ждать от других людей, Маша не знала и подавно. Она прожила предыдущую жизнь как обычный маленький человек. И теперь, подвергнувшись метаморфозе, с изумлением обнаружила, что люди боятся и отталкивают всякого, кто чем-то не похож на них. Такова плата за необыкновенность: сколько про это в книжках ни читай, а на себе испытать невыносимо тяжело.

Лучше было бы остаться дома — хоть и одиноко там, и пусто на душе, а привычно. А вдруг ее собственные дети отшатнутся и испугаются? Страх и непонимания детей она точно не вынесет. Может, лучше им пока не знать, что она жива? Страх перемен — один из четырех главных страхов в психоанализе. И самый сильный. Но теперь поздняк метаться.

— Пошли в бункер для испытаний.

Сергея повеселел:

— Я вам сейчас Валеркин спортивный костюм принесу, великоват будет, ну ничего.

Спортивный костюм оказался тоже камуфляжной расцветки, Маша повертелась перед зеркалом, сама себе понравилась. И вспомнила: впервые посмотрела в зеркало без отвращения, когда взяла в руки меч. Может быть, метаморфозы тогда и начались? А последующие загадочные события только ускорили перемены?

По пути в подвал Сергей захватил стопку небольших досок, толщиной миллиметров двадцать. Маша вопросительно глянула на него.

— Чисто для разминки, — кокетливо отвечал тот. — Подержите, не боитесь?

Маша держала доски на вытянутых руках, отвернув лицо, а Сергей смачно крушил их кулаком.

— Попробуете? Или не царское это дело?

— Может, и не царское...

Маша только в кино видела, как Ван Дамм ребром ладони рубит дерево в прах. Однако признаться в этом было невозможно. Сергей подставил доску. Маша задумалась было, потом приказала себе не задумываться — и рука легко прошла сквозь дерево. Она с неведомым доселе чувством переколотила оставшиеся дрова, причем несколько последних досок разбила тем самым ударом «птичий клюв» — собранными в щепоть кончиками пальцев. На Сергея это произвело должное впечатление, хотя он всем видом показывал, что ничего тут особенного нет.

— Это детские игрушки. Как бы мне потренироваться работать огнеметом и при этом не причинить вам вреда?

— Может, я вам буду что-нибудь бросать, а вы на расстоянии будете это уничтожать?

— По команде «Фас!»? А по команде «Апорт» приносить остатки обратно? Я что — сторожевая собака? Я, между прочим, древнее мифическое существо.

Минут десять они пытались выбрать наиболее безопасный способ тренировки. Потом Серега махнул рукой, вышел и вернулся через некоторое время с пакетом мерзлого штрифеля.

— Короче, снайперы по тарелочкам лупят — вы будете по яблокам. Печете их на лету. Как шарлотку.

— А если...

— ...значит, шарлотки на ужин не будет.

— ОК, — сдалась Маша, — вы бросаете, я отбиваю.

Они замусорили всю подсобку, Маша ловила яблоки на лету, разбивала ребром ладони, ударом ноги с разворота, уворачивалась от яблок с закрытыми глазами, но ни малейших признаков боевой метаморфозы, ни слабой вспышки — ничего. Ей самой было стыдно и неудобно, и смешно. Через полчаса Серега сдался.

— Берите швабру, барышня, и сами отмывайте. На метле летать не будете?

— Мы существа древние и магические, нам шваброй махать запахло...

— Конечно, чем с метлой ковыряться, проще чужой БМВ угнать. Ну-ну, базаров нет.

Маша взяла швабру и тряпку, чтобы заодно оттереть и заляпанные стены. Швабра в руках произвела неожиданное воздействие — отнюдь не магическое: она вспомнила свою квартиру и пожалела о том, что ремонт откладывается, и судя по развитию событий, — на неопределенное время. Захотелось проснуться на любимой ортопедической подушке, под пледом из «Икеи»... «Кой черт занес нас на эти галеры?»

За спиной раздался неопределенный звук. Обзор мгновенно расширился на триста шестьдесят градусов, Серега стоял сзади, держа в руке что-то продолговатое. «Здесь слишком тесно! Опасно...» Спина выгнулась, короткая мышечная судорога перешла в мгновенный озноб, тело вытянулось, стало невесомым и гибким. Ей удалось в последний момент чуть ослабить выброс кисти, но пламя вздыбилось до потолка. Она поднырнула под закручивающуюся огненную волну и бросилась к спасительному холоду. Безопасность. Влага...

— Серега!!! Ты жив? Ты зачем в меня стрелял?

— Это не ствол был, а огнетушитель, дура! А ты что подумала? Я тебя на дешевый понт взял. Какая же ты после этого волшебная ящерица?

Маше было плохо. Ее подташнивало, глаза щипало от остатков пены, скула почему-то болела...

— Ты огнетушитель применил строго по назначению или как?

— Ну, может, слишком сильно им размахнулся...

Маша потеряла скулу. Она и не заметила, как перешла на «ты». В прежней жизни Маша Северцева не могла перейти на «ты» с людьми, которых знала не один год, язык не поворачивался. А тут это произошло само собой.

— Повезло тебе, Серега. Напугать хотел?

— Решил реализма добавить. Утром же помогло? И сейчас получилось. Но не рассчитал замах. Зато прогресс налицо!

— ...вернее, на лице... Ладно, забей. Главное, мне удалось справиться с самой собой. Мне бы потренироваться с мечом, — сказала она заискивающе, — я еще не изучила его магические свойства...

— С мечом — это к Валере. Он у нас типа старший по званию. Нунчаки, саи, ножи — его любимые игрушки. Пусть с тобой и разбирается. Пошли в дом, надо лед приложить. А то Аполлинарьевич фингал под глазом увидит — шкуру сдерет. Я же типа охранять тебя должен...

Серега протянул ей испачканную в копоты мускулистую руку. Маша поняла: больше не боится и не желает ей зла. Она почуяла это звериным нутром и тоже не причинила ему вреда. У нее теперь есть друг. На этом странном и необъяснимом пути она не одна-одинешенька. Вероятно, понятие дружбы присуще даже земноводным.

глава 7

Аполлинарьевич приехал вечером и застал в гостиной полную идиллию: Маша с Серегой лежали на ковре, хрумкали сушки, по очереди запивали их соком из одного пакета и смотрели тупой боевик с Сигалом. Он вошел в тот момент, когда они изучали в замедленном режиме эпизод постановочной драки. Цепкий взгляд хозяина мгновенно заметил ссадины и синяк на лице огнеопасной гостьи.

— Тренировались, — Маша опередила его вопрос, — с применением подручных средств пожаротушения...

Аполлинарьевич зыркнул на Серегу, тот мгновенно убрался из гостиной. Хозяин распространял вокруг запах дорогого коньяка и был преувеличенно деловит. Так ведут себя крепко пьющие люди, желая показать, что выпитое нисколько не мешает им действовать.

Валера носил туда-сюда сумки, пакеты, что-то вполголоса обсуждая с хозяином, Маша предпочла отправиться к себе наверх. Во дворе мужики вели серьезные разговоры, потом Серега уехал, а Валера с Аполлинарьевичем долго бубнили, куда-то звонили, потом в доме стихло.

Сна не было. Долго лежала с закрытыми глазами, воспоминания рождались и наслаивались на впечатления последних двух суток. Поняла, что лучше кино посмотреть. Спустилась в гостиную, порылась в россыпи дисков, нашла среди кучи записей по восточным единоборствам один более-менее подходящий: работа с мечом, школа Эйсин-рю. Зачем отставному бандиту школа Эйсин-рю? Откуда взялся диск? «Что он Гекубе, что ему Гекуба?» Главное — не задумываться. В нынешней жизни это стало главным и единственным правилом. Маша положила рядом меч, вынула из чехла. Включила запись, уткнулась в экран немигающим взглядом. Как ящерка на камне.

Неизвестно, сколько времени она провела перед телевизором. Очнувшись, когда заметила мелькание серых и черных полос на экране. Запись кончилась. Чай остыл. Меч был зажат в левой руке. Вероятно, она что-то делала с ним, ничего не осталось в голове. Почему в левой? Правая рука давно зажила, только шрам остался. Она не была левшой. Правда, в раннем детстве рисовала и писала левой, но ее быстро переучили. Попыталась вспомнить предыдущие эпизоды использования меча — действительно, держала его в левой руке. Пусть так. В новой жизни будет как Джулия Робертс...

Маша пожала плечами, встала, чтобы включить чайник. Раздался грохот. Потом — еще. «Да это ведь выстрелы!» — сообразила она, озираясь по сторонам. Дверь хлопнула — в гостиную влетел заспанный Валерка.

— Иди наверх! — крикнул он, — Аполлинарьевич опять до «белки» допил, палить начал, пристрелит невзначай.

— А ты?

— Унять надо. Не в первый раз.

— Я помогу...

— Он тебя продырявит, потом утром мне башку оторвет. Уходи! Не до тебя!

Маша только отмахнулась. Валера попытался загородить ей дорогу — и провалился в пустоту между диваном и стеной. Маша одним прыжком преодолела длинный коридор, ведущий в кабинет хозяина, дернула дверь. В комнате висел смачный спиртной дух, Аполлинарьевича не было видно, только смутная тень застыла на стене. Она услышала шуршащие колебания плотного вязкого воздуха раньше, чем звук выстрела, увидела расходящиеся волны. Пространство извергло опасность, которая тянулась прямо к ее голове. Тело стало гибким и невесомым, легко пронырнуло под горячей волной, которая шла от маленького движущегося предмета. Ей надо было удлинить лапу, чтобы остановить это движение и развернуть опасный предмет обратно. Лапа удлинилась, пересекла траекторию его движения, описала восьмерку, развернула сгусток в сторону врага...

— Не надо! Он свой!

Эти звуки ничего не означали, но что-то перемкнуло в мозгу, лапа вздрогнула и изменила движение в последний момент. Маленький горячий сгусток ушел в сторону, налетел на что-то большое, неподвижное и сам стал неподвижным, огненная волна послушно уменьшила амплитуду и слабо плеснула под ноги. Мышечная судорога прошла по лапе обратно, по позвоночнику пролетел озноб. Холодно. Опасности нет.

— Братан! Приезжай, я тут с обоими замучился. У одного отходняк после «белки», его плющит и колбасит, то ли пива ему, то ли кардиолога; пива нет, кардиолог едет. Другая вся белая валяется, еле дышит. В кабинете стены разворочены, диван сгорел, сейф заклинило... Да потому что эта чума гонконгская пулю загнала в кодовый замок!.. Нет. Хозяин стрелял. Мечом, наверно... не знаю, чем она пули останавливает. Серега, приезжай, да привези свой фирменный инструмент... для сейфов. Уж извини, что в законный выходной беспокою. С двумя детьми один умею управляться. И с бабами умею. И с Аполлинарьевичем. И с «белкой». И с пистолетом. И с огнетушителем. А со всеми одновременно...

Маша сняла со лба мокрое полотенце. Валера бросил мобильник на стол, увидел, что она пришла в себя.

— Ты как? Есть-пить хочешь? Эк тебя плющит каждый раз не по-детски...

— Как Аполлинарьевич?

— Врача вызвал. Сердце. Ему несколько лет назад в Москве 4 шунта поставили, пить нельзя, а он раз в полгода как закеросинит — так туши свет.

— Валер, а что тут было? — Маша обвела глазами разгромленный дом. — Я опять Змеем Горынычем работала?

— Еще хлеще. Мечом пулю срикошетила. В сейф. Там документы. Но это дело поправимое. Серега достанет, он у нас по сейфам специалист. А остальное по мелочи...

— Можно, я найду гляну на результаты?

— Потом. Хозяину плохо, он не любит, когда его жалеют.

— Я на минутку, — она неожиданно легко вскочила с дивана, невзирая на ворчанье Валеры, зашла в кабинет. Зрелище действительно напоминало последствия визита пожарных из романа «451 градус по Фаренгейту». Аполлинарьевич лежал на раскладном кресле — от дивана мало что осталось. Вид имел бледный. Увидев Машу, не повел бровью.

— Вы уж простите. Само получилось.

— Ладно. Надо было думать, когда я с тобой связался. Выходит, неспроста я с твоей матерью в изоляторе встретился. Я в эти края вернулся, потому что Зое обещал тебя найти, где-то неподалеку тебя держали... Искал, да ничего не узнал, много лет оно меня изнутри глодало. Вроде как слово сдержал.

— Да, ничего в этой истории просто так не происходит. Хорошо, что я вечером диск посмотрела.

— Какой диск? — Аполлинарьевич недобро прищурился. — Из моих? Отсюда брала?

— Нет, из тех, что в гостинной лежали, по боевым искусствам. Работа с мечом. Я же раньше только со шваброй обращаться умела или со сковородкой. Наверно, что-то в голове отложилось. К счастью...

Аполлинарьевич кинул беглый взгляд на перекореженный сейф в углу.

— Уж не знаю, к счастью или нет, может, снес бы я тебе башку по пьяни, и всем бы проще стало. Ну как есть — так есть. Серега приедет, починит. У меня там бумаги важные... — он поперхнулся и начал хрипеть.

— Валерка! Где твой врач?

Маша не знала, чем помочь Аполлинарьевичу. Она не раз видела болезни и смерти. И работала в своей семье Хароном-перевозчиком. Позеленевшее лицо Аполлинарьевича напомнило ей то, что хотелось бы забыть навсегда.

— Не смей умирать!

Она встряхнула его, испуганный Валерка метался вокруг, протягивая капли. Какие уж тут капли, если человек вдохнул и не выдыхает...

— Дыши, мать твою!

Ничего. Провела руками вдоль его тела. Остановилась в области диафрагмы. Вспомнила, как учили ее давным-давно на подводном ориентировании делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Закрыла глаза. Собрала кисти в «птичий клюв», зажмурилась: вдох-выдох... Сосредоточилась на собранных пальцах, вытянула их и представила, как распускается огненный гребень, постаралась сделать его как можно более ровным. Прозрачная огненная жидкость отчетливо заструилась по невидимым сосудам неподвижного тела. Двинулась по ходу течения этой жидкости, почувствовала под пальцами большой комок — сердце. Там ощущалось присутствие чужеродных элементов, тянуло холодом, руки словно попали в вязкую среду. С огромным трудом заставила собственные пальцы шевелиться. Небольшое усилие — и прозрачные стенки наполнились, сердце дернулось пару раз и забило в рваном синкопированном ритме. Несколько раз слегка хлопнула в ладоши, ритм постепенно выровнялся. Руки стали тяжелыми, неподъемными, она встряхнула с них что-то липкое и тягучее. Потом открыла глаза: Аполлинарьевич порозовел и дышал ровно, хотя в сознание не пришел.

— Нашатырь! Мне! Ему не надо, жди врача. Я пойду...

Холод. Ей нужен холод.

Шатаясь, Маша выбралась на улицу, доплелась до озера, сняла на ходу одежду, нырнула, вытянулась и долго-долго лежала в мглистой темно-зеленой воде, бездумно разглядывая волокнистые водоросли и черные осклизлые коряги. Вода. Холод. Безопасность.

Суета закончилась. Приехавший Серега в две минуты вскрыл сейф, вдвоем братва справилась с последствиями стихийного бед-

ствия. Прибыл врач, наблюдавший за Аполлинарьевичем в последние годы, пожурил его за нарушение спортивного режима, назначил для остратки уколы и велел полежать неделю. Аполлинарьевич пытался сопротивляться, Валера привел в качестве аргумента Машу. Маша после подводной медитации выглядела как персонаж японского ужастика-аниме. Она просвистела синими бескровными губами:

— Лежать! — и больной сдался.

Врач быстро смылся — судя по всему, он пользовал хозяина не первый год, видел разное, предпочел не попадать под раздачу.

Сергея с Валерой почти силой отвели Машу в сауну. Когда она вышла оттуда — стол ломился.

— Задобрить решили? — бормотала Маша, самозабвенно наворачивая все подряд, вплоть до ананасов. — В древности таким, как я, приносили жертвы. Обильные.

— Человеческие? — осведомился Аполлинарьевич через полуоткрытую дверь.

— Батя, лежите смирно, вам нельзя разговаривать, — огрызнулась Огненная Саламандра, — кстати, у вас теперь сухой закон на веки вечные.

Притихшие мужики онемели от подобной наглости и от фамильярного обращения. А Маша не заметила, как назвала грозного бандита-ветерана. Аполлинарьевич больше не издал ни звука. Валера заглянул к нему на цыпочках, вернулся еще более озадаченный:

— Книжку читать взялся.

— ?..

— А ты думала? Он, когда заснуть старается, всегда одно и то же перечитывает.

— «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины...» — машинально процитировала Маша и опомнилась: где и кому она это декламирует...

— Откуда знаешь? — напрягся Валера.

— Что?

— Он Гомера читает, чтоб заснуть. Так и говорил — список кораблей...

«Господи, чудны дела твои...» Может, в тюремной библиотеке одна книжка была, и та — по случайности «Илиада»?

Маша долго объясняла: был поэт Мандельштам, написал однажды стихотворение, как тоже заснуть не мог и перед сном читал Гомера. Недоверчивый Валерка успокоился:

— Он однажды нас с Серегой заставил кусок выучить. И наизусть спрашивал. Мы тогда молодые были, проштрафились слегка, влетели на бабки. Хозяин посмотрел на нас и сказал: убить вас — значит, поменять на других таких же уродов; бить — последнее дело, ума не прибавится; деньги с вас брать — смысла нет, я же вам их сам плачу. А заставлю я вас по странице из «Одиссеи» выучить и потом проверю. Каждая ошибка — стольник баксов. Баксы кончатся — пойдут зубы.

— Ну и?

— Четыреста баксов и два зуба. До сих пор помню: «Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов...», — начал нараспев читать Серега.

Даже в беззаботные университетские годы в московской компании далеко за полночь, когда все крепко выпили и несли веселую ахинею, спорили, играли на гитаре, читали стихи, Маше не доводилось слышать застольный гекзаметр. Ее нынешняя жизнь на порядок превосходит предыдущую по концентрации, но при этом ничего нового. Если твой случайный собеседник, одетый в майку с Че Геварой, за столом начинает читать Гомера — это не случайный собеседник. Ничего случайного не бывает...

— Как мне повезло, что я угнала именно ваш бумер и мы встретились. Могла ведь взять другую тачку. Как ты меня назвал по телефону? Чума гонконгская?

— Ты это... — Валера покраснел, — ты нам хозяйина спасла. Машка, ты теперь своя. А за своих мы кого хошь порвем.

— Ох, мальчики, знать бы кого. Я сама не понимаю, кто я.

Мужики зачарованно смотрели на нее, как на персонаж одноименного фильма с Джеки Чаном. «Да мы в детстве не наигрались, по разным причинам...» — сообразила Маша. Братаны тоже ждали волшебной сказки.

— Завтра, Валера, мы с тобой займемся делом. Будешь меня тренировать: работа с оружием и все такое. А то я с этим мечом — как уборщица со шваброй. Серега со мной займется рукопашкой. Чтобы я умела решать вопросы... традиционным способом. Аполлина-

рьевич через пару дней оклемается, посоветуемся — и я в Москву поеду.

— Может, тебе у нас отсидеться? А там само рассосется?

— Нюхом звериным чую: не рассосется, — отвечала Огненная Саламандра.

глава 8

Аполинарьевич не хотел, чтобы Маша уезжала в Москву раньше чем через неделю. «Человечек один нарисоваться должен, мы с ним кое-что обсудим, потом и езжай». Маша попыталась спорить, но махнула рукой — в конце концов, ее нынешняя жизнь измерялась в других временных единицах, нежели привычные «понедельник-пятница-выходной». Братаны — Серега с Валерой — были рады неожиданному разнообразию и дрессировали Саламандру, пытаясь помочь ей научиться владеть новым телом и пользоваться его необычайными свойствами.

Валера отвечал за работу с оружием — кроме меча, конечно. Учил ее пользоваться ножом, дубинкой, нунчаками, выкопал откуда-то саи — трезубцы черепашек-ниндзя. В ответ на немой вопрос покраснел и буркнул: «В молодости увлекался...» Неизвестно, как доподлинно назывался стиль, в котором Валера тренировал свою подопечную: гибрид армейского рукопашного, киношного кунг-фу и уличного мочилова.

Сереге выпала опасная роль укротителя-консультанта: он помогал Саламандре справляться со своей огневой мощью и контролировать ситуацию. Маша заставляла Серегу держать наготове огнетушитель, надевать если не бронежилет, то хотя бы комбинезон сварщика. Поначалу он нервничал, как шахид перед атакой на Нью-Йорк, потом привык.

Ее спонтанные уходы под воду тоже были признаны неконтролируемыми и подлежащими коррекции. Валера одно время увлекался подводной охотой. Он нашел дома на чердаке гидрокостюм, маску, ласты, привез их Маше и тренировал как положено: заставлял проныривать озерцо, держаться на нужной глубине, дышать или не дышать по секундомеру, не позволял пользоваться своими чудесными свойствами, приговаривая:

— Каждый дурак может превратиться в ящерицу и не дышать, для этого ума не надо. А ты попробуй плавучесть контролировать! Техника подводного плавания в ластах отрабатывается на максимальной глубине в полтора метра! Нам так тренер говорил...

Погоны старшего прапорщика вылезали из-под майки с Че Геварой. Когда Маша ленилась или грозилась поселиться на дне, он сурово отвечал:

— И питайся головастиками! Нас в спецназе однажды посылали на переподготовку вместе с боевыми пловцами. Люди ныряют — не чета тебе, и без всяких твоих «Криббле-краббле-бумс»! А ты земноводное, в натуре, а не можешь проплыть вдоль паршивого ручейка, строго выдерживая горизонтальное положение...

Самолюбивая Маша упиралась и сидела в ледяной воде до тех пор, пока не приходил Серега и не взывал к Валериному гуманизму. Однако ей удалось восстановить забытые навыки.

Меч был ее неприкосновенным инструментом, Саламандра сама, как могла, училась с ним обращаться. И пыталась изо всех сил обходиться без «самовозгорания» — как тактично называл процесс Серега. Училась взаимодействовать с оружием. Понемногу поняла: не обязательно всякий раз пугаться до полусмерти и жрать адреналин ведрами. Надо убрать лишние мысли, сосредоточиться на руке, держащей оружие. Сначала рука становилась горячей, тяжелой, переставала слушаться. Потом меч становился продолжением руки. Саламандре никак не удавалось преодолеть ощущение чужеродности этой новой части тела. С трудом она училась контролировать направление огненного удара и его мощност. Обращалась к мечу уже не как к домашнему животному, а как к равному, только никак не могла придумать героического имени. Временами хвалила, временами шипела сквозь зубы: «Вот чувело упрямое!»

Учеба требовала подручных материалов. Быстро закончились запасы дров, штакетника, кирпичей, пластиковых бутылей и прочего хлама, которого в избытке в любом загородном доме. Потом Серега привез из ближайшего шиномонтажа старые покрышки — для отработки прицельного огня по крупным мишеням. Но вонь горелой резины оказалась невыносимой для Аполлинарьевича, который, как все лежачие больные, стал капризен до крайности.

Маша перешла к залповому огню по мелким движущимся мишеням — теннисным мячикам. Мячи истребила быстро, Серега вышел

вперед с резиновой дубинкой, но вынужден был отступить: Саламандра выставила руки ладонями вперед, соорудила стену из синеватого прозрачного огня и не позволяла ему подойти. Сзади подкрался Валера с огнетушителем, но тут же рухнул наземь. Открыл глаза, увидел перед собой Машу — окруженную пламенем, в камуфляжной бандане и майке с открытыми плечами, с ярко алевшей на коже саламандрой. Маша замерла в боевой стойке «братан на стрелке», на всякий случай придавив горло поверженного противника ногой. Валера удовлетворенно прохрипел: «Отставить. Я доволен!».

По вечерам они валялись на диване в гостиной и пересматривали подряд боевики и фэнтези. Валера, как старший в подразделении, вдумчиво подходил к просмотру и не упускал случая прочесть Маше небольшую лекцию о поведении бойца в неординарной ситуации.

Однажды нашел и выкопал из стопки один диск — дешевый гибрид фильмов «Матрица» и «451 градус по Фаренгейту» с диковатым названием «Эквилибриус». Суть была примерно такова: всех людей на планете с младенчества заставляли пить лекарства, чтобы лишить их эмоций. Главный герой — черный рыцарь без страха и упрека, вроде нашего энкавэдэшника — сначала арестовывал диссидентов, не пьющих лекарства и читающих стихи, потом сам влюбился, перекочевался и произвел революционный переворот. Фильм был невыразимо скучен, Маша не понимала, почему Валера упорно не дает ей отвлекаться от экрана.

— Валера, мочи нет смотреть эту чушь...

— Там есть ката стрелка.

— Что это? Зачем? Лучше уж поставь Джеки Чана!

— Молчи, женщина! — со значением отвечал Валера. — Он один от многих стрелков обороняется, по шестнадцати траекториям поочередно уходит от выстрелов, красиво снято. Ката стрелка называется. Для тебя специально искал! Мало ли — вдруг пригодится. А то мы в тебя сегодня метили одновременно щебенкой с двух сторон, а ты что? Промазала дважды, скамейку спалила, пришлось опять огнетушитель в дело пускать, а он последний. И в реальной ситуации была бы уже убита, между прочим...

— Да ладно, Валера, кто в нее будет щебенкой швыряться, кроме нас? — вступился Серега. — Помнишь, из чего по ней лупили в день нашего знакомства? Из «Мухи»! И это только начало...

— Игрушки игрушками, а ката стрелка пусть посмотрит. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится.

Маша сама понимала, что в нынешней жизни ей может пригодиться все, что угодно. Поэтому безропотно дождалась искомой сцены и пялилась в экран, запоминая изящный световой рисунок и траектории движения главного героя: сощурила глаза, отключилась от всего и бездумно впитывала то, что видела. А когда очнулась — Валера с Серегой смотрели на нее, разинув рты.

— Вы чего?

— Да уж больно взгляд у тебя был странный... — неуверенно сформулировал Валера.

— Это и был взгляд Саламандры! — усмехнулась Маша. Но никто почему-то не улыбнулся в ответ...

На следующий день Валера с Серегой решили закрепить пройденный материал. Встали по разным углам участка. У Валерки в руках был старый подводный арбалет — дань увлечению подводной охотой, у Сереге — бильярдные шары из гостиной. В этот роковой момент Батя высунулся в окно и понял, что его спокойной старости скоро придет конец. Японский садик перед домом уцелел, но задний двор напоминал декорации фильма про танковое сражение под Прохоровкой. И от отчаяния он вспомнил о заброшенном полигоне, километрах в пятидесяти от райцентра. На нем в конце восьмидесятых испытывали опытные образцы грузовой техники. Потом полигон оставался бесхозным до жирных нефтяных двухтысячных. Туристические фирмы, организовывавшие ралли по Карелии на джипах, обучали там туристов навыкам раллийной езды по бездорожью. Сейчас в связи с кризисом на ралли никто не приезжал, полигон опять опустел.

— Валите туда и вашу «Бурю в пустыне» отрабатывайте.

— Как же вы тут один?

— Мне спокойнее будет.

— А Ефимыч из бани давно вам советовал найти хорошую девку да жениться... — умильно улыбалась Саламандра. Аполлинарьевич молча разглядывал Машу: братаны приодели ее на свой манер, «сельский гламур» уступил место «бандитскому милитари девяностых».

— Была б ты постарше, да поспокойней...

— Да я же вам говорила, сколько мне лет! Дважды бабка! Одинокое, тихое, кроткое, безответное существо. Постирать, прибрать, борщ сварить... или я плохие борщи варю?

— Безответное, кроткое, в натуре! «Вспышка справа, вспышка слева, бросок, захват, удержание...» Целыми днями только и слышу. Детский сад, в «Зарницу» не наигрались! — Он цыкнул на Серегу с Валерой. — Подожди, встретишь своего принца. И я ему заранее не завидую!

— Да я...

— Проваливайте после обеда на полигон и раньше чем через два дня не возвращайтесь! И чтобы без стихийных бедствий, вертолетов и спецслужб.

— Да мы...

— Молчи. У тебя все на лбу написано, большими буквами.

— Я не виновата. Это карма такая...

— Кармы без вины не бывает, — отрубил Аполлинарьевич с интонациями киношного Джугашвили.

Маша застыла как вкопанная: а в чем, собственно, она виновата? В том, что взяла чужой меч и присвоила тем самым чужие обязательства? Перед кем? Перед чем? Почему застряла в этой глуши и играет в войнушку?

— Обедать будем? Собираться надо, стемнеет скоро, до полигона еще ехать и ехать.

Серега с Валерой брякали в гостинной тарелками, пахло едой. Деревенская идиллия с отставным бандитом и его телохранителями заканчивалась. Полигон, значит, полигон. Ничего не бывает зря.

В сумерках экипированные по полной форме «черепашки-ниндзя» погрузились в два джипа. Вокруг раскинулся абсолютно внеазиатский северный пейзаж — то ли Билибин, то ли Рерих, то ли Рокуэлл Кент. Почти черную равнину прорезали заснеженные проплешины оврагов, темно-красное солнце выплескивалось из низких темно-серых туч, закатные блики плясали в зеркалах, слепя глаза. Валера ехал впереди, Серега шел за ним след в след, Маша рассеянно смотрела по сторонам. Ей самой очень хотелось сесть за руль, но мужики наотрез отказались доверять ей «Чероки».

— Отдыхай, расслабляйся. Если что — ты наше секретное оружие.

Она окончательно перестала понимать, в каком жанре развивается сериал. Курила, слушала музыку, всматривалась в подступающую

ночь. Ребята были настроены во что бы то ни стало сегодня добраться до полигона, спокойно расположиться, а с утра пораньше оттянуться по полной. Судя по здоровенным сумкам, они все-таки достали из погребца стволы. Серега, высунув язык от усердия, нарисовал в «Фотошопе» и распечатал два десятка мишеней для стрельбы. Аполлинарьевич поворчал и махнул рукой:

— Главное, ей под руку не попадитесь. В сторонке, по воронам...

Игра «Зарница». Все когда-то было. Взрослые игрушки отличаются от детских только ценой.

Дорога миновала железнодорожную станцию, возле которой мертвым остовом чернел брошенный на запасном пути товарняк. Через разрушенные стены вагонов проросли деревца, открытые платформы засыпал снег — жизнь воспроизводила метафорические образы Зоны из фильма Тарковского «Сталкер». Ей пришло в голову, что любой миф может однажды получить материальное воплощение. И неизвестно еще, что первично. Тогда почему бы не родиться и Огненной Саламандре?

Думать о женщине по имени Зоя Маша не могла. У нее была одна мама. Хотя в версию Аполлинарьевича легко укладывалось все — и возраст ее родителей, и отсутствие ранних детских фотографий, и мамины последние слова. Нужно попасть домой. Судя по тому, как стремительно развивались события, сделать это надо как можно скорее. Чем дольше она тут отсиживается, тем сложнее будет возвращаться. «Для чего тебе меч — чтобы с ним прятаться? Ноблесс оближ...» «Не по понятиям», — сказали бы братаны.

Опасность. Маша чуяла ее звериным нутром, научилась прислушиваться к своим ощущениям, не анализировать их, а просто доверять. Удивительно меняется образ мышления, как только ты из вечной жертвы превращаешься в хищника. Теперь Маша стала хищным зверем, к этой перемене следовало привыкнуть. Закрыла глаза, сосредоточилась на звуках, запахах и своих предчувствиях, вылавливая из хаотического набора цветочных пятен, шумов, неясных образов постепенно вырисовывающуюся картинку.

— Приехали, — Серега тряс ее за плечо. Машины остановились возле забора, за которым виднелось несколько финских домиков. — Задремала? Чего такая зеленая?

— Здесь нельзя долго оставаться. Опасно. Может, уедем обратно?

— На ночь глядя? Сейчас еду разогреем. Или ты что-то заметила по дороге?

— Нет. Я просто знаю, что тут опасно.

Сергея позвал Валеру, они пошептались, подошли к ней, расстроенные, как дети, которых хотели взять в гости, да передумали:

— Ты уверена, что тут нельзя оставаться?

Ей стало их жалко: сама не знает, куда ей нужно и зачем, что опасно для нее, а что — для людей...

— Ладно, пойдемте ужинать. Утро вечера мудренее.

Холодный ветер раскачивал сосны, загораживавшие въезд на территорию полигона, за деревьями угадывалось присутствие воды.

— Здесь рядом река. Туристов учили ездить по мелководью. Завтра посмотришь. Не вздумай сегодня в воду лезть, — пригрозил Сергей, — не хватало искать тебя в темноте, течение сильное, вода ледяная.

Она рассеянно побродила по домику, отведенному в ее распоряжение, машинально разложила вещи, присела на крыльце, закурила, ушла в собственные невеселые мысли, глядя в темноту и вынюхивая невидимую реку. Река была недалеко. Вода — безопасность — холод...

— Маня! Чего куксишься? Иди к нам, Валера ужин сообразил!

— Иду.

Сергея начал звать ее Маней — так ее никто и никогда не называл. Какие б ни были братаны, других близких людей в нынешней жизни у Маши не было.

Они ужинали молча, беседа не клеилась. Валера вышел во двор: доложить Аполлинарьевичу и узнать, как поживает больной в гордом одиночестве. Вернулся довольный:

— Старик кайф ловит, поставил диск с «Бригадой» и оттягивается. Он, ежели захворает, первым делом это кино смотрит.

— Неужели ему нравится? Уж он-то как раз в жизни не такое видел.

— Маленькие слабости есть у каждого, — подмигнул Валера, — у тебя какие маленькие слабости?

— Раньше сладкое любила. На диете пыталась сидеть, не получалось. Всегда любила боевики смотреть, самые незатейливые.

— А про любовь?

— Нет.

— Почему?

— Мы именно сейчас будем про любовь разговаривать? — огрызнулась Маша.

— Валера, не лезь под горячую руку, — предостерег Серега, включая чайник. Тот зашумел, звук показался Маше преувеличенно громким... это не чайник. Звериное чувство опасности швырнуло ее на пол.

— Маня, ты что?

Она выкатилась наружу, прижимаясь к земле. Краем уха услышала, как Валера кричит:

— Вертолет! Маня, это вертолет, ничего страшного...

Слилась с мерзлой землей, из последних сил удерживаясь на грани боевого превращения. Она запомнила, что сначала по позвоночнику пробегает немыслимый озноб, а потом мышечная судорога прокатывается по конечностям; теперь могла некоторое время себя контролировать, оставаясь в человеческом сознании, чтобы оценить ситуацию.

Вертолет с включенными прожекторами сделал круг над лагерем и скрылся. Мужики выскочили из укрытия, подбежали к ней:

— Ты как?

— Нормально, — ответила Маша, сдерживая дрожь, — они вернутся.

— С чего ты взяла?

— А зачем он тут летает? Глухомань, ни туристов, никого. Может, телефон Аполлинарьевича прослушивали?

— Зачем?

— Если меня все-таки ищут, концы ведут к Аполлинарьевичу. И Валерка ему звонил недавно, могли засечь звонок. Он сейчас один.

— Надо возвращаться, — решительно сказал Серега, — стрельбы отменяются. По машинам. Минутная готовность. Валера, звони старику.

Звук раздался снова, вертолет шел на предельно малой высоте, шаря прожекторами по земле. Валера выскочил из домика — и попал под синеватый луч.

— Назад! — Тот еле успел откатиться за угол, как раздалась автоматная очередь.

— Не выходите! — крикнула Маша, выскакивая из своего домика. — Я к себе за мечом!

— Не высовывайся! Там второй вертолет на подходе! — Серега, неведь как оказавшийся рядом, попытался прижать ее к земле, но забыл, что сам учил уходу от захвата. Маша вырвалась, крикнула:

— Я справлюсь! Уезжайте, выручайте Батю... — и бросилась прямо в движущийся круг света.

На бегу встряхнула кистями рук, ожидая, когда побежит по спине знакомый озноб, но ничего не чувствовала: как будто и не было никогда Огненной Саламандры. Фокус отменяется, зрители требуют возврата денег? Пригодилось бы сейчас пресловутое «заклинание Фрезио»... вкатилась в домик, дотянулась до меча: «Только не подведи меня, слышишь?» Ножны отлетели в сторону, горячая рукоять сама легла в раскрытую ладонь, по предплечью побежала горячая волна... «Давай же, шевелись, чучело!» — зашипела она, не узнавая собственного голоса: не речь, а шипение вырывалось из горла...

— Маня! Серегу зацепило, я его выгашу, там второй вертолет, прикрой меня! — закричал Валера.

«Чучело, наших бьют!» Чтобы правильно выбрать траекторию удара, нужен был полный обзор, а не обычный человеческий взгляд. «Отключись!» Обзор расширился до максимума, время почти замерло. Лапа сама собой удлинилась до предела и начала описывать такие же круги, как чудище своим хвостом. Саламандра собрала всю силу в «птичий клюв». «Кто на нас с мечом пойдет, от меча и погибнет» — произнесла она сквозь зубы, добавив универсальное русское заклинание из трех коротких слов, в точности как инженер Гарин. И снесла чудищу хвост.

Повернувшись ко второму противнику, взмахом огненной лапы разнесла и его. Волна огня оказалась очень сильной, Саламандра еле успела пронырнуть через нее и выйти у самой поверхности земли. Грохота почти не слышала — силы покидали, где-то рядом должна быть спасительная вода, и только там Саламандра могла почувствовать себя в безопасности.

Она нюхом чуяла дорогу к реке и очень быстро нашла пологий склон, пролетела по мелким камням и песку, ушла в воду как можно глубже и дальше, чтобы не слышать мучительных запахов и звуков, не слышать ничего. Долго плыла, пока не почувствовала: здесь безопасно. Прижалась к холодным камням и замерла — не зверь, не человек, слившийся воедино с невидимым в темноте мечом.

глава 9

Маша пришла в себя от холода и боли в левой руке: кисть с зажатым мечом и предплечье свело судорогой так сильно, что она долго подвывала от боли, пытаясь расслабить мышцы. «Распальцовка бывает вертикальная, горизонтальная и хаотическая», — вспомнила классификацию девяностых, по очереди разминая одеревеневшие пальцы. Понемногу подвижность восстановилась, она вскочила, отряхнулась, по-звериному приняухалась — потягивает гарью, но ни звуков, ни отсветов огня больше нет. Надо было вернуться и понять, где Серега с Валерой. О судьбе нападавших Маша предпочла не задумываться. Быстро нашла дорогу обратно, вероятно, звериные инстинкты усиливаются по мере частоты метаморфоз. Выглянула из-за деревьев.

Обломки вертолетов, далеко разбросанные по полигону, едва дымились, один джип стоял оплавленный — Саламандра не рассчитала свою огневую мощь, — а второго не было и в помине. Братаны успели уйти. По крайней мере, на это можно было надеяться. А ведь не стали ни искать, ни выручать. Обидно. И где же хваленое братство? С другой стороны, она цела. Значит, были уверены в том, что выберется. Если ты сильный — никто лишний раз не будет о тебе беспокоиться. Это оборотная сторона силы.

Впрочем, Маша столько лет была слабой, но никто о ней не беспокоился — гребись сама как хочешь, добрая женщина. Или она всегда была сильной? Просто не подозревала об этом до того дня, когда нашла меч? Был ли найденный меч чужим или предназначался лично ей? Размышления были слишком сложны как для мифического земноводного, так и для Маши Северцевой лично. И она решила, что подумает об этом завтра. В лучших традициях мировой литературы.

Одна польза от ее метаморфоз была несомненной: как только Маша пыталась слишком сильно задуматься или вступить в непродуктивный внутренний диалог со своим alter ego, у нее начинал болеть затылок. И плюрализм в голове сам собой прекращался. В недавней схватке с вертолетом выяснилось, что в критической ситуации разум отключается сам.

Ночной воздух был пропитан запахом опасности. Надо убираться с полигона. Маша забежала в полуразрушенный домик, где могли остаться полезные вещи. Нашла только рюкзачок с игрушками для

восточных единоборств, который Валера раскопал дома на антресоли, закинула за спину. Глянула в разбитое окно: вся в подтеках грязи, одежда в копоты, лица не видно — «черепашка-ниндзя» в карельской глуши.

И пошла вдоль воды, стараясь слиться с темнотой, быстро, проскальзывая между мшистых валунов и коряг, не думая ни о чем, — просто шла туда, где ничего ей не угрожало, слушая только свой обострившийся инстинкт. «Меня нет, меня нельзя найти и учуять. Я как вода или как огонь, а огонь и воду нельзя ни остановить, ни поймать. Я становлюсь водой при необходимости, я становлюсь огнем при опасности...» Незатейливая мантра состояла не из слов — из ощущений: она чувствовала себя частью воды, при этом тело помнило, как легко оно может добыть из себя огонь, и противоречия в этом не было: в ней легко уживались обе стихии.

«А противоречий в жизни вообще значительно меньше, чем может показаться на первый взгляд, — подумала Маша, останавливаясь у большого гладкого валуна. — Диалектика, е-мое. Кто я такая — неизвестно, а есть хочется до тошноты, хоть полезай на дно за пищей. Но воспитание не позволяет. Пока...» Она устроила себе короткий перекур: холод пробирался сквозь утепленный комбинезон. Скоро рассветет, река должна вывести ее куда-нибудь. Маша сознательно избегала дороги, по которой они ехали на полигон, и вообще людских поселений. В ее недолгой нынешней жизни встречи с людьми заканчивались неоднозначно.

«Не доверяй никому, если хочешь дожить до рассвета», — выплыл из памяти закадровый текст одного классического боевика. В кино это звучало красиво, в жизни оказалось крайне неприятно. А правда вообще редко бывает приятной. Впрочем, кому могла доверять Маша Северцева с тех пор, как осталась без родителей?

Первое время по инерции доверяла мужу, советовалась с ним, пока не поняла, что это бесполезно: филолог с ученой степенью не мог дать ценного совета по поводу того, как выжить в каменных джунглях начала девяностых. А потом ее немой укор надоел мужу — он и ушел к новому, большому и светлому чувству. Доверяла Соне и советовалась с ней, пока та не слегла. Потом доверяла школьным друзьям — да они поужезжали за границу в поисках лучшей доли. Потом — подружкам с работы... пока не поняла, что никому нет дела до ее проблем. Да и чего

советоваться — зарабатывай как можешь да детей расти и не жди ни помощи, ни благодарности. Каждому впору свой пиджак, кто виноват в том, что ты всю жизнь носишь пиджак не своего размера? Ты сама его выбрала. Теперь оказывается, что и родители с тетушкой — единственные близкие люди — скрыли от нее очень многое, и жила она, как нелегал, по легенде, не зная правды. Нужна ли была ей эта правда? Наверно, раньше была не нужна, а теперь понадобилась. Знание приходит вовремя. «Иди дальше, Огненная Саламандра. Тебе пора. И не спрашивай зачем».

Она отряхнулась, собралась и понеслась дальше вдоль воды. На той стороне виднелись огоньки, но перебираться вплавь не хотелось, а лед не встал. Рано или поздно она выберется к железнодорожной станции, там можно сесть на поезд из Мурманска, идущий до Москвы больше суток. Это ее шанс попасть домой. Отсутствие документов Машу теперь не смущало. Порывшись в рюкзаке, она обнаружила, помимо ножа, трезубцев и нунчак, в одном из карманов мелкие деньги, в другом — пакет с яблоками и бутербродами, в третьем — зажигалку и пачку сигарет. Полный НЗ. Запасливый Валера, вероятно, привык к непредсказуемости в своей прошлой жизни и оставлял везде, где можно, заначки. Спасибо, братан! Бог даст, встретимся еще.

На рассвете Маша шла через небольшой перелесок к кирпичному вокзалу с белыми наличниками. Она замерзла и проголодалась, денег, найденных в рюкзаке, хватило бы только на чай с пирожком в вокзальном буфете. Естественно, буфет оказался закрыт, в здании вокзала не было ни души, но возле маленькой площади болтался хмурый сонный народ, на переезде останавливались машины. Шныряли туда-сюда вечные бабки с водкой и корзинами, полными клюквы, вечные мужики в телогрейках с пивом и ведрами свежей и вяленой рыбы: местные жители готовились к прибытию поезда. Маша изучала расписание, не слишком беспокоясь за свой внешний вид: комбинезон, рюкзак и чехол со снаряжением на плече абсолютно соответствовали образу туристки, возвращающейся домой. Возле расписания ей попалось на глаза несколько китайцев или вьетнамцев, одетых в одинаковые пуховики, с огромными клетчатыми сумками. Они ворковали на своем языке и тоже смотрели, когда следующий поезд на Москву.

Маша решила сначала поесть, а потом озадачиваться поиском денег на билет и каких-либо документов. И то, и другое следовало, вероятно, украсть, а как это делается... Отправилась пока в поселок, рассчитывая найти там общепит.

Поселок состоял сплошь из малоэтажных домов шестидесятых годов, во дворах натянута были веревки для белья, Маша словно оказалась в другом времени, когда Гагарин еще и не летал в космос. Правда, над центральной улицей висела растяжка: «Скоростной интернет». При этом улицу пересекала огромная, частично подмерзшая миргородская лужа, в которую нога человека не ступала, наверно, с прошлого тысячелетия. Маша отыскала классическое кафе-«стекляшку», где сонная продавщица выдала ей чай в пластиковом стакане, бутерброд с колбасой и пачку печенья «Юбилейное». Маша расположилась в углу и увидела, что группа китайцев с клетчатыми сумками тоже направляется в кафе. Тем лучше: они отвлекут на себя внимание, а ее, глядишь, никто и не заметит.

Она сидела, отвернувшись к окну, когда сзади раздалось покашливание. Один из китайцев улыбался ей.

— Вы Москва? — спрашивал он.

— Да, Москва, — покивала она в ответ.

— Лузники! — еще больше обрадовался китаец.

Достал из кармана сложенную карту Москвы, начал тыкать в нее пальцем, протянул маркер. Маша поняла, что ему надо показать Лужники, обвела их на карте. На обороте карты была схема метро, Маша показала, как добраться на «Спортивную» от вокзала.

Китаец стал благодарить, звать к ним за стол, Маша вежливо отказалась. Тогда он вернулся через минуту с пластиковой тарелкой, полной каких-то пирожков. Ей страшно хотелось есть. Но однажды она уже взяла пирожок из рук цыганки. А к чему это привело? Маша отказалась, глотая слюни. Тогда китаец опять заулыбался, отошел к своим и вернулся через две минуты с небольшим целлофановым пакетом:

— Вы каласивая. Пасибо. Это вам. — Протянул и ушел за свой стол.

Маша поблагодарила и распотрошила упаковку. Там оказались шерстяные перчатки и шапочка, с виду обычный ширпотреб, но пришедшийся удивительно вовремя. Она померила перчатки, потом

развернула шапочку — и рука нащупала что-то твердое: там лежали паспорт на имя Марии Ким, билет в Москву на ближайший поезд и несколько пятисотрублевых купюр. В паспорт была вклеена настолько универсальная блеклая фотография женщины со слегка раскосыми или просто прищуренными глазами, что половина женского населения страны могла бы ей воспользоваться. Маше ничего не осталось, как жестами поблагодарить китайца за подарок. А тот в ответ опять улыбнулся и стал показывать на часы:

— Москва. Поезд. — До прибытия поезда оставалось минут сорок.

Маша покивала в ответ, натянула шапочку и перчатки, рысью понеслась к станции, более не задумываясь над происходящим. Другие люди и другие силы теперь по очереди вмешивались в ее судьбу и по-своему помогали добраться до той самой точки В, конечной в некоем маршруте. Ни причин, ни механизма воздействия Маша оценить не могла, поэтому и не задумывалась. Если кому-то надо, чтобы она попала в Москву под именем Марии Ким, значит, она придет в Москву под этим именем. «Торопись, Огненная Саламандра. Тебя ждут».

глава 10

Прежняя Машка Северцева ни за что не взяла бы в руки чужие документы или деньги, умерла бы от ужаса на месте или немедленно бы пошла в милицию: возвращать найденное. Теперь она спокойно лежала на верхней полке, временами ощупывая чехол с мечом под валиком из одеяла. Внизу двое соседей по купе резались в карты, одно место осталось свободным. Китайцы обосновались через два купе от нее, раскланялись с ней в вагоне и больше не пытались ничем привлечь внимание. Маша расслабилась окончательно. Дремала, прислушиваясь к происходящему в купе и за стенкой. Потом случилась стоянка минут на двадцать, попутчики вышли на перрон, Маша тоже собралась подышать, в дверях столкнулась с давешним китайцем, тот опять улыбнулся ей. На улице шел мокрый снег, Маша накинула капюшон, полезла в карман за сигаретами, нащупала бумажку, которой там раньше не было. Фотография. Старый любительский черно-белый снимок. Тот самый снимок из семейного архива, увеличенный на лист А4. Тетуш-

ка держит на руках маленькую Машу. Только справа от тетушки двое: один — седой статный человек в темных очках, в свитере и светлых спортивных брюках, другой — сухонький невысокий азиат в темном костюме. Видна вся веранда и кусок сада.

Маша спрятала фотографию обратно и курила на перроне, пока проводница не подергала ее за рукав:

— Девушка, отправляемся, пройдите в вагон. — Маша никак не могла привыкнуть к обращению «девушка».

Она влезла наверх и попыталась задуматься, но голова заболела немедленно. Кто-то невидимый пытается помочь ей. Кому-то очень нужно, чтобы она приехала в Москву. Значит, все само прояснится. Ее нынешняя нейрофизиология не позволяла ей задумываться сильнее определенного уровня.

Маша выходила из вагона последней, нарочито ковыряясь в рюкзаке. На перроне ее взгляд мгновенно выхватил из толпы немолодого невысокого мужчину с азиатскими чертами лица, как будто знакомого. Воспоминание не оформилось, но инстинкт вынудил отшатнуться обратно в тамбур до того, как его взгляд упрется в дверь вагона. Маша пробежала в соседний вагон, затерялась в хмурой утренней толпе, где смешивались пассажиры поездов и первых электричек. В метро она ощущала себя как рыба в воде. Быстро перешла с радиальной на кольцевую, потом добралась до своей «Фрунзенской». Шла знакомыми с детства переулками, проходными дворами, словно Маугли в родных джунглях. «У Маугли теперь есть железный зуб...»

Запасные ключи от квартиры лежали у Раисы Ефимовны, Маша набрала в грудь воздуха и позвонила в дверь. Ей открыла женщина в белом халате, Маша испугалась, что с соседкой что-то произошло.

— Кто там? — раздался знакомый голос из комнаты. — Проходите. Не стесняйтесь. Это сестра из госпиталя ветеранов, мне уколы назначили! Верочка, кто пришел?

— Раиса Ефимовна, это я, Маша. — Она приготовилась объяснять свое отсутствие.

— Машенька, деточка! Где ж ты пропала! Боже, как ты выглядишь, что на тебе надето?

— Ремонт, Раиса Ефимовна. Я и не появляюсь, потому что пока живу у подруги.

— У подруги? — зоркий партизанский глаз уловил смущение в ее лице. Раиса Ефимовна покосилась на медсестру. — Ладно, потом расскажешь. Прораб заходил, ключи брал, потом отдал. Что так долго? Почему я не слышу грохота в твоей квартире?

— Знаете, то одного нет, то другого, теперь рабочие домой уехали... — вяло оправдывалась Маша.

— Ну-ну... Ты торопишься?

— Да, я за ключами на минутку забежала.

— А твои ключи где?

— Детям отдала. Они мебель двигали...

Раиса Ефимовна посмотрела на нее пристально и тихо спросила:

— Деточка, у тебя что-то случилось? Ты очень изменилась. Похудела сильно. Но меня тревожит, что ты не появляешься дома. С работой все по-прежнему?

— Да. Но вы правы — в моей жизни многое изменилось, потом расскажу.

— Деточка, ты всегда можешь на меня рассчитывать. Тебе деньги нужны?

Маша промолчала.

— Возьми вон там, в ящике стола, пять тысяч, отдашь, когда сможешь. Я понимаю, у тебя сейчас такие затраты... — она опять зорко посмотрела на нее и поджала губы. — Будь осторожнее, деточка. И заходи в любое время. Вдруг я знаю, как тебе помочь?

— Спасибо, Раиса Ефимовна, обязательно! — Маша расцеловала соседку.

Рысью пробежала по собственной квартире: времени было в обрез, не следовало вызывать подозрений. Недоверчивый Аполлинарьевич был прав: если китайцы ухитрились ее найти на маленькой станции, то уж возле собственного дома мог подкараулить кто угодно.

По дому действительно прошли дети и передвинули мебель. Пыль, все вверх дном. Бригадир тоже побывал: на столе лежала примерная смета. Итоговую цифру Маша предпочла не видеть. Она не перезвонила бригадиру вовремя, и тот наверняка с чистой совестью отправился ремонтировать другую квартиру. Мрак и запустение... Больше эмоций не было. Она в скоростном режиме приняла душ, переделась в первое попавшееся и вытряхнула

из ящичков секретера архив. Унести пачку разношерстных бумаг и фотографий с собой было нереально, да и некуда, оставаться здесь рискованно.

Нашла старый мобильник дочери, которой на день рождения подарили супернавороченный iPhone. Отщелкала документы, попавшиеся на глаза, сбросила на флешку. Запихала бумаги обратно. Прихватила чистый свитер и кое-что из мелочей, заглянула в холодильник — помыть бы, выбросить засохший сыр, но некогда! Детям звонить рискованно. Равнодушно оглядела квартиру, проверила, прочно ли закрыты краны, и вышла. Закинула ключи медсестре, помахала рукой соседке и выкатилась прочь. Даже не осталось чувства, что она побывала в собственном доме, — просто обзавелась нужной порцией информации. Свидание Маши Северцевой с прошлой жизнью закончилось. Теперь она Мария Ким.

ЧАСТЬ III

*У женщины поразительная интуиция:
она может догадаться обо всем,
кроме самого очевидного.*

ОСКАР УАЙЛЬД

глава 1

Маша остановилась возле районной детской библиотеки, куда ходила сама. Обнаружила вывеску «Интернет-кафе», зашла. Влезла в почту, надеясь найти там письма от своих детей. Но никто не ответил, ни Хрюша, ни Степашка. Много чего падает каждый день в почтовый ящик, адрес отправителя незнакомый, могли принять за спам и стереть не читая. Прежняя Маша Северцева давно бы оборвала им телефоны, Мария Ким научилась трижды обдумывать каждый следующий шаг. Быстро, однако, воспринимаешь новые привычки. А какой была Маша Осока?.. Кто теперь помнит...

Она набрала в поисковике свою девичью фамилию. Мария Осока не значилась в списках выпускников филфака — она сменила фамилию на втором курсе, когда вышла замуж. Попались родители — на сайте МАИ. Она набрала рядом с фамилией имя «Зоя». Первая же ссылка привела на чью-то персональную страничку в сетевом журнале. Автор рассуждал о полиглотах и лингвистических способностях среднего человека:

«Никогда не забуду девушку, которая училась на нашем курсе, Зою Осоку. С виду классическая блондинка, как теперь принято говорить, из обычной московской семьи и обычной английской школы. А родители, кажется, не были гуманитариями и вообще не из нашей среды, странно, что она поступила в наш институт. Невозможно вообразить, с какой легкостью она начала говорить по-французски и по-немецки. Нас вскоре разделили по специализациям. Успехи Зои были так велики, что после первого курса ее отправили на практику во вьетнамское посольство. Потом я с ней больше не встречался, возможно, ее отправили учиться и работать во Вьетнам».

Маша тщетно пыталась вытрясти из сети хоть что-нибудь о Зое Осоке. Пристально изучила информацию об авторе персональной странички — однокурснике

Зои. Он оказался известным востоковедом, автором многих книг, работал в крупном международном центре. Надо было придумать повод для встреч с этим человеком, кроме случайной цитаты из ЖЖ. Повода пока не было.

Нашла в «Желтых страницах» адрес и телефон дяди Жени Мальцева, однокурсника родителей. Но жив ли он? База данных могла устареть. И вряд ли дядя Женя узнает ее: они виделись очень давно. После смерти мамы он иногда заходил проведать, потом изредка звонил, а потом и вовсе пропал — началась эпоха перемен, и никому ни до кого не было дела. В первую очередь, надо сформулировать вопросы, тогда и ответы найдутся.

Она достала флешку с архивными изображениями. Вот та самая фотография шестьдесят восьмого года с оборванным краем, теперь у Маши в кармане лежало фото с недостающими персонажами, но кто они?

Вот газетная вырезка из статьи о научной конференции Французской школы Дальнего Востока с фотографией Сониного отца и автором какого-то г-на Голубева. Иероглифы на экране при увеличении выглядели даже более отчетливо и что-то напоминали. Она украдкой залезла в чехол меча, нащупала деревяшку, вытащила, пригляделась: а ведь это одни и те же иероглифы. Кем был неведомый Голубев? И случайно ли присутствие двух неизвестных на фотографии?

Покопалась в интернете и нашла только одну статью о знаменитом русском ученом-ориенталисте, друге Рериха, раскрывшем много тайн в истории Индокитая. Начиная с двадцатых годов, он работал во Вьетнаме, под эгидой Французской школы Дальнего Востока. Археологические исследования Голубева положили основу теории о доншонгской культуре — древней культуре Индокитая. Войны прошлого века проносились над ним, в перерывах между конференциями и раскопками он оказывался в самых жарких точках, французский маршал вручал ему крест «За боевые заслуги». А после войн Голубев возвращался к раскопкам и исследованиям. Он первым применил в археологии метод аэрофотосъемки, используя французскую военную авиацию. Русский по происхождению, выпускник Гейдельбергского университета, гражданин Франции по паспорту, проживший почти двадцать лет во Вьетнаме, Голубев умер в 1945 году, и прах его позднее был перевезен из Ханоя во Францию. Каким-то образом его путь

пересекался с путем Сониного отца. Сколько разных людей оказалось на Востоке в это смутное время: и разведчики, и ученые с медалями за боевые заслуги, и художники-ориенталисты... Сонин отец привез меч в Россию. Случайно ли сохранилась эта вырезка из газеты, с иероглифами, написанными, вероятно, рукой самого Голубева? Очевидно, что на деревяшке и на газетной вырезке одна и та же надпись. Можно ли считать это случайностью? Случайности остались в прошлой жизни.

Она пересняла и сбросила на флешку иероглифы, вырезанные на ротанге. Интернет-кафе было на удивление хорошо укомплектовано, принтер работал. Вывела на бумагу изображения, они почти целиком совпали с надписью на газетной вырезке. Может, кто-нибудь переведет ей содержание? В нынешнем Машинном списке был только один ориенталист и специалист по иероглифам — однокурсник Зои Осоки.

Она набрала справочный телефон института, где работал известный востоковед, на ходу придумывая себе легенду. Представилась сотрудницей солидного аналитического журнала, которой нужен комментарий специалиста к ситуации на южноазиатских биржах, и минуты три бойко несла ерунду. Узнала, что востоковед будет в институте завтра, а сегодня у него презентация нового проекта в Университете дружбы народов.

Маша собралась в момент. Ей, правда, пришлось зайти в ближайший магазин и переодеться, на этом деньги закончились. Через полтора часа она стояла у дверей актового зала РУДН, где заканчивалось мероприятие, при полном параде, искоса разглядывая себя в зеркало фойе. К счастью, востоковед с двумя коллегами бросился на перекур в стеклянный предбанник. Она понятия не имела, как сформулировать свой вопрос и чем зацепить его внимание, чтобы тот не отмахнулся от назойливой женщины. Востоковед выглядел моложе своих фотографий в ЖЖ и на сайте института: подтянутый, подвижный, бритый наголо, элегантно одетый. Ровный шоколадный загар говорил о недавнем возвращении из тропической страны, а уж глаз у него и вовсе играл как у тридцатилетнего. Маша выждала момент, когда рядом никого не окажется, подошла к нему той самой походкой «от бедра» и томно спросила:

— Виталий Константинович, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Мы знакомы? — Он вглядывался в нее цепким взглядом.

— Моя девичья фамилия Осока. Она что-нибудь вам говорит?
Он на мгновение задумался.

— Мне очень нужно поговорить с вами. Я прочла на вашей страничке в ЖЖ об однокурснице с фамилией Осока. Зоя Осока.

— Да, у меня была такая однокурсница. Я смутно помню ее лицо. Но мы не виделись с ней с тех пор...

— Я понимаю, что это звучит дико. Но позвольте задать еще один вопрос: вы не знаете никого из этих людей?

И она положила на стол фотографию, подsunутую китайцем.

Востоковед надел очки, несколько мгновений разглядывал фото, потом снова вскинул на нее цепкие глаза:

— Какова связь между людьми на фотографии, моей полузабытой однокурсницей и вами?

— Девочка на фотографии — это я. А Зоя Осока, вероятно, моя мать.

— Что значит «вероятно»? — он снял и протер очки.

— Это значит, что правду мне узнать не у кого.

Востоковед рассматривал ее в упор, потом покачал головой:

— Как тут все запущено. Впрочем, если вы подождете окончания презентации, мы сможем выпить кофе в университетском кафетерии. Я тороплюсь, но минут десять у меня для вас найдется...

— На этом снимке — я и моя родная тетка, Соня, которая была переводчиком с вьетнамского, лаосского, кхмерского языков. Вы же кого-то узнали на снимке, не ее случайно?

— Нет. Я узнал человека справа. Это близкий товарищ моего отца. Он давно умер.

— Кем он был?

— А это важно? — сощурился востоковед.

— Очень.

— Это товарищ моего отца, он работал в аппарате ЦК, в международном отделе, занимал достаточно скромный пост, был очень образованным человеком, увлекался восточной культурой. Кстати, он и помог мне в выборе профессии... Позвольте, но этой фотографии должно быть больше сорока лет. Девочка — это вы? — он снова вскинул на нее цепкий взгляд, и Маша поняла: не верит.

— Девочка на фотографии — я, фото сделано в 1968 году, мне здесь три года. Меня зовут Мария. Моих родителей звали Владимир и Ири-

на. Девичья фамилия — Осока. Выйдя замуж, я сменила фамилию на Северцеву. Сейчас моя фамилия Ким. Я ищу хоть какие-нибудь следы женщины по имени Зоя Осока. Я пытаюсь понять, была ли она действительно моей матерью, и если да — почему никаких следов ее пребывания на этой планете больше нет! Я никогда не слышала о ней до недавнего времени. Вы наверняка не поверили ни единому моему слову. На вашем месте я бы тоже не поверила. Но это правда. Если вы ничем не можете мне помочь, спасибо...

Маша встала, подчеркнуто медленно складывая в сумку кошелек, зажигалку, телефон. Востоковед понимающе выдержал паузу:

— Как мне вас найти? Вдруг что-то удастся выяснить о Зое...

— Вы очень любезны. Вот мой электронный адрес. Кстати... — она медленно вытащила распечатки с иероглифами. — Вы случайно не знаете, что они могут обозначать?

Востоковед снял очки, снова их надел, долго вертел в руках распечатки, потом покачал головой:

— Это, вероятно, китайские иероглифы. А я изучал японский. Надо посоветоваться со специалистом. Вы могли бы мне оставить эти распечатки? Откуда они?

— Конечно. Одна — копия вырезки из газеты, хранившейся в семейном архиве. На другой — иероглифы и рисунки, изображенные на одной старинной вещице...

— ...вероятно, тоже хранившейся в вашем семейном архиве?

— Вы угадали. Меня заинтересовало сходство этих надписей. Спасибо, не смею больше отнимать у вас время.

Маша написала ему электронный адрес, раскланялась и ушла.

А непрост востоковед... Впрочем, простых востоковедов не бывает. Если он и знает что-то, нипочем не скажет сразу. Пусть справки наведет — биография Маши Северцевой чиста, как выпавший снег. Пусть помучается, глаза-то у него заблестели, когда Маша ненароком вытянула ногу в разрезе юбки. Может, вспомнит что-нибудь. Какое имел отношение скромный сотрудник международного отдела ЦК к Соне? Да мало ли, за ней всегда поклонники толпой ходили. А зачем она брала с собой на дачу трехлетнюю племянницу? Говорила, что это дача дальних родственников. Может, родственники по линии ее репрессированного отца? Что ж тогда про них больше никто в жизни не вспомнил? И что означают иероглифы? И почему

китайские? Покойный Голубев был специалистом по вьетнамской культуре...

Каждый вопрос порождал следующий, а ответов по-прежнему не было. На очереди — дядя Женя Мальцев. Маша решительно взялась за телефон.

глава 2

Всю предыдущую жизнь Машка Северцева была примером мелкой «непрухи» для подружек и знакомых: если она шла за справкой — справку ей не давали, а если давали — то не того образца и не той формы. Если она прибегала в присутствие по неотложному делу, в присутствии непременно оказывался короткий день или пришла санэпидстанция, всех отправили домой раньше времени. Эта советская «непруха» плавно перекочевала с ней в новую эпоху: если банкомат зажевывал карту, карта непременно принадлежала Маше. Если все поголовно выписывали через интернет в некой фирме компьютеры, именно на Маше фирма прекращала существование, а предоплата исчезала в пространстве. Сама Маша Северцева смирилась с бытовым невезением и утешала себя: зато дети выросли здоровые и умные и у них все будет не так. Сейчас ей фантастически везло. Дядя Женя Мальцев жил в той же квартире и том же доме на проспекте Мира, пребывал в здравом уме и твердой памяти, оказался дома, обрадовался и готов был принять немедленно. Впрочем, сейчас ее зовут Мария Ким. Может быть, дело в этом?

В последний раз они были в гостях у дяди Жени еще при жизни родителей, когда она училась в десятом классе. Папа начал болеть, мама заезжала к Жене за какими-то лекарствами из спецполиклиники и заодно — за новогодним заказом с икрой: дядя Женя пользовался мелкими советскими благами, полученный к празднику дефицит жертвовал Ирочке с Володей. Сейчас Маша легко нашла добротную кирпичную башню. Поглядела на свое отражение в стеклянной двери магазинчика: узнает ли? И нажала кнопку вызова на панели домофона: снявши голову, по волосам не плачут.

Когда дверь распахнулась, Маша обнаружила перед собой пустоту, глянула вниз: на инвалидном кресле сидел сухонький согнутый чело-

век с лицом дяди Жени Мальцева: с живыми черными глазами, резко очерченными иконописными бровями. Мальцев был очень красив в молодости, и радость на его лице была той же, что и тридцать лет назад:

— Машуня! Деточка! Как ты изменилась! Красавица стала! А я — видишь какой теперь...

Маша обняла его, захолопотала: помочь вам? Но дядя Женя решительно отверг попытки поухаживать за ним и резво заворочал рычагами коляски, разворачиваясь, подавая ей тапочки, порывался помочь ей снять куртку. Они долго и путано расспрашивали друг друга. Дядя Женя по-прежнему жил один. Он развелся много лет назад, детей в браке не было, оставалась племянница с детьми, которым он и помогал как мог: устраивал в институты, подкидывал по возможности деньги. Вскользь упомянул о том, что заработал крайне редкую, неизлечимую форму артрита, привязавшую его к инвалидному креслу. Маша не решилась спросить о финансовом положении, но дядя Женя сам гордо доложил, что пока мог ездить на машине — читал в институте электронного машиностроения лекции. Теперь работает дома — консультирует дипломников, на старых связях нашел себе подработку: переводит научно-техническую литературу. Не сдавался Мальцев, когда разговаривал — так же вспыхивали черные глаза, так же легко слетали цитаты с языка, прежнее обаяние захватило Машу. Она в детстве спрашивала маму: почему за дядю Женю никто замуж не идет, он умный и красивый?

Уже был заварен и выпит чай, было рассказано все про детей и внуков — «Боже мой, Машка, да как это возможно? Такая молодая и дважды бабушка...» — а у нее никак не поворачивался язык задать тот самый проклятый вопрос.

— Ладно, Мария, — наконец не выдержал сам Мальцев, — уж если ты меня через столько лет нашла, то вряд ли чтобы осведомиться о моем здоровье. Выкладывай. Чем могу — помогу, я Ирочке обещал и от своего слова никогда не отказывался. Да кури ты здесь, не ходи на балкон, холодно. Сам-то я бросил, а других понимаю. — И выставил перед ней пепельницу.

Маша закурила, выдержала паузу, сколько могла, потом выложила перед Мальцевым фотографию. Ту самую. Мальцев молчал, отводя глаза.

— Зоя Осока, — произнесла Маша, — это моя настоящая мать?

И стиснула зубы: именно в эту секунду она как никогда мечтала, чтобы Мальцев ответил «нет» или недоуменно вскинул брови. Чтобы это оказалось сном, просто затяжным дурным сном, из которого рад бы вырваться, а не можешь...

— Да, — глухо ответил Мальцев, отвернувшись в сторону.

И земля уплыла из-под ног на одно мгновение.

— Где она была всю жизнь? И почему мне никто никогда об этом не говорил?

Мальцев молчал.

— Вы знаете. И решаете, что именно мне рассказать, а что оставить на потом. Говорите! Вы не представляете, что со мной произошло. Я имею право знать!

Мальцев подкатился к письменному столу. Вынул оттуда фотографию: родители и он, молодые, втроем сидят у костра в вязаных свитерах, у Мальцева в руках гитара.

— Ты теперь взрослая и понимаешь, что я всю жизнь любил твою мать... Ирочку. Но ничего не мог поделать, оставалось только всегда быть рядом и помогать. Кто знал, что наступит момент, когда никто не сможет помочь?

Маша зашла погреться в магазин, прислонилась к стеклу. Ее трясло. Звуки и лица вокруг сливались в невнятный фон. Она ничего не чувствовала. На месте собственной биографии царил хаос. Надо было выстроить некое подобие схемы из услышанного от дяди Жени. Итак: Мальцев и ее родители вместе учились, вместе уехали по распределению в закрытый городок, на один из заводов Средмаша. Там у них родилась дочь Зоя.

Во время маминой беременности на заводе случилась авария с утечкой радиации. Закрытую статистику по радиационным мутациям человеческого организма вели и США, и СССР. Поэтому всех детей в городке, получивших некую дозу при рождении, обследовали каждый год. Зоя с раннего детства проявляла неординарные способности: легко угадывала мысли, в два года прикосновением рук заводила часы, обладала фантастической памятью и играючи перемножала многозначные числа, двоичную систему счисления освоила в пять лет. Родители — Ира и Володя — с замиранием сердца ждали

патологий. Но патологий не было, девочка блестяще училась в школе, выигрывая конкурсы и соревнования. Стало понятно: чтобы дать ребенку достойное образование, надо возвращаться в Москву. Но уехать из закрытого города было нереально. Если возможности нет, судьба все равно предоставляет ее, пусть самым неожиданным образом. Когда Зое было одиннадцать, мать начала болеть, местные врачи с перепугу написали в диагнозе онкологию, отец всеми правдами-неправдами выбил разрешение увезти ее в Москву на консультацию и лечение. Его не хотели отпускать, пугали выговорами по партийной линии, снятием допуска и прочими советскими страшилками. Секретарь парткома сказал отцу в сердцах:

— А партбилет на стол положить не хочешь?

Отец достал партбилет и положил на стол со словами:

— Это всего лишь корочка. А у меня за дверью жена. Ее жизнь дороже партийных взносов и карьеры. Если ты мужик, ты меня поймешь. А если не поймешь, бог тебе судья! — И вышел.

Секретарь парткома оказался нормальным мужиком: родителям разрешили уехать в Москву. Карьера отца тем самым была зарублена на корню. Здесь ему светила закрытая защита докторской, возможные госпремии и немалые деньги, а в Москве он остался кандидатом технических наук и мэнээсом в скромной лаборатории скромного института, впрочем, тоже засекреченного, как и большинство институтов в то время. Отец сделал выбор.

Из писем родителей Мальцев узнал, что диагноз не подтвердился, Ира выздоровела, работала в библиотеке в том же институте, что и Володя. Дочка росла и была по-прежнему здорова. И главное, что при переезде в Москву необходимость проходить обязательные обследования пропала! О природе необычайных способностей Зои забыли. И девочку, и родителей оставили в покое.

Из неясных намеков Маша поняла, что Мальцев был сотрудником первого отдела в закрытом НИИ. На первом курсе ему сделали то самое предложение, от которого нельзя было отказаться. Но он пользовался своим особым статусом, чтобы при необходимости помогать своим, а не топить других. В частности, именно благодаря его связям родители получили от Средмаша комнату в коммуналке, а потом и двухкомнатную квартиру. Он держал слово: как мог, помогал любимой женщине.

Прошло несколько лет. Зоя собралась поступать в институт. Родители были категорически против технического образования. Их гениально одаренной дочери было совершенно все равно, где и чему учиться: она окончила музыкальную школу, художественную студию, получила первый взрослый разряд по плаванию и продолжала выигрывать конкурсы и олимпиады, в которых участвовала. Глядя на свою тетку, Зоя собралась поступать в ВиЯк. Ира в письме пожаловалась Мальцеву, что дочка выбрала вуз, в который детям из обычных семей путь заказан. Мальцев нажал на свои педали, написал письмо от министерства, в котором упоминались заслуги отца перед Средмашем в годы эскалации гонки вооружений, чуть ли не лично поручился за благонадежность родителей и их дочери. Это письмо не сработало. Тогда он решился на почти запрещенный прием: сам приехал в Москву и лично поговорил с кем-то из своего комитетского начальства. Рассказал об аварии на секретном объекте, о том, как детишек в закрытом городе обследовали каждый год, о необычайных способностях девочки. Сдал Зою с потрохами — и одновременно помог: ее приняли в институт.

Мальцев опять уехал, вскоре получил радостное письмо: Зоя делала большие успехи в изучении вьетнамского языка, Соня устроила ее на практику в посольство ДРВ, кажется, дочь скоро выйдет замуж. Больше ни слуху ни духу.

Через несколько месяцев он попал в Москву, хотел зайти с подарками и цветами, позвонил сам и услышал в трубке отчаянный голос Иры:

— Зоя исчезла. И Маша исчезла. Мы не знаем, что делать. Приезжай. Помоги.

Мальцев не понял, кто такая Маша. Он взял такси и через полчаса очутился в их подъезде, обнял мертвенно-бледную Иру, впервые в жизни целовал ее, понимая, что она позволяет ему это от горя и полного отчаяния.

Зоя во время практики познакомилась с сыном сотрудника посольства. У них случился роман — бурный и мгновенный, как всегда бывает в восемнадцать лет. Они хотели пожениться, но по ряду причин этого не произошло. Зоя ждала ребенка, опасалась оставаться в Москве. Оказалось, что Ира много лет поддерживала при-

ятельские отношения с докторшей из закрытого городка. Та переживала за молодую маму, «хватанувшую дозу», наблюдала за ней и за малышкой, женщины переписывались, посылали друг другу мелкие презенты. Докторша к 1965 году вышла на пенсию и переехала в Подольск, подрабатывала в роддоме, подменяя врачей на ночных дежурствах. Ира увезла Зою рожать из Москвы в Подольск. Из подольского роддома и Зоя, и новорожденная девочка исчезли. Прошло полгода, а никто не мог ничего сказать. Уголовное дело об исчезновении завели, а потом вызвали куда надо и сказали: сидите и молчите. Может, тогда и вернем вам хотя бы ребенка. А будете шум поднимать — ни дочь, ни внучку никогда не увидите. «Женя, что делать?»

Мальцев попытался узнать что-либо у своего комитетского начальника, курировавшего их отдел Средмаша, но наткнулся на глухое молчание. Ему посоветовали заткнуться. Он заикнулся снова о феноменальных способностях Зои, ему было сказано: «Без тебя разберутся, как это применить». Именно в такой редакции: «это». Словно речь шла о неодушевленном предмете. Он пытался узнать о судьбе новорожденной, но шеф сказал ему, позвав покурить на улицу:

— Будешь расспрашивать — твоим друзьям не поздоровится. Пусть придумают что-нибудь и помалкивают.

— Что?

— Пусть скажут: дочь рожала не в Москве, в провинции, у родственников, роды были сложными, спасти никого не удалось. Так будет проще. А иначе с ними может тоже что-то случиться. Ты небось всю жизнь под Иру клинья подбивал? Вот и береги ее. Скажи — делаем что можем. Международный скандал, скользкая тема. Успокой как-нибудь...

Вероятно, по лицу Мальцева собеседник понял, что ляпнул лишнее, и добавил:

— Девчонку-то ты сам сдал. Со всеми ее сверхспособностями, мутациями и проч. Чего теперь изображаешь оскорбленную невинность? Иди. Забудь. Только хуже сделаешь — и себе, и другим. И вообще, у тебя что — дел других нет?

Мальцеву пришлось вернуться на объект. Ира сказала ему на прощание:

— Я чувствую, что они обе живы.

А потом прислала ему открытку с поздравлением к какому-то празднику и между строк приписала: «Теперь я знаю, что осталась только Маша. Но я верю...»

В очередной приезд в Москву он встретился с Ирой и Володей, Ира отвела его в глубину квартиры и прошептала:

— Я чувствую, что Зои больше нет. Я раньше слышала, как она звала меня. А теперь — молчание. Но только ты Володе не говори, он не переживет. Дай слово, что не скажешь! Пусть надеется.

Мальцев дал слово.

А потом Володя отвел его на лестницу покурить и тихо сказал:

— Меня вызывали в наш первый отдел. Сообщили, что Зоя Владимировна Осока погибла во Вьетнаме в результате несчастного случая, выполняя интернациональный долг. Бумажку дали. Я ее сжег, веришь? Не дай бог Ирка увидит. Так она хотя бы надежду сохранит. Не говори ей. Даже если со мной что случится — не говори никогда, пусть ждет.

И Мальцев снова поклялся молчать.

Примерно через полгода ему на работу позвонила Ира. Это было редкостью — служебные телефоны в закрытом городке прослушивались.

— Когда приедешь к нам в гости? У нас Машуня выросла, не узнаешь. — Голос звенел, Мальцев понял, что случилось чудо: друзьям вернули внучку.

— К майским праздникам буду непременно, — как можно спокойнее отвечал он.

Действительно приехал на майские праздники, провел вечер с друзьями и Машкой, Ира на кухне шепотом сказала ему:

— Это Соня спасла всех благодаря своим связям. Знаешь, мы решили съезжаться: все уже не первой молодости, если получится — сменяем наше жилье на хорошую трешку, чтобы Машке было куда мужа привести и где детей нарожать...

Потом помолчала и добавила:

— Зою не вернуть. Мы Машку удочерили. Прошу тебя: никогда и ни при каких обстоятельствах ничего ей не рассказывай. Если что с нами случится — помоги ей.

Мальцев дал новую клятву. И честно держал ее до сегодняшнего дня. Обстоятельства вынудили его нарушить данное обещание.

— Почему надо было непременно отправлять ее во Вьетнам? Что, других переводчиков не нашлось, кроме студентки? — спросила Маша, просто чтобы выдавить из себя хоть один звук.

— Я как-то случайно в нашем госпитале разговорился с одним дипломатом, уже пенсионером. И он рассказал, что наша разведка во Вьетнаме оказалась не готова к активным боевым действиям американцев в 1964 году. Ты не поверишь! В посольстве СССР в Ханое было четыре кадровых разведчика под прикрытием, но лишь один разведчик-дипломат, выпускник МГИМО, в то время владел вьетнамским языком. В ГРУ не было ни одного специалиста, знавшего вьетнамский! Поэтому им нужна была Зоя, со всеми ее уникальными способностями. И, наверно, только шантажируя дочь, можно было заставить ее работать на спецслужбы...

Маша толком не помнила, как допила чай, как попрощалась с дядей Женей, как оставила ему электронный адрес. На всякий случай. Вдруг вспомнит нечто важное...

Призраки окружали ее, властно вторгались в привычный мир, рушили безусловные связи, навязывали иную картину мироздания. Дело было не во внезапных метаморфозах, которым подверглось ее тело: в конце концов, неизбежные гормональные изменения в организме порой вызывают худшие перемены. Все, что казалось незыблемым, рассыпалось в прах от одного ее прикосновения. Она задавала вопросы, никогда прежде не приходившие в голову, и получала на них ответы, не соответствовавшие ее представлениям о мире.

Можно было бы попробовать поговорить с Раисой Ефимовной. Но соседка переехала в их дом, когда Маша училась во втором классе, и вряд ли могла знать что-то подобное, иначе бы сто раз проговорилась. А тревожить попусту добрую женщину страшными тайнами... Маша была уверена, что домой ей возвращаться рискованно, равно как и звонить детям. Не зря некто невидимый помог ей вернуться в Москву под чужим именем. Ей надо было найти хоть что-то постоянное. Что же считать наиболее постоянным в этом мире, если не Немецкое кладбище, где похоронены твои родные?

Трамвай неспешно громыхал по серому сумеречному Лефортову. Маша много раз ездила сюда на годовщины родителей и тетушки, путь был привычен. Теперь город выглядел по-другому. Стоит сменить образ жизни, и меняется то, что ты привыкла видеть раньше.

Кладбище в будний день перед закрытием было пустым, Маша шла одна по главной аллее. Никогда она не приезжала к родителям в таком виде: с мечом за плечами и паспортом на чужое имя. Впрочем, им — там, наверху — решительно все равно, какие документы лежат у нее в кармане. Они смотрят сверху и не дадут пропасть ни за грош...

На стене крематория их семье принадлежало две ниши. Там было достаточно много фамилий, часть из них Розенберги — родственники отца по материнской линии, часть — Осоки. Только на кладбище становилось понятно, как причудливо было смешение кровей. А сколько имен осталось необозначенными: Осмоловские, Лопухины...

Маша машинально пробежала глазами по буквам и числам, обозначившим факт присутствия на земле ее родителей и тетушки, поклонилась им по привычке. Потом взгляд упал на соседнюю нишу Розенбергов. Нашла строчку: «Амир Шариханов, 1894 — 1937». Теперь она знала: это расстрелянный отец Сони, дипломат и разведчик. И знала, что урны там нет. «Это ваш меч, теперь я за него отвечаю», — прошептала она и слегка поклонилась.

Ниже попалась строчка, написанная масляной краской, — не выбитая на табличке, просто выведенная кисточкой от руки: «Осока З. В.». И больше ничего. Странно, что Маша не обращала на нее внимания раньше. В детстве она ездила на кладбище раз в год вместе с родителями, никто не грузил ее объяснениями степеней родства. Потом так быстро похоронила папу с мамой, что уж тем более не задумывалась о тех, кто лежит по соседству. Ушедшие родственники были для нее некой абстракцией. Никогда не разглядывала соседнюю нишу, просто машинально расставляла хризантемы. Теперь она не понимала, как столько лет не замечала надпись «Осока З. В.». Нет дат рождения и смерти, нет урны, ничего — одни буквы. Только так они могли обозначить факт ее пребывания на этой планете. Впервые задумалась о своей матери — пришедшей со звезд, давшей ей жизнь и ушедшей обратно. Мама. Она была моложе, чем ее дети теперь. Прозрачный легкий силуэт без лица и голоса. Невесомая ящерка в пламени.

Маша вынула из рюкзака фотографию. Кто эти люди? Родственники? Чьи? А покойные родители на самом деле — бабушка с дедушкой? «Вот папа, вот мама, вот я, девочка Маша, вот могила роди-

телей...» Кто она? Или ее и впрямь больше нет, а есть некое существо с неведомой татуировкой на левом плече?.. Голова опять закружилась. Маша присела на лавочку возле кладбищенской конторы.

— Я не сомневался, что вы придете сюда.

Тот немолодой невысокий мужчина с азиатскими чертами лица, казалось, возник ниоткуда. Маша замерла, вдоль спины мгновенно пошел легкий озноб.

— Мы на святой земле, — пробормотала она на всякий случай цитату из «Горца» и мрачно усмехнулась: до чего клишированное сознание, уж и хвост с лапами отращивать научилась, а в голове одни штампы.

Незнакомец достал фотографию — копию той, что лежала в ее кармане.

— Это вы в детстве, это Соня, а справа — мой отец, — негромко и бесстрастно произнес он. — Меня там нет, потому что именно я вас фотографировал. Нам нужно поговорить. Можете называть меня Ван.

глава 3

Они сидели в маленьком вьетнамском ресторане, расположенном на отшибе Савеловского вокзала, на первом этаже старого жилого дома, между полулегальным общепитием и обувной мастерской. Два небольших зала разделяла традиционная ширма, народу было немного. Маша впервые пробовала вьетнамскую кухню, в прежней жизни вообще крайне редко бывала в ресторанах. Растерянно разглядывала меню, потом положила на выбор Вана. Когда заказ был сделан, Ван некоторое время молчал, потом улыбнулся:

— Теперь вы можете задавать вопросы.

— Не имеет смысла, лучше вы расскажете мне то, что сочтете нужным.

— А потом?

— А потом я решу, как жить дальше со всем этим знанием.

— У нас говорят, что человека в жизни всегда волнуют три «т»: «тиен», «тинь» и «тай». «Тиен» — это деньги или слава, «тинь» — это чувства: любовь и взаимоотношения с людьми и «тай» — это талант или личностные качества человека, его саморазвитие.

— Вы перечислили то, чего у меня нет и не было.

— Это не так. Разве вы не думали о деньгах? О них думает каждый.

— Да, конечно, деньги мне нужны были не для себя, а чтобы вырастить детей, заботиться о близких...

— Неважно, вы думали о первом «т». Разве вы не любили кого-то — вашего мужа, детей, родителей? Это второе «т». Разве вы не пытались использовать свои качества для того, чтобы изменить жизнь к лучшему?

— Пыталась. Только это мне не удалось...

— Почему же? Вы выполнили задачу, которую перед собой однажды поставили — вырастили детей, дали им все, что могли. А теперь вам дается шанс задуматься о третьем «т» — о том, что в вас было заложено, о собственном самосовершенствовании.

— Разве не поздно думать об этом?

— Об этом никогда не поздно задуматься.

— Я не просила о подобных метаморфозах...

Маша запнулась, засомневавшись, что собеседник поймет ее.

Ван улыбнулся:

— Я изучал русский в университете и отлично понял вас. Но заметьте: вы сделали выбор сами. А когда вступаешь на новый путь, окружающее лишь способствует переменам.

— Я не делала никакого выбора!

— Ошибаетесь. Если угодно, я расскажу вам одну легенду...

Маша поморщилась:

— Легенд я сама уже читалась. Пока вполне достаточно национального колорита. — И сама застеснялась своей бестактности.

— Простите, — Ван слегка поклонился.

— За что?

— Я не подумал о том, что вы голодны и, возможно, устали. Давайте спокойно пообедаем, а потом вернемся к серьезному разговору.

Маша склонилась над тарелкой: собеседник преподал ей первый урок, причем в очень вежливой форме. Пожалуй, в новой жизни ей лучше пока молчать и слушать.

Еда оказалась на удивление вкусной, вопреки затрапезной обстановке. Ван заказал десерт и чай, Маша закурила и приготовилась слушать. Он улыбнулся:

— Для долгих разговоров у нас нет времени.

— Мы торопимся?

— Отчасти это будет зависеть от вас.

— Пожалуйста, Ван, перестаньте говорить загадками, как персонаж голливудского фильма с Джеки Чаном. В подобных фильмах всегда присутствует какой-нибудь восточный дедушка.

Ван непроницаемо улыбался, и она продолжила:

— Мы образованные люди, давайте перейдем к фактам. Без мифологии, насколько это возможно. Мое европейское сознание с трудом выносит эти перемены, — ее передернуло, — говоря русским языком, у меня чердак на одном гвозде держится.

— ОК, — Ван развел руками, — пощадим хрупкий европейский менталитет. Впрочем, он не помешал вам в Карелии уничтожить залповым огнем два вертолета противника.

— Какого противника? Я вообще не знаю, кто это был. Они начали стрелять без предупреждения, ранили одного из моих спутников. Они хотели нас убить неизвестно за что! Я должна была им это позволить? Хорошо, что мои нынешние свойства позволяют мне защитить себя и тех, кто рядом.

— Ваши свойства и раньше позволяли вам защитить тех, кто рядом, просто в другой форме: вы заботились о родных, лечили, кормили, учили, не давали в обиду...

— Это другое дело!

— Почему? То же самое. Свойства слегка изменились, но смысл ваших действий остался прежним: защитить тех, кто вам дорог. Два человека, что были с вами в Карелии, — ваши друзья?

Маша задумалась.

— Не знаю, они слишком сильно отличаются от моего прежнего круга. Но они заботились обо мне, кормили, учили, пытались помочь и защитить. Они оба — мои друзья, равно как и их хозяин. В моей нынешней жизни друзей друзей нет.

— Поэтому вы, не задумываясь, встали на их защиту. Ваши новые свойства — поверьте, это некий симбиоз современной биологии, медицины, отчасти генетики, словом, естественных наук и того, что принято называть магией...

Маша поморщилась — в семье технарей подобные разговоры терпеть не могли.

— Мария, мы зачастую называем магией те знания, которым пока не нашлось объяснения в существующих естественных науках. Современный кардиохирург, который ставит расширитель в аорту, выглядел бы магом и чародеем в позапрошлом веке. Обычный косметолог, который несколькими уколами превращает стареющую женщину в молодую красотку, был бы сожжен на костре. Мы просто помогли вам развить те свойства, которые были в вас заложены изначально, ничего не нарушая в вашей генетической базе. Лишь форсировали развитие ваших необычных свойств, которые вы сами никак бы в себе не могли открыть.

— Подумаешь, на шпагат научилась садиться или доски ломать кулаком. Детские игрушки. Расскажите лучше о моих настоящих родителях. Я узнала факты, которые от меня скрывали всю жизнь, и не верю больше никому.

— Не сейчас. У нас действительно мало времени. И много дел.

— Я хочу увидеть своих родных! И убедиться, что у них все в порядке, — твердо сказала Маша.

Ван прищурился:

— Мне незачем вас обманывать. Поверьте на слово: у вашего сына и у вашей дочери все в порядке. Им сказали, что вы в командировке, что ваша фирма открывает региональное отделение и вас отправили туда.

— Они поверили?

— От вашего имени им регулярно приходят короткие письма и эсэмэски.

— Кто меня ищет?

— Я вам расскажу, но не сейчас. Вы согласны с тем, что являетесь объектом преследования?

— Да, но...

— «Но» осталось в прошлой жизни. Вам мало двух сожженных вертолетов? Сейчас, Мария, у вас есть только «да» и «нет». Вы согласны с тем, что появляться рядом с домом дочери или сына опасно?

— Да. Но могу ли я вам верить? Впрочем, у меня нет выбора.

— У вас был выбор, и вы его сделали, — жестко произнес Ван. — В начале сентября.

— Я ничего не выбирала!

— Вы достали меч из воды.

— Ко мне приехала аварийка. Вода хлестала из трубы. Я всего лишь вынимала старые вещи из кладовки. Я не знала, что там...

— Вы — хозяйка меча.

— Почему?

— Потому что вы принадлежите к роду Дракона и являетесь носителем знака Огненной Саламандры. Знака, обозначающего полную власть над огнем и водой. Это воинский знак. Он дает вам древнюю силу и древние знания. Меч хранился в вашем доме, потому что предназначен лично вам. И никому другому.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. По спине пробежал озноб, но Маша научилась контролировать выброс адреналина в кровь: сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, откинулась на спинку деревянного плетеного кресла и махнула рукой:

— Саламандра так Саламандра. Древний род, волшебный меч. Цирк, а в нем кино. Считайте, что я вам верю.

— А если честно?

— Мне все равно. Снявши голову, по волосам не плачут.

Ван жестом попросил счет.

— Тогда едем.

— Куда теперь?

— В аэропорт Шереметьево. Вылет через четыре часа. А вам надо переодеться. — И добавил, улыбаясь: — Необходимые вещи лежат у меня в багажнике. Надеюсь, они вам подойдут.

глава 4

Сайгон разом обрушился на все рецепторы — зно-ем, запахами, цветом неба, людской разноголосицей. Едва они сошли по трапу, Маше показалось, что она ступила в кадр очередного фильма. Слово «Сайгон» отбросило ее в раннее детство: передачи по телевизору, война во Вьетнаме, пионерские митинги, потом классические американские фильмы о войне. От жары или от смены декораций воспоминания тоже были смазанными. Отчетливо видна была мама, склонившаяся над вязанием, и папа, читающий газету: «Машенька, сверхдержavam нужны локальные войны. Иначе им придется воевать друг с другом, а это никому не надо». — «Ты хочешь сказать, что Вьетнаму просто не повез-

ло? — Родители переглядываются, мама ниже опускает голову, папа кивает: — «Да, Вьетнаму просто не повезло...» Мама. Папа. Она почти примирилась с мыслью о том, что ее настоящую мать звали Зоя, но никак не могла соотнести слово «мама» с любой другой женщиной.

Ван почти не разговаривал с ней во время перелета, отделялся светской беседой, потом уткнулся в научный том, а самой Маше неудобно было задавать вопросы. В нынешней жизни ответы на вопросы дают тогда, когда она готова их услышать. Скорость перемещений больше не удивляла ее, лишь географический разброс приводил в ступор.

Ей было некогда разглядывать легендарный город. Их встречал незаметный крепкий человек в черном костюме, Лай, — его профессия угадывалась за версту. Он быстро провел их через зону контроля и усадил в машину. Белый микроавтобус двинулся в сторону предместий, храмы чередовались с современными зданиями, мелькнул знакомый по Москве логотип гипермаркета. Широкие трассы, заполненные бесчисленными велосипедистами, сменялись узенькими улочками, нищими хибарами, свалками, перемежаемыми тропической растительностью. Переизбыток впечатлений давал о себе знать: Маша опять впала в состояние бездумного созерцания. Она научилась отключаться: «Я просто ящерица на камне...» — и смотреть немигающим взором в пространство. Очнулась, когда микроавтобус остановился возле небольшого кафе под высокими пальмами. За ним виднелись домики, начиналась длинная полоса садов, уходившая к горизонту, к покрытым зеленью холмам.

— Пойдемте, Мария, нам нужно перекусить.

Молчаливый Лай жестом предложил подержать чехол, но Маша лишь отрицательно мотнула головой. На время полета меч был сдан в багаж, надежно спрятан в глубине огромной сумки, похожей на специальный чехол для снаряжения серфингиста. И все равно она находилась в напряжении, пока не увидела длинный синий чехол на ленте транспортера. «Иди сюда, чучело...» — пробурчала она радостно. Меч стал для нее совершенно живым существом. Правда, обращалась она к нему по-прежнему фамильярно, понижая градус героизации ниже плитуса. Следовало бы наконец подобрать ему звучное имя, но в голову лезли только детские ассоциации из индейских фильмов с Гойко Митичем: Соколиный Глаз, Белое Перо...

«Пока ты отзываешься на «Чучело», я буду звать тебя Чучелом, а там по жизни разберемся!» — постановила Маша, вытаскивая чехол из груды чужих чемоданов. Отъявленной материалистке и советской тетке с сумками было непонятно загадочное чувство по отношению к неодушевленному предмету: она всегда была равнодушна к материальным объектам. Подумав, нашла компромиссное объяснение: в новой жизни ей нужно было о ком-то заботиться, а кроме меча, других родственников пока не нашлось. Перенос эмоций на неодушевленный объект... Она жестко запретила себе думать пока о детях и внуках — до того момента, когда ЭТО кончится. Вспоминала только братьев — Серегу с Валерой — и Батю, от души желая им здоровья и удачи.

Кафе оказалось маленьким, опрятным, с клетчатыми красно-белыми скатертями на столах. Если бы не пальмы, можно было принять его за закусочную в итальянской или украинской провинции. Мужчины сделали заказ, Маша запрокинула голову, под потолком промелькнуло что-то маленькое. Ящерка. Шмыгнула по стене. Еще одна и еще... Забавно. Одна из ящерок шмякнулась рядом со столовым прибором — свалилась с карниза. Мужчины о чем-то вполголоса разговаривали, потом замолчали и уставились за Машину спину. Она повернулась. Десятки ящерок — мелкие, не длиннее ладони, блеклых расцветок — собрались на стене прямо над их столиком, некоторые шныряли под ногами. Официант растерянно оглядел стену, принес швабру, сметал их на пол, но ящерицы упорно возвращались обратно. Официант разохался, попросил гостей пересечь. Ван что-то сказал Лаю, тот усмехнулся. Через несколько минут ящерики носились в проходе рядом с их столиком. Официант замер, опасаясь наступить на них, Маша почувствовала, как по ноге в открытой сандалиии пробежали невесомые лапки, поджала ноги...

— Они совсем не боятся людей?

— Они не боятся вас, Мария, — ответил Ван.

— Опять восточные загадки и легенды?

— Здесь нет ничего загадочного, они пришли к вам.

— Вы молчите всю дорогу и иногда выдаете сентенции, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть!

— Это очень легко доказать. Скажите, чтобы они уходили.

Маше стало смешно:

— На каком языке? На одном из тех, что я успешно учила на отделении прикладной лингвистики и так же успешно забыла впоследствии?

Ван придвинулся к столу, уперся в него кулаками, поглядел на нее в упор и почти по слогам произнес:

— Вы можете сказать им что угодно. На своем собственном языке. Они поймут вас и сделают то, что вы захотите.

— Откуда вы знаете?

Тогда Лай, сидевший рядом, жестом указал на левое плечо.

Борьба любопытства со здравым смыслом закончилась. Маша махнула рукой и закрыла глаза. Сосредоточилась на изображении саламандры, ощутила легкое покалывание в области татуировки, потом ощутила рядом присутствие множества ящерок — от каждой из них тянулась крохотная светящаяся ниточка. Она представила себе, как нарисованная на теле саламандра вытягивает лапы к этим крохотным движущимся огонькам и собирает их вокруг себя. Огоньки действительно быстро собрались в круг. Тогда Саламандра заставила их замереть, потом пару раз взмахнула лапами, расчищая пространство: огоньки отодвинулись. «Я с вами. Мы в безопасности. Сейчас уходите, я вас позову», — сказала им Огненная Саламандра.

Маша открыла глаза. Ван улыбался. Лай сидел с тем же непроницаемым лицом охранника. Ни одной ящерицы на стенах, под ногами. На столе дымился обед. Официанты перешептывались в проходе, пожилая посудомойка показывала в ее сторону пальцем.

— Европейский менталитет выдержал маленькое испытание?

Маша молча склонилась над супом.

Микроавтобус долго петлял по узкой дороге между садами, потом остановился возле маленькой деревни. Лай вышел первым, оглянулся, подал знак — можно идти. Маша не удивлялась излишней осторожности спутников и тщательно нагнетаемой таинственности: вероятно, они имели на то основания. Пусть охраняют и делают загадочные лица, она учтет любую неприятность раньше.

Навстречу вышла очень пожилая вьетнамка. Поклонилась Лаю, обняла Вана, потом подошла к Маше и долго разглядывала ее снизу вверх. Что-то сказала Вану, тот жестом пригласил Машу войти в дом. Их провели через внутренний дворик, усадили за низкий плетеный

столик, женщина принесла чай, поднос с фруктами и вышла, Лай последовал за ней, Маша и Ван остались вдвоем.

Маша с наслаждением вытянула ноги, скинула легкий хлопковый пиджак, оставшись в майке. В комнату опять вошла старая вьетнамка, легко коснулась ее левого плеча, потом что-то сказала Вану. Тот не успел ничего ответить, а женщина протягивала Маше черно-белое фото: очень молодой и красивый юноша, с азиатским разрезом глаз и европейским овалом лица, прямым коротким носом и по-детски пухлыми губами. Маша глянула на обратную сторону: там выцветшими чернилами было выведено «1963». Она не успела ничего спросить, как женщина протягивала ей другое фото: тот же юноша держит за руку высокую, худенькую светловолосую девушку. «1964» — написано было на обороте. И дальше несколько слов — вьетнамская латиница выцвела, понять ничего было нельзя, кроме одного слова: Zoja. «Ее звали Зоя». Женщина протянула Маше последнюю, третью фотографию: юноша вполборота держит перед объективом крохотную голенькую девочку, на плече у которой видно отчетливое изображение ящерицы и стилизованного языка пламени.

— Мне надо что-то объяснить?

Маша покачала головой. Не было ни слез, ни изумления. «Я ящерица на камне. Я просто смотрю и ничего не чувствую. Меня нет...»

— Эта женщина — сестра вашего деда. Ее зовут Ма. Думаю, мы на время оставим вас. А потом расскажем все, что вы захотите узнать.

Ван вышел, погладив ее по голове, Ма, в свою очередь, тоже легко прикоснулась к ее руке, протянула ей ломтик ананаса... «Скушай, деточка», — это не требует перевода. Дверь за ними захлопнул сквозняк. Она машинально надкусила сочную мякоть. «Скушай, деточка» — прошелестело в памяти. Она совсем маленькая, папа держит ее на руках после вечернего купания, мама протягивает дольку яблока. Незнакомый юноша с азиатскими глазами держит на руках крохотную девочку. Два прошлых перемешались окончательно, мир вокруг шатался и рушился, она стояла на крохотном мостике, с одной стороны виднелось то прошлое, которое жило в ее памяти, с другой — маячили два знакомых силуэта: юноша с черными азиатскими глазами и худенькая светловолосая девушка. Так уже было недавно, но где?.. Она откинулась на спинку плетеного кресла и замерла — неподвижно, как ящерица.

глава 5

Ни одно древнее знание не остается законсервированным. Мои предки были колдунами, знахарями, монахами, впоследствии — учеными. Отец получил медицинское образование, при этом в совершенстве владел акупунктурой, получив эти знания от деда и прадеда. В шестидесятые годы его пригласили в СССР в числе первых вьетнамских врачей, обучавших советских специалистов основам иглорефлексотерапии. Он остался там надолго, читал лекции, вел семинары, консультировал. Его пациентами бывали очень важные персоны.

Однажды отца вызвали к одному из сотрудников аппарата ЦК: требовалось срочно поставить его на ноги после тяжелого инсульта. Как вы знаете, партийные деньги контролировал очень узкий круг людей, его пациент курировал Южно-Азиатский регион. Начиналась война во Вьетнаме. Этот человек владел многими сведениями, наиболее важные хранил исключительно в памяти, не доверяя номера счетов и сложные финансовые схемы ни бумаге, ни близким, ни подчиненным, ни руководителям. Память у него была феноменальная. А после инсульта он забыл очень многое! Мой отец поставил его на ноги, практически сделав невозможное. В закрытую больницу в обстановке строжайшей секретности прибыли представители вьетнамских спецслужб, чтобы напрямую получить информацию, которую вспомнил пациент. Ничего нельзя было записывать, он просто говорил, переводчик переводил, агенты запоминали. Нельзя было ошибиться никому — ни тому, кто вспомнил, ни тому, кто слушал, ни тем более переводчику. Надеюсь, вы догадались, что переводчиком была Соня. Она давно работала с различными делегациями, имела безукоризненную репутацию, переводила литературу — поэзию, исторические сочинения, но не имела допуска к секретным материалам и переговорам. А когда срочно потребовался переводчик, другие оказались в отъезде, именно Соню нашли первой. Случай впоследствии и сыграл решающую роль в вашей судьбе.

Пациент пообещал моему отцу, что поможет ему при любых обстоятельствах. Отец сказал: «Когда будет очень нужно, я попрошу о помощи, и он не откажет. Но я смогу попросить один раз. Пусть эта помощь не понадобится никому из нас!»

Я к тому времени окончил школу в Ханое. Приехал в Москву, чтобы учиться в медицинском институте. Поселился в общежитии, иногда наведываясь к родителям, чтобы отвезти их куда-нибудь: родители купили машину, но сами пользовались ей редко, в основном я возил их на этом «москвиче». Однажды летом отец попросил меня приехать за ним на дачу к своему знакомому. Дача оказалась в закрытом поселке, мои документы много раз проверили при въезде, но пропустили беспрепятственно. Как я понял, они были в гостях у того самого человека из ЦК. «Вероятно, — подумал я, — он пригласил отца и его семью в знак благодарности, это визит вежливости, мое присутствие — тоже знак уважения». Казалось, что это просто светский прием для узкого круга. Была еще одна гостья — Соня, красивая, обаятельная женщина с ярко-зелеными глазами. Мы пили чай, хозяин вел беседу о восточной культуре, поэзии, показывал богатую коллекцию старинных рисунков и восточных миниатюр. И все как будто чего-то ждали. Раздался шум подъезжающей машины, хозяин извинился и вышел вместе с женой. Я спросил отца — быть может, нам пора? Он покачал головой и продолжал беседовать с Соней, мать сидела рядом и вдруг положила ей руку на плечо. Жест был необычен для светского раута, я понял: случится что-то важное. Хозяйка дома позвала Соню в комнату. Появился хозяин, сказал — шашлыки готовы. Мы вышли в сад, где помощники снимали с огня готовое мясо. И тут к нам подошла Соня, ведя за руку маленькую девочку. У девочки был характерный разрез глаз, но при этом абсолютно светлая кожа, пухлые губы и кудрявые пепельные волосы. Соня подвела к нам девочку и сказала: «Познакомьтесь, моя племянница Маша». Хозяин дома протянул мне фотоаппарат. Неслышно подошедшая мать сильно сжала мою руку, я понял, что должен запомнить этот момент. Соня попрощалась и уехала вместе с девочкой на своей машине. А вскоре и мы собрались домой.

По дороге я хотел расспросить родителей, но они оба молчали, — вероятно, опасались прослушки, которая могла быть вмонтирована в салон. А ночью отец предложил мне пройтись немного и вкратце рассказал о просьбе, с которой незадолго до этого к нему обратилась Соня.

Ван замолчал, посмотрел на Машу: продолжать или сделать паузу? Та молча кивнула. Дорога завела их довольно далеко, к самому подножию холма. Зной спадал к закату, солнце едва просвечивало

сквозь темную листву, от земли и придорожных камней веяло жаром. Ван остановился под высоким деревом, присел на траву, жестом указал Маше на плоский белый валун, словно на кресло. Она прислонилась к горячему камню и приготовилась слушать дальше.

— Соня была хорошо знакома с атташе по культуре посольства ДРВ. И устроила так, чтобы ее племянницу-студентку пригласили после первого курса на практику в посольство. Ваш родной отец был сыном помощника атташе по культуре. Зоя Осока и Нгуен Бао Ту познакомились на одном из таких мероприятий, как тогда говорили — по линии культурного обмена. Когда они решили пожениться, в посольстве случился страшный скандал.

— Почему?

— Есть одна сложность. Знаете, атташе по культуре — это почти всегда особый вид деятельности. — Маша кивнула. — А уж помощник атташе по культуре — тем более. Ваш дед был разведчиком высокого ранга, сын должен был унаследовать ту же профессию, его карьера была определена заранее. Ваш отец был полукровкой, это вообще подарок для любой спецслужбы.

— Полукровкой?

— Ваша бабушка по отцовской линии — Натали Вернье: французка из старинной сайгонской семьи, ее отец был известным геологом, действительным членом Французского географического общества, профессором в Сорбонне. Вспомните фотографию отца! С такой внешностью он мог бы жить в любой стране по любой легенде. Связь с советской студенткой была концом карьеры для обоих — и для него, и для вашего деда. Кто-то из посольства написал на вашего деда донос. Коммунистический режим в любой стране расправлялся со своими подчиненными одинаково жестко. Я не знаю, что произошло дальше. Знаю только, что вы родились не в Москве, что рядом оказались ваш отец и его мать, Натали. Но вслед за ними туда нагрянули спецслужбы. Судьба ваших родителей — это отдельная тема. Ребенка — то есть вас — забрали в специальную больницу. Соня пустила в ход многолетние связи; все было бесполезно, ребенок и мать исчезли. Отчаявшись, Соня обратилась к моему отцу, напомнила о той старой истории с секретным переводом и попросила о помощи. Отец обратился к бывшему пациенту и напомнил о данном обещании. Бывший пациент к тому времени вышел на пенсию, мог

бы просто отказаться разговаривать, мог донести, но оказался человеком слова. Обещал помочь — и нашел девочку в специнтернате. Не знаю, каким образом вас вывезли оттуда. Мне довелось вместе с родителями присутствовать при передаче ребенка. Отец спас жизнь и вернул память тому человеку. Тот человек однажды вернул жизнь вам. Теперь я возвращаю вам память и знания, которых вы были лишены. Круг замкнулся. В мире нет ничего случайного. «Каждая снежинка...

— ...садится на отведенное для нее место», — Маша машинально закончила цитату и выбросила недокуренную сигарету. — Не помню только, откуда эта цитата.

— «Хэкинагроку» — «Скрижали лазурной скалы». Это главная книга учения дзэн, автор строк — поэт Сэтте Дзюкен. Он жил в одиннадцатом веке.

— Это была последняя капля в море информации, которая на меня обрушилась. Рекламная пауза.

Ван кивнул:

— Я оставляю вас ненадолго, есть кое-какие дела. Ручей ведет к развалинам старого храма. Там безопасно и тихо, местные жители ходят туда редко, туристов не привозят. Раньше монахи использовали это место для длительных медитаций. Вы сможете отдохнуть некоторое время, а потом Лай вернется за вами и проводит домой. Вам ничто не угрожает. До встречи.

— Вы не рассказали, почему у девочки на фотографии татуировка на плече? — крикнула Маша вслед. Ван ответил через плечо:

— Это другая история. Но вы вовремя задали вопрос...

«Не сходятся концы с концами у тебя, восточный хитрец, — мрачно бормотала Маша себе под ноги. — Вроде все складно, а откуда взялась татуировка у грудного ребенка, не в советском же роддоме мне ее сделали. И куда она потом подевалась? Бабка-француженка, прямо фильм «Индокитай»... И зачем он дважды повторил, что мне ничто не угрожает? Ох не к добру это все. Бедная моя голова...»

Ей страшно хотелось, чтобы это была история про другую девочку, Маша была готова принять в ней самое живое участие, распутывать исторические головоломки, размышлять о причудливом смешении кровей и судеб сколько угодно — только чтобы это не имело к ней прямого отношения! Но это было про нее. Голова шла кругом,

и Маша опять приказала себе не задумываться. «Ты ящерица на камне, ты просто смотришь вокруг и выжидаешь...»

Ручей становился шире, пока не превратился в небольшое озерцо, частично перегороженное примитивной запрудой. И над ним действительно высились полуразрушенные стены монастыря, вернее, то, что осталось от стен. Ступени поросли травой, в зарослях трещали цикады — во Вьетнаме у них были другие голоса, нежели в России или в Крыму, гораздо более громкие и низкие, виолончельные. Тепло пронизывало и камни, и воздух. Маша сняла с плеча чехол с мечом, аккуратно положила его на траву, вошла в воду, замерла на секунду, ушла без плеска вглубь, прижалась ко дну. Прохлада. Покой. На дне стоял полумрак, мелькали личинки, рыбки, она некоторое время бездумно погонялась за живностью, потом расплющилась над каменистым дном, замерла. «Я становлюсь водой, чтобы быть изменчивой как вода. Воду нельзя остановить, ее нельзя удержать. Я становлюсь водой...»

Саламандра впервые почувствовала, что у нее есть третий глаз. Это ощущение невозможно было выразить, но именно третий глаз и уловил движение теней на поверхности. Сознание двоилось, но инстинкт выбросил тело из-под воды, по спине пробежал озноб.

Несколько человек в оранжевых накидках, напоминающих одеяния буддийских монахов, обступили озерцо. Бритые наголо, за плечами мечи, на груди вышито стилизованное изображение молнии, они стояли в расслабленных позах. В сумерках лица показались Маше одинаковыми. Меч лежал у кромки воды, но подойти к нему мешали двое. Мгновенно оценила дистанцию: критическая. Озноб усилился. «Они не враги. Они просто чужие. Я не должна причинить им вред». Саламандра отчаянно посмотрела на меч — без боевых метаморфоз, неподвластных разуму, до него не дотянуться. Если гора не идет к Магомеду... «Чучело! А ну иди сюда!» — беззвучно свистнула мечу, как рассерженная мать непослушному ребенку. Встряхнула кисть, мгновенно распустив огненный гребень и собрав его заново, ощутила в ладони приятную тяжесть металла. На этот раз никто не заметил, как молниеносно она встряхнула ножны. «Оранжевые» только изумленно отшатнулись, когда Маша внезапно оказалась между ними — с мечом, в боевой стойке «братан на стрелке» (поклон Валере...). Стоявший позади пожилой монах сделал едва заметное движение, остальные рас-

ступились. Вероятно, это был старший. «Местный Аполлинарьевич? Тоже Гомера на ночь читает? В подлиннике?» Он поклонился Маше и жестом пригласил следовать за ними. Маша оглянулась — ни Вана, ни Лая, а ведь обещали вернуться за ней. Никому нельзя доверять.

«Ты сама спросила про татуировку. Кто тебя за язык тянул? Теперь и объяснят. Ступай вперед, Огненная Саламандра, тебя ждут. И не спрашивай, зачем...»

Она поклонилась в ответ и пошла за оранжевыми воинами по каменной дорожке — по теплым каменным ступеням, через которые прорастали жесткие колючие стебли, в фиолетовые сумерки, вверх по склону холма, натурально как улитка по склону Фудзи. «Литературные реминисценции в голове мифического земноводного — что бы сказал по этому поводу Пропх?»

глава 6

Как же есть хочется ...» Много лет ей не доводилось просыпаться от голода. Здешняя «пожарная команда» может питаться любыми сушеными кузнечиками и прочей духоподъемной пищей, а ее европейский менталитет несколько дней жаждал жареного мяса. «Пожарниками» Маша окрестила «оранжевых» за эмблему — разящую молнию. Не исключено, что СС использовали именно эту символику: тоталитарные режимы не чужды мистики. Тайный орден, древние знания... Маша ничего не могла с собой поделаться: на русскую — а вернее, советскую — женщину трудно произвести впечатление какой бы то ни было символикой. А уж потрясти душу редактора рекламного агентства логотипом — и вовсе нереально.

«Напугали ежа голым задом, — бормотала Маша, умываясь в ручье, — нацепили оранжевых тряпок и строят из себя невесть что. Если мне сейчас не дадут нормальный завтрак, порву всех в клочья, без всякой субординации. Надоели восточные иносказания, ни слова в простоте, лучше бы накормили по-человечески. Скоро буду в ручье пропитание добывать. Речь людскую забуду, перепонки на лапах отращу, Борхес отдыхает. Вану должно быть стыдно: сдал меня в секту и свалил. С виду интеллигентный человек, в аэропорту со мной про Фолкнера разговаривал... Господи, как же есть хочется».

Ее не покидало детское ощущение пионерлагеря, хотя все было очень всерьез: ритуалы, которым она тупо пыталась следовать, совместная молчаливая трапеза, бесконечные тренировки — с мечом, палками разной длины, трезубцами, с простой веревкой, к которой привязан невидимый металлический грузик типа якоря: любые предметы в руках оранжевых воинов становились опасными. Маша на удивление легко запоминала и повторяла движения, ей достаточно было сказать себе: «Я — ящерица на камне, я просто смотрю».

Двое «оранжевых» сопровождали ее неотрывно в Школе воинов Индры. Собственно, о самой школе ей поведал старший — тот самый «местный Аполлинарьевич», Зыонг. Старик читал в подлиннике не Гомера, а Лао Цзы. Объяснялся он с Машей на хромом французском, понять который было достаточно сложно из-за специфического акцента. Когда начинал говорить об умном, переходил на еще более хромой английский. От Маши требовалось по большей части слушать — она и слушала. Да и выбора у нее не было. «Спортшкола строгого режима. Рекламный тур для душевнобольных со скидкой. Special offert...»

Маша, конечно, не могла нарадоваться на собственное тело, которое с каждым днем становилось более послушным и сильным, подобной легкости она не ощущала и в молодости. Но скудная еда из риса и овощей, травяное пойло вместо чая навевали тоску. Подумала: а не ударить ли прямо сейчас, не дожидаясь экзамена? Но сама себе ответила магической формулой: «Как-то неудобно...»

Скучала по своим первым учителям, Валерке и Сереге: два молчаливых монаха в оранжевых накидках занимались с ней, сохраняя абсолютно бесстрастные лица. В дальней части разрушенного храмового комплекса была оборудована площадка для тренировок: вбитые в землю бревна разной длины, по которым надо было быстро перескакивать и уворачиваться от ударов, макивары — деревянные доски, обмотанные грубой веревкой, на которых отрабатывались удары. «Двое из ларца — одинаковы с лица» жестами поправляли ее, показывали ошибки, молча бросали на траву и понимали, молча наносили удары и подставлялись под удары сами. «Верн симпл... ап-даун...» — этим исчерпывались объяснения, которые ей доводилось слышать от своих учителей. Встал-упал-отжался... Верн симпл... ап-даун... Сейчас бы бандану камуфляж-

ную повязать, пару часов покидать Валеру и Серегу на маты в подвале, а потом самозабвенно валяться на диване и смотреть боевик с Сигалом. «Ностальгия замучила? По тихому логову отставного бандита? Где теперь твой дом? Займись делом. Ты сейчас кто? Неизвестно кто. А будешь хорошо учиться — станешь таким же оранжевым пугалом. Вот и учись...» — мрачно командовала она себе.

Маше на удивление легко давалась работа с предметами — сказывались Валеркины уроки: и трезубцы, и палки сами летали у нее в руках, два оранжевых истукана одобрительно кивали. «Вы попробуйте одновременно готовить, убирать, проверять уроки, ухаживать за каким-нибудь лежачим больным. Да еще халтуру по ночам делать, потому что от больного не отойдешь. Подумаешь, путь воина — палками махать...» — злобно шипела Маша, наворачивая осточертевший рис с овощами.

Слава богу, ей разрешили оставить сигареты: при попытке отобрать пачку Маша схватилась за меч столь решительно, что Наставник Зыонг махнул рукой. Сказать по правде, курить особо не хотелось: физическая нагрузка была столь интенсивной, что долгожданную сигарету она позволяла себе только после ужина. К счастью, никто ей не читал лекции о вреде курения: мешал языковой барьер. К ней никто никак не относился — ее просто учили.

Маша не могла принимать занятия всерьез, для нее это была скорее новая серия фильма. Люди, способные верить, что умение владеть деревянным копьём спасет мир, вызывали у нее иронию и раздражение. Эту иронию заметил Зыонг, беседуя с ней на четвертый день пребывания в школе. Он пытался донести до гостьи глубокий философский смысл обучения древним премудростям. Маша решила не стесняться и высказаться. В конце концов, выгонят ее отсюда — и слава богу. Тем более жрать охота — сил никаких.

— Ты согласна с тем, что идешь по новому пути? — «Ну вот, опять беседы в духе голливудского Шаолиня... да на голодный желудок...»

— Да. Но не я его выбирала.

Маше было сложно разговаривать по-французски, да и наставник не говорил, а вещал. Поэтому она отвечала медленно, кратко и помимо своей воли — афористично. «Беня говорил редко, но говорил смачно...» Беседа приобретала эпический характер, как в кино, где Наставник задавал лаконичные вопросы, а какой-нибудь молодой Чак

Норрис давал не менее лаконичные ответы. А дело-то было в скудном словарном запасе обеих сторон.

— Пока я воспринимаю это как игру.

— Ты согласилась в ней участвовать.

Маша усмехнулась: «Игра в бисер».

— Да. Согласилась.

— Ради чего?

— Я узнала о себе столько нового, могу научиться еще чему-нибудь.

— Ни одно новое знание не бывает лишним. Нашей школе воинов Индры почти четыре тысячи лет. Монахи, создавшие Школу ночных разведчиков, жили на границе с Китаем. Мы использовали лучшее, что существует в мире боевых искусств. Не думай, что мои ученики тренируют только тело. Мускулатурой никого не удивишь. Тем более когда есть «Фотошоп»... — он вдруг перешел на английский, Маше показалось, что акцент на мгновение исчез, — но только на одно мгновение.

Зыонг заметил ее реакцию, сделал паузу, потом заговорил опять:

— После Второй мировой войны во Вьетнаме начался революционный террор: астрология, религия, боевые искусства, народная медицина оказались под запретом. Многие школы закрывались или вели тайное обучение. Это продолжалось и в период разделения страны, многие школы существовали тайно, знания передавались от отца к сыну, от учителя к ученику. Но спецслужбы использовали для подготовки именно эти методы. В нашем стиле шестнадцать ступеней. На первой учатся делать массаж и владеть копьем, длинным мечом и ножом, сдают экзамены по восточной философии (теории инь-ян, пяти стихий, медитации) и применению трав. На более высоких ступенях овладевают саблей, учатся пользоваться трубками с отравленными стрелами, стрельбе из лука, верховой езде, точечному массажу. На высших ступенях мы изучаем древние техники змеи, дракона, обезьяны, тигра, медведя.

Маша сдерживала зевету, как Д'Артаньян при чтении стихов.

— Для тебя это экзотика, но мои ученики повторяют движения и приемы, которые повторяли многие поколения на протяжении четырех тысяч лет. Лай не зря тебя сюда привел.

— Меня привел сюда Ван.

— Ван тебя нашел. Лай привел. Это один из моих лучших учеников. Он рассказал о тебе. О твоих возможностях. О том, из какого ты рода.

— Я сама ничего о себе не знаю!

Старый вьетнамец хлопнул в ладоши. Вошли двое, держа в руках меч Саламандры. Зыонг жестом показал: бери меч, атакуй.

— И не подумая! — рывкнула Маша по-русски. Развела руками: мол, бабушка, вы в своем уме?

Старик настаивал:

— Покажи все, что ты умеешь.

Маше стало смешно. Она решила повторить трюк, который впервые выполнила на берегу ручья: вытянула руку, закрыла на секунду глаза, сформулировала приказ, чтобы заставить меч оказаться в ладони. Открыла глаза от прикосновения — старик держал у ее горла маленький, остро заточенный кинжал.

— Слишком долго. Game over... — без малейшего акцента произнес он.

— Я вас не боюсь. Мои необычные качества проявляются только в момент реальной опасности, просто так я ничего не могу сделать.

— Ты должна научиться владеть телом без всякой магии, а потом добавить огненную силу. Понятно?

— Я стараюсь... Меня учат эти двое.

— Упрямая женщина! Ты просто машешь руками и ногами... — он усмехнулся, — и довольно ловко обращаешься с предметами. Но ты не учишься главному — управлять огненной силой, знак которой нарисован на твоём плече. Лай привел тебя именно для этого. Как я научу тебя, если ты не хочешь?

— Почему я должна этому учиться? Это мужская работа. Я выполнила свою женскую работу, вырастила двух детей. Оставьте меня в покое. Нарисуйте любой знак на плече вашего лучшего ученика, и пусть он воюет с кем угодно!

— Ты не так глупа и почти угадала. Мой лучший ученик — Нгуен Бао Хунг — был из рода Дракона. На его плече было похожее пятно, знак Саламандры. Он был настоящим воином Индры. Его сын тоже был в детстве моим учеником и подавал большие надежды. Но знак Саламандры наиболее полно проявляет свою силу именно в жен-

ском воплощении. Женская сущность придает ему дополнительную силу — только женщина, имеющая на теле такой знак, может стать Огненной Саламандрой. Огненная Саламандра имеет абсолютную власть над огнем, может выжить в любой воде и способна овладеть любым оружием.

— При чем тут я?

— Разве я не сказал? Сына моего лучшего ученика звали Нгуен Бао Ту...

Маша вздрогнула: она уже слышала это имя.

— Да, верно: он был твоим отцом. А твоя мать от рождения обладала огненной силой. Ты — наследница древнего рода Саламандры, продолжателя рода Дракона, ты наследница огненной силы твоей матери, сила всех поколений теперь принадлежит тебе. Равно как и меч.

Перед глазами возникла недавно увиденная фотография: грудная голенькая девочка с татуировкой на плече.

— Знак у меня недавно.

— Татуировку можно убрать, можно сделать заново. Суть не меняется. Знак остается. — Зыонг пристально посмотрел на нее и вздохнул: — Мне придется кое-что объяснить тебе. Может, тогда ты отнесешься к делу серьезнее? — и жестом отпустил «оранжевых». Заварил чай, присел на циновку. — Вечернее занятие придется пропустить...

глава 7

Ты наверняка смотрела голливудские фильмы про монастырь Шаолинь? — Маша сдерживалась из последних сил. — В эпоху династии Цин даосизм и буддизм запрещались, так же как и боевые искусства, и духовные практики. Монастыри были оплотом духовного сопротивления. Как и при социализме... — Он улыбнулся. — Нет ничего нового. В 1720 году правитель Цин решил уничтожить несколько монастырей, Шаолинь в том числе. После разгрома Шаолиня в живых осталось пять монахов. Одна монахиня создала новый стиль, соединила технику змеи и журавля... Перестань зевать, женщина! Я рассказываю тебе это для того, чтобы ты поняла, зачем попала в Школу воинов Индры. Наверно, тебя не просто подобрали на улице и привели сюда за руку!

Наверно, у нас были для этого основания. Сделай одолжение: выслушай меня внимательно...

«Д'Артаньян перестал грызть ногти и принялся за пальцы». Маша взяла себя в руки. Села в позу лотоса, выпрямила спину — воплощенное послушание и смирение. Show must go one.

— Монахиня взяла в ученицы девушку по имени Нием Винь Чун, что значит «Вечная Весна». Девушка убежала из дому, не желая выходить замуж по воле отца. Монахиня из Шаолиня обучила ее своему искусству. После смерти монахини Винь Чун создала собственный стиль — тебе наверняка известно это название: «винь чун.» Позднее он получил название «королевский стиль». Ему обучались избранные. В числе наиболее талантливых учеников и последователей стиля был знаменитый лекарь Лыонг Тан. В его роду были воины и знаменитые врачи. Он достиг столь высокого уровня владения техникой, что был удостоен звания короля винь чун. Знания были переданы двум его сыновьям и двум ученикам, которых он назвал приемными сыновьями. Он вручил каждому по мечу, которые якобы выковал из магического сплава, содержащего кровь Дракона. Один из его потомков — знаменитый врач и ученый Ле Ван Конг, — Зыонг сделал паузу, — дед знакомого тебе Вана. Его сын Ле Ван Зуи — отец Вана — тоже был известным врачом. Ван — тоже ученый, микробиолог с мировым именем. Это ближе к действительности, правда? Имена тебе знакомы? Но это только половина истории.

— Мой меч принадлежал одному из них? Как он мог попасть в Россию? И почему ко мне?

— Ты нетерпелива, как все женщины, — Зыонг не спеша отхлебнул чай, — впрочем, женщины соображают быстрее мужчин, отсюда и разговоры об их нетерпеливости. Один из четырех приемных сыновей великого мастера — Юэн Чай Ван — был выдающимся воином. Он застал падение династии Цин в 1912 году, видел и гражданские войны, и репрессии; стал разведчиком у Чан Кайши, провел много лет на Дальнем Востоке. Бывший разведчик опасался оставаться на родине. В 1926 году под чужим именем он переехал во Вьетнам и принес сюда «стиль королей». У него не было своих детей, но были любимые ученики и приемные сыновья, один из них — отец Лая. А другой ученик и приемный сын — Нгуен Бао Хунг. Ты запомнила это имя? Нелегко для европейского уха, но придется: это имя твоего

деда. Когда учителя не стало, отец Лая и твой дед искали свой путь и пришли в наш монастырь. Они стали настоящими воинами Индры. Их сыновья тоже начинали свое обучение в этом разрушенном монастыре. Потом твой дед уехал в СССР вместе с семьей. Лай остался здесь. У него другой путь.

— Мой дед и отец Лая были учениками великого мастера винь чун и воинами Индры? И Ван — тоже потомок великого мастера? Просто он выбрал карьеру ученого?

— Да, но он продолжает оставаться воином. Одно не мешает другому.

— Это замечательно и очень интересно, — сказала Маша, теряя терпение, — мне осталось только понять свое место в этой длинной исторической цепи. И свою функцию. Как попал ко мне меч и зачем?

— Юэн Чай Ван под разными именами объехал весь Индокитай. Бывал в самых труднодоступных и уединенных поселениях и монастырях, где люди пытались сохранить свои святыни перед угрозой разрушения. Гражданские войны уничтожают все, если вовремя не спрятать... и не только древние святыни, но и знания, которые могут быть опасными. Он рассказывал легенду о волшебном мече. Я думаю, что сплав из крови Дракона — всего лишь пиар, как теперь говорят... — Его акцент на мгновение снова исчез. — Легенды — стимул для учеников. Почему нет? Я тоже рассказываю тебе легенды, чтобы у тебя был стимул учиться... — Старик ухмыльнулся. — По легенде, таких мечей было четыре. Два меча хранятся в музеях, третий оказался в секретной лаборатории в Китае, где в результате опытов расплавился и исчез. Четвертый меч считался утраченным. Его искали с начала века. Юэн Чай Ван не рассказывал о том, откуда взял меч, он говорил о том, как расстался с ним. — Зыонг прищурился. — В 30-е годы Юэн Чай Ван работал на Дальнем Востоке. Получил очень важную информацию, которая стала причиной гибели того, кто эту информацию предоставил. Сам оказался в опасности. Некий разведчик из СССР выручил его. Юэн Чай Ван отдал ему свой меч в знак благодарности и поделился информацией, которую опасался хранить у себя. Во сне ему явилась монахиня из Шаолиня и сказала: «Не надо горевать об утрате меча. Знания приходят к людям вовремя, не раньше и не позже. Меч найдет своего хозяина. Это будет женщина — Огненная Са-

ламандра, и она спасет Вьетнам». Через много лет он рассказал эту историю своему ученику и приемному сыну — твоему деду. Твой дед показал учителю пятно на лопатке и признался, что принадлежит к древнему роду Саламандры. Учитель ответил: «Ничто не бывает случайно. Значит, именно в твоём роду появится женщина — Огненная Саламандра». Прошло время. Твой дед женился на француженке Натали Вернье. У них родился сын — Нгуен Бао Ту. Твой дед выбрал карьеру дипломата и приехал в СССР.

— Вы сказали, что меч попал к русскому разведчику? Я знаю, что было дальше: на родине его расстреляли как шпиона Чан Кайши. У разведчика была семья — жена и дочь. Родные после его гибели надёжно спрятали меч. Его дочь выросла и стала переводчицей. Так?

Зыонг одобритительно кивнул:

— Верно. Это твоя тетушка. На одном из приемов во вьетнамском посольстве она познакомилась с француженкой Натали Вернье. В разговоре упомянула о мече. Оказалось, что именно такую историю слышала Натали от своего мужа. Вскоре Нгуен Бао Ту приехал к отцу на каникулы и встретил там девушку по имени Зоя, обладавшую необыкновенными способностями и магической огненной силой. Они полюбили друг друга. Твой дед и его жена Натали приняли выбор сына как знак судьбы, более того — они рассказали молодым семейную легенду о мече и Огненной Саламандре. Но если тайну знает один человек — ее непременно узнают спецслужбы, такова их работа. Тогда шла война с американцами. Войны больших держав на чужой территории всегда преследуют стратегические интересы. Вероятно, арест твоего деда был связан не только с семейной легендой о волшебном мече. Скорее, его подозревали в двойной игре. Твои родители не смогли пожениться. Натали нашла твою русскую бабушку, вдвоем они увезли Зою из Москвы, присутствовали при родах. Увидели девочку, рожденную со знаком Огненной Саламандры. Натали Вернье сказала русской бабушке: ей надо сделать татуировку, чтобы вся сила рода хранила ее... Твоя мать — Зоя — обладала великой силой. Ей не успели передать меч, иначе она защитила бы тебя. Твой дед был выслан на родину и арестован, Натали могла уехать во Францию, но разделила судьбу мужа. Больше о них никто не слышал. О том, что было дальше, ты, наверно, узнала сама.

— Я знаю очень немного. Знаю, что мою мать забрали спецслужбы. Что она действительно могла одним движением руки сжечь здание тюрьмы. — Маша запнулась, пытаясь перевести на английский «следственный изолятор». — Она хорошо знала язык. Наверно, ее уникальные способности использовали во время войны с американцами. Погибла она здесь. Отец Вана помог дедушке с бабушкой найти меня. Они воспитали меня как родную дочь. Я ничего не знала до недавнего времени.

— Мне приходилось учить в нашей школе разных людей, я никогда ни о чем не расспрашивал, но до меня доходили разные слухи. Однажды ночью в монастырь прибежал твой отец — Нгуен Бао Ту. Он был весь в крови. Я не сразу узнал его. Он казался безумным. Потом успокоился и рассказал: его арестовали за связь с иностранкой и разглашение государственных секретов. Но не расстреляли, а решили использовать. Спецслужбы заставили его выполнять самые опасные и кровавые задания во время войны. Обещали, что если он искупит свою вину перед родиной — ему вернут дочь. Он выполнил последнее задание и пришел советоваться со мной: вернуться или бежать? Была возможность уйти через горы, у монахов есть много тайных троп. Я советовал ему бежать, убеждал, что ни одна секретная служба никогда не выполняет своих обещаний, что его просто используют и убьют. А если он сбежит — будет шанс увидеть дочь. Нгуен Бао Ту не слышал меня. Он твердил: «Я дал слово и должен вернуться». И исчез. Это была наша последняя встреча. Спецслужбы везде одинаковы. Думаю, что твоей матери обещали то же самое. Твоя мать была уникальным секретным оружием, кто бы отпустил ее на свободу...

«Хрупкая светловолосая девочка, учившаяся в художественной школе и побеждавшая на соревнованиях по плаванию, — моя мать. Она была секретным оружием? Не задумываться. Я — ящерица на камне...»

— Какова роль Вана? Почему он нашел меня только сейчас?

— Он большой ученый. Много лет работал над секретными проектами здесь, во Вьетнаме, только в последние годы стал ездить за рубеж. Работал в международном исследовательском центре в России. Твоя мать тоже некоторое время являлась объектом закрытых экспериментов. Ее огненную силу изучали, прежде чем использовать.

Вану удалось получить в архиве результаты исследований. Он нашел и твои следы. Отчасти помог случай... Ван хотел сам рассказать тебе правду, но, к сожалению, все случилось иначе. Людям, которые приходили к тебе домой, нужен был дом, тайник и сам меч.

— Только меч? Или еще что-то?

— Думаю, их интересовало еще что-то, кроме меча. Информация, которую Юэн Чай Ван передал русскому разведчику, считалась необычайно ценной в стратегическом плане. Считалось, что она хранится вместе с мечом. Возможно, у тебя дома остались старые документы?

— У меня дома нет ничего, представляющего общечеловеческую ценность, — быстро ответила Маша.

Зыонг прищурился.

— Они не знали, кто ты, поэтому не боялись встречи. Ван успел забрать тебя в клинику, использовал современные и древние знания, чтобы усилить и развить то, что в тебе было и так заложено от рождения.

— Так я подопытное животное?

— Ты — Огненная Саламандра.

— Больше не могу. — Маша встала и поклонилась. — Мне плохо, я ничего не воспринимаю. Мои предки по отцовской линии были воинами и великими мастерами боевых искусств. Моя мать была радиационным мутантом и обладала огневой мощью, сравнимой с напалмом. Я наследовала необыкновенные качества родителей, но выросла в обычной семье среди любящих родителей, была обычной женщиной и не подозревала ни о чем, пока не нашла дома волшебный меч, за которым почему-то охотятся вооруженные люди. Я носитель важнейшей стратегической информации, о которой не имею ни малейшего представления. Ван и его коллеги забрали меня в секретную клинику, где я превратилась в универсального солдата. Теперь осталось научиться драться деревянными палками — и я спасу мир. Неважно от чего. И мне позавидует сам Брюс Уиллис. Это бред. Отпустите, я хочу есть и спать. И не хочу ничего видеть и слышать.

Зыонг вздохнул.

— Отдыхай. Врядли ты поняла хотя бы половину, а запомнила и того меньше. Но я должен был это рассказать. Кто знает, представится ли другая возможность? Иди, женщина. Скоро в школе экзамен. Мои

ученики долго готовились к нему. Ты здесь недавно, но я хочу, чтобы ты прошла испытания вместе с ними. Готовься.

— Вы хотите, чтобы я взяла в руки трубку с отравленными стрелами? Или лук? Или рассказала вам о теории пяти стихий? Посмотрите на меня: что я могу знать об инь и ян?

— У тебя есть несколько дней, чтобы подготовиться. День посвящай тренировкам, а вечер — медитациям. Европейцам это сложно, но в тебе течет кровь нашего древнего рода, возможно, ты чему-то научишься. Если возникнут вопросы — я попробую на них ответить. В храме хранятся старые книги по истории и культуре, которые могут быть тебе полезными. Ты ведь читаешь по-французски?

— Но это буддийский храм?

— Во Вьетнаме много религий, они тесно связаны с древними мифами. Мы не отвергаем ни легенд, ни древних верований. Одно дополняет другое. Ты найдешь здесь то, что захочешь найти. И учись владеть своим мечом. Изучай его. Стань хозяйкой его тайн и возможностей. У тебя много дел и мало времени, не трать его напрасно. ОК? — Так нелепо звучало это завершающее «ОК», что Маша еле удержалась от смеха.

— Я не понимаю, чего вы от меня ждете.

— Не задумывайся. Слишком много сложных знаний. Делай то, что можешь.

Давненько не готовилась она ни к каким экзаменам. «Давненько не брал я в руки шашек...»

глава 8

Двое из ларца — одинаковы с лица» спросили жемчужинами, не хочет ли она еще позаниматься с ними. Маша махнула рукой: отвалите. После заката она была предоставлена самой себе. Проводила вечера в полуразрушенном храме, вдыхая душно-ватые запахи ароматических свечей, бездумно глядела, как бритоголовые монахи неспешно бродят вокруг изваяния Будды, подметают двор, ведут вполголоса беседы.

Никто из них не говорил на европейских языках, попытки вступить в контакт оказались тщетными: все приветливо кивали и равнодушно шли мимо. На этом фоне даже двое «оранжевых» выделялись почти своими. По крайней мере, они искренне радовались ее маленьким

успехам. Но она по-прежнему чувствовала себя чужой в Школе воинов Индры. К счастью, нынешняя Мария Ким не слишком переживала о том, как на нее смотрят окружающие. Мария Ким все узнавала постепенно. Пыталась освоить новый вид деятельности — созерцание, недоступное замороженной советской женщине. Созерцание удавалось плохо, но Маша честно старалась.

Она присела на теплые ступени. Молчаливый монах вытащил стопку потрепанных книг и раскладывал их на камнях, смахивая пыль пушистой кисточкой. Маша жестом попросила у него вторую кисть и начала вытряхивать пыль и мелкий мусор — засохшие тельца насекомых, лепестки цветов. Монах принес пару свечей и неслышно ушел. Перед ней оказался старый сборник статей, в которых исторические подробности перемежались легендами. Большинство статей было написано по-французски. «Ничего не бывает зря». Пригодится второй язык из одиннадцати забытых. В мерцающем свете пролистывала пожелтевшие страницы. Часть легенд была ей знакома. Глаз выхватывал из убористого подслеповатого шрифта выражения: племя джарай... легенда о священном мече, который охраняет король огня...

Исследователи давно знали о существовании народа джарай в лесах на границе Вьетнама с Камбоджей и о правителях, считавшихся властителями стихий; они получили названия «король огня» и «король воды». По некоторым поверьям, эти короли жили в знаменитых чамских башнях — памятниках, оставшихся от королевства Чампа. По мнению других исследователей, скромные жилища королей были скрыты в глухих лесах. Мистические короли жили среди своих подданных, как простые смертные, трудились в поле наравне с остальными, должны были обладать отменным здоровьем и иметь здоровых детей. Они участвовали в обрядах вызывания дождя, просили хорошего урожая, молились об исцелении больных соплеменников. Ни благ, ни податей — один повседневный труд и сплошные обязательства, причем не только перед теми, кто рядом, но и перед тем, что неизмеримо выше и сильнее. Они были обычными людьми, которых высшие силы наделили особой ответственностью за жизнь и благополучие своих народов. Именно у них хранились священные атрибуты мистической власти: меч — у короля огня и священный ротанг — у короля воды, Они умирали, новых наследников выбирали по женской линии. Их власть была не столько светской, сколько

духовной, магической. Короли Лаоса и Камбоджи — официальные монархи — передавали им послания и дары раз в три года, взамен получая талисманы особой силы. Обмен дарами с королем Камбоджи происходил возле монастыря Самбок, на холме, который считали обителью священного меча. Там устраивались праздники, обряды частично сохранились и поныне. Всякое сообщение между королем Камбоджи и королями огня и воды было прервано в 1859 году, когда цивилизация наступала на живописно-загадочный Индокитай.

Нашла там же разные варианты мифа о священном мече. Меч обладал наивысшей мощью и был не только символом безопасности государства: лезвие символизировало огонь, ножны — воду. В камбоджийском варианте было два волшебных меча. Один был отдан лаотьянцам, его ножны — тайцам (сиамцам). Другой был передан кхмерам, его ножны — горцам Камбоджи. По легенде Южного Вьетнама, ножны меча хранились в Камбодже, рукоять — в Сиаме, клинок — во Вьетнаме. До конца девятнадцатого века раз в год в Камбодже проводились ритуалы со священным мечом. При французах следы его потерялись. В одном из очерков было сказано, что в 1904 году мирные джарай убили французского разведчика-исследователя, который пробрался в резиденцию короля огня, чтобы похитить священный меч. Значит, и король огня, и его меч существовали даже в начале XX века?

С тех пор как связи между светской и мистической монархиями были прерваны, никто и не знал толком, где эти короли. По-прежнему ли где-то в затаенных поселениях на границе с Камбоджей живут молчаливые монархи-землепашцы, наделенные высшей мифической властью? Или давно истлели их кости и исчезли священные атрибуты огня и воды — меч и ротанг? А вдруг странный кривой обрубок дерева, лежащий в чехле, действительно священный ротанг? Могли ли оказаться в руках ее предков святыни королей огня и воды, которые должны были храниться порознь? Только в одном случае: если они породнились между собой, предчувствуя наступление чуждого мира. И что означают надписи на ротанге?

— Ты нашла что-то интересное? — Тихо подошедший Зыонг положил руку на ее левое плечо.

— Скажи, могли ли мои предки иметь отношение к этим двум королевским семьям огня и воды?

— Объединить силу огня и воды — значит дать неограниченные возможности тому, кто завладеет мечом. Такой меч не должен попасть в случайные руки. Им должен обладать потомок древнего рода. Могли ли короли сохранить святыни в каком-то одном месте? Возможно. Вероятно, таким местом мог быть уединенный монастырь, где умели уважать чужие тайны. Кто теперь ответит?.. Знак Огненной Саламандры — знак власти над огнем и водой. Понимай это как хочешь. По преданию, твой род — род Саламандры — является одной из ветвей рода Дракона. Ты знаешь, какое место в наших легендах занимает Дракон?

Маша вспомнила одну из статей и цитату из нее:

— «Государь дракон Лак». От него пошел род вьетов. И я помню, что меч вашего героя Ле Лоя после победы превратился в дракона и исчез в озере.

— Туонг — лу-онг, — пробормотал Зыонг, — дракон — покровитель вод... Огненная Саламандра — это не более чем мифическое животное. Не надо придавать легендам слишком большое значение, мы живем в двадцать первом веке. На сегодня с тебя довольно информации.

— Один вопрос: что могут означать эти иероглифы? — Маша достала из чехла так называемый ротанг.

— Откуда у тебя этот предмет?

— Он хранился вместе с мечом.

Зыонг вытащил из своих голливудских одеяний очки — кстати, оправка была весьма современной. Повертел ротанг, чуть ли не куснул его и уткнулся в надпись. Долго прищуривался, отодвигал деревяшку, приближал к носу, потом проворчал:

— «Ты ном».

— Что?

— Древняя письменность. Народное письмо, сформировалось в XIII — IV веках. Основано на китайских иероглифах, существует три разновидности, для трех разных этнических групп: вьетов, тэй и зао. Это «ном вьет», если мне не изменяет память. Сначала ее использовали для примитивных текстов, позже стали создавать литературные произведения. А в XVII веке европейец де Род создал современную латиницу, которую используют поныне.

— Что означает эта надпись?

— Я не специалист. Я владею китайским языком. Но не в совершенстве, а лишь настолько, чтобы перед сном прочесть пару сти-

хотворений. В Ханойском университете работает один профессор, единственный в мире специалист по «ты ты ном», можно проконсультроваться с ним... при случае. Однако я рад, что тебе интересна наша история и ты не впустую проводишь вечерние часы. Уже поздно, отнеси книги обратно. — И хитрый старикан удалился.

Помесь завуча со звездочетом! Ни слова в простоте! Его акцент временами почти исчезал, а временами он как будто нарочно коверкал слова. «Восток — дело тонкое...» — резюмировала Маша. Главное — не заигрывать в цветистую азиатскую фразеологию. Она отнесла книги в храм. Подумав, вернулась к себе, захватила меч и побрела на верхушку холма.

На крутом обрыве сохранились остатки стены, защищавшей уединенный монастырь. Во Вьетнаме ночь наступала сразу, лесистая равнина в темноте колыхалась и напоминала море, только пахла иначе. Она легла на теплую траву, слушала органнй строй бесчисленных цикад, не мигая разглядывала небо. Такого количества звезд ей не доводилось видеть никогда. Мысленно перелистывала «Атлас Улугбека» с гравюрами неземной красоты, который ей в детстве подарил папа. Вспоминала названия созвездий Южного полушария и, что удивительно, — находила их, ушла глубоко в воспоминания о тех, кого продолжала считать отцом и матерью. И не стала думать дальше. Ни о знаменитых воинах. Ни о волшебном мече. Ни о сыне разведчика и француженки. Ни о худенькой светловолосой девушке по имени Зоя. Ее собственные взрослые дети старше, чем те неведомые мама с папой. Неважно, как и почему она попала сюда — важно знать зачем. «Не задумывайся. Ты все узнаешь, когда придет время. Делай то, что от тебя требуется сейчас...»

Маша не была религиозной — слишком атеистическим было воспитание и сам научно-технический круг, в котором она выросла. Повальное бегство своих ровесников в лоно православной церкви в смутные годы тоже восприняла без энтузиазма. Всегда говорила, что с Богом у нее свои отношения: он ее слышит, если она просит о чем-то хорошем, и не дает сделать очевидную глупость. А о большем и просить нечего. Теперь же столкновение с абсолютно чужим миром и чужой культурой, с грозными архаическими призраками привело ее в замешательство: и рада бы не дочитать книгу, да ведь книга отчасти и про нее! Вот меч. Никто не скажет, из чего

он на самом деле сделан и для чего попал ей в руки, известно лишь то, что предназначен меч почему-то лично ей. Если следовать легендам, очевидно, что волшебный меч должен иметь особенное имя. А она обращается к нему весьма непочтительно — «чучело», и только в минуты крайней опасности. «Как вы судно назовете, так оно и поплывет...» Да и сама она теперь не просто Маша: ее незамысловатая душа — верхний слой, под которым дрожит темная неведомая магма...

Голова снова разболелась. Воистину разум отторгал любую попытку анализировать ее нынешнюю двойственную природу. Пребывание в монастыре научило Машу простому способу избавления от любых мыслей: надо встать и начать делать упражнения. От тяжелых раздумий ее и раньше спасало примитивное мытье полов: два часа со шваброй — и никакой депрессии. Чем активнее двигаешься и чем больше у тебя заняты руки, тем меньше времени остается на бессмысленный внутренний диалог. «Хватит думать, трясти надо...» Днем она разучивала серию нехитрых упражнений с деревянным оружием. Сейчас решила повторить те же движения со своим мечом.

— Давай-ка, чучело, займемся делом...

То ли за несколько дней ей удалось закачать мышцы предплечья, то ли левая рука окончательно привыкла к доминирующей роли — меч показался гораздо легче, чем обычно. Раньше он никогда не пел в ее руках, а сейчас впервые издал легкий свист, рассекая воздух.

Она повторяла движения, постепенно впадая в легкое подобие транса: ни одной мысли в голове, только мерные взмахи — блок, удар, атака, защита... По спине пробежала знакомая волна легкого озноба, но ощущения опасности не было. Незнакомая прежде гармония охватила тело, сливавшееся в движении с чужеродным предметом. Она впервые поняла, что меч является естественным продолжением руки. Рука стала тяжелой и горячей, лезвие засверкало, по его краю побежали синеватые искорки... Она описала над головой сверкающий круг, прыгнула в сторону, имитируя атаку, под ногами зашуршало что-то живое, она замерла, чтобы не наступить...

Теперь Маша видела в темноте, как ночное животное, и без труда разглядела ящерицу, выскочившую на проплешину в траве. Потом еще одну... Она не просто видела их, а слышала шелестящие спутанные звуки, не громче шуршания трав, не громче ночного тепло-

го ветерка, — и это была речь, только другая речь. Она не могла бы воспроизвести ни единого звука, но смысл был на удивление понятен: десятки ящерок собрались перед ней и звали ее:

— Саламандра! Огненная Саламандра! Ты слышишь нас?

— Конечно.

— Мы из одного рода. Мы узнаем тебя издали. Ты сильная. Ты всегда можешь нас позвать. Тот, кто внизу, тоже слышит тебя. И зовет.

— Кто?

— Мы не можем понять его речь. Волны его голоса для нас слишком велики. Но ты сильная и можешь его услышать.

— Как?

— У тебя есть огонь. Он придает тебе силу. Разбуди волну внутри себя. И слушай.

По обеим рукам пробежала горячая волнообразная судорога. Саламандра вскинула меч, описывая круги над головой, один за другим, синеватые искры сливались в светящиеся восьмерки, задевая за ветки деревьев, те вспыхивали и с шипением сыпались на траву. Ящерики брызнули в стороны. Саламандра замерла, закрыла глаза, всей шкурой ощущая, как стекает по телу невидимое пламя, уходит прямо под ноги. Сама скользнула на землю, прижалась к ней, ощущая колебания почвы. Тяжелые грозные звуки, недоступные обычному уху, наводящие ужас на мелких живых существ, сотрясали внутренности, вызывая тошнотворные спазмы. Мимо с ужасом пронеслись летучие мыши, ящерицы исчезли. Но Саламандра, как замороженная, ждала, пока колебания не стали менее хаотичными и не слились в понятные только ей сочетания предельно низких тонов.

— Саламандра! Ты слышишь меня?

— Да. — Она опять, как в недавнем сне, не слышала своего голоса.

— Ты научилась понимать мою речь. Но тебе многому предстоит научиться.

— Зачем?

— Дел много. Чем ты больше и сильнее, тем больше у тебя дел. И другой масштаб. Привыкай.

— Кто ты?

— Как это у вас называется — хтонический персонаж?

— Откуда ты знаешь, как у нас это называется?

— Мне не нужно знать. Я слышу, как ты ищешь смысл и стараешься подобрать привычные формы. Но есть вещи, которые не поддаются вашим примитивным определениям. Твой разум слишком мал для этих понятий, постарайся освободить дух и расширить границы для нового знания. Меньше задумывайся. Чем ты занималась столько лет, если до сих пор не знаешь природу своей силы и не умеешь с ней обращаться?

— Я стараюсь. Я уже говорю на твоём языке.

— Нашла чем удивить! Это наш язык. И мой, и твой. Не отвлекайся на пустяки. У тебя в руках генератор. Учись с ним обращаться. Учись видеть. Учись читать.

— Скажи, что делать? И зачем?

— Ответ дают тогда, когда ты правильно формулируешь вопрос. Не пытайся искать смысл. Гражданка, сами себя задерживаете! — в голосе вдруг отчетливо слышались знакомые интонации сотрудницы ЖЭКа. — Я пытаюсь пользоваться твоими же речевыми аналогиями. Может, так до тебя быстрее дойдет. До свидания, Огненная Саламандра.

Колебания стихли. Обессиленная Саламандра прижалась к земле, стало холодно и темно.

Она очнулась от предрассветного порыва ветра. Меч по-прежнему был зажат в левой руке. «Что только не приснится на голодный желудок...» Маша подобрала ножны, закинула меч на плечо и медленно пошла вниз, к ручью. Навстречу ей брел бритоголовый монах, протирая сонные глаза. Он явно не ожидал встретить чужестранку так рано — и поклонился ей.

Умываясь, Маша ощутила затылком пристальный взгляд Зыонга.

— Ты рано встала сегодня. Занималась с мечом?

— Повторяла вчерашние упражнения.

— Отлично! Продолжим прямо сейчас. — Зыонг знаком подозвал двух «оранжевых» воинов, сопровождавших Машу, и что-то пробурчал им. Воины поклонились и пошли в сторону тренировочной площадки.

— А завтрак у нас в программе не предусмотрен? — ворчала она, плетясь за бритоголовыми. — Форменная дедовщина...

Из-под оранжевой хламиды старого восточного мудреца так и вылезали сержантские погоны. Как будет по-вьетнамски «упал-отжался»? «Ап-даун... Вери симпл...»

Зыонг отобрал у Маши меч и уселся, поджав ноги, махнул рукой. «Двое из ларца» стали медленно приближаться, по знаку Зыонга выхватили мечи, причем сегодня мечи в их руках были боевыми. Маша растерянно замерла: она понятия не имела, как голыми руками справиться с двумя хорошо обученными воинами Индры. К тому же хитрый Зыонг специально поставил ее против солнца. Первый нападающий нанес удар, она увернулась, сзади раздался легкий свист. Теперь она знала, как звучит летящий клинок, и, не глядя, ушла в сторону. «Двое из ларца» продолжали атаковать ее, путая траектории, убыстряя темп, вскоре она уже не слышала ничего, кроме шелестящих всплесков воздуха. Дистанция между ней и нападающими сокращалась. Два меча взлетели почти одновременно. Маше было некуда увернуться... Растерянно бросила взгляд на Зыонга: «Да они зарубят меня к чертовой матери! Тебе это нужно?» Старик разглядывал ее меч и не обращал никакого внимания на учебную схватку. Что делать? Она стиснула зубы, на мгновение расфокусировала зрение, сделала глубокий вдох. Стемнело. Что-то бесформенное шелохнулось рядом. По спине пробежала знакомая морозная стрела. Руки и ноги перестали ей повиноваться, она ощутила себя невесомой и маленькой...

Вокруг все застыло, она одна могла перемещаться среди неподвижных фигур. В замедленном кадре легко проскользнула под наклонным ударом одного «оранжевого» воина и перескочила через замерший в воздухе клинок другого, оказавшись в предельно низкой стойке змеи...

— Странно, когда дилетант лезет в четырехмерку. — Голос звучал глубоко внутри, а язык, на котором обращался к ней собеседник, был смутно знаком. — Впрочем, ты достаточно быстро соображаешь. Тогда учись входить быстро и тихо, а не скрежетать когтями под дверь. Это простые вещи, но в твоём разуме столько мусора... Учись работать с генератором. Учись концентрировать внимание на чем-то одном. У тебя есть все необходимое. Разуй глаза, женщина...

Снова вспыхнуло солнце, предательски бившее в левый глаз. Вероятно, мгновенное замедление времени осталось незаметным для всех, кроме нее. Оба «оранжевых» изумленно шарахнулись в стороны, едва не поранив друг друга: перед ними оказалась пустота. А их соперница готовилась к атаке: правой рукой прикрывала лицо, а левую кисть со-

брала в горсть, наподобие птичьего клюва. Саламандра ощутила в своих конечностях легчайшую дрожь — колебания той самой волны, которая только что выкручивала и парализовала тело. Она перекатила волну по позвоночнику и стряхнула ее с пальцев на нападающих. Оба «оранжевых» кубарем покатались под ноги Зыонга, сами не понимая, что произошло. Вероятно, волна ударила по их барабанным перепонкам, потому что они терли уши и мотали головами.

— Вери симпл! — с едва заметным торжеством произнесла Маша, стряхивая с пальцев тягучее невидимое вещество. — Ап-даун!

— Что ты делала ночью? — спросил ошеломленный Зыонг необычно жестким тоном.

— Медитировала. — Саламандра уставилась ему в переносицу прицельным взглядом. — Медитация заменяет пищу. И усиливает дух. Вы сами так учили.

— Перерыв! — скомандовал Наставник, в точности как Евстигнеев на репетиции «Гамлета» в фильме «Берегись автомобиля». И добавил вполголоса: — Ступай. Там остался рис с овощами. Тебе недостает духовности...

После обеда Зыонг объявил: тренировки закончены, завтра экзамен. «Все в сад!»

Но бритоголовые отроки дружно собрались на тренировочной площадке и из последних сил метали в условных фанерных противников условно отравленные стрелы. Смотреть на это было скучно, готовиться к неведомым испытаниям — бессмысленно. Маша поняла, что в случае опасности главное — слушать свое тело и не мешать ему. Она закурила законную вечернюю сигарету и уселась на полюбившемся обрыве. Нюхала ветер, старалась не задумываться ни о чем, чтоб голова не разболелась. Постепенно мысли стали тягучими, медленными, потом время снова замерло, остались только звезды. Игольчатый свет дрожал и сливался в хаотическое мелькание белого и черного, Маша закрыла глаза на несколько секунд, а когда открыла их снова — перед ней стояла женщина. Невысокая, худощавая, немолодая, в темных брюках и куртке, подпоясанная вытертым поясом с иероглифами. Незнакомка поклонилась Маше и сделала приглашающий жест, Маша закинула меч на плечо и пошла за ней вниз, не испытывая страха: инстинкт опасности молчал. Женщина вывела ее на небольшую полянку, окруженную

деревьями. Поляну заливал лунный свет. Женщина показала на себя:

— Нгу Май.

Маша тоже назвала свое имя. Женщина знаком пригласила ее стать в боевую стойку, Маша поклонилась второй раз. «С отстающими принято заниматься после уроков. Наконец догадались прислать женщину-наставницу. Вроде тетка мирная...»

Нгу Май внезапно взмахнула руками, как крыльями, и приняла невиданную птичью стойку, потом мгновенно расплущилась, как змея, вдоль травы и оказалась прямо за спиной у Маши, та не успела и обернуться. Маша развела руками: «Я не могу». Нгу Май улыбнулась, покачала головой: «Ты можешь». Маша опять развела руками: мол, объясните для начинающих. Женщина протянула ей некое подобие конфеты или мягкого леденца с острым травянистым запахом. Указала ей сначала на рот, потом на голову, потом на грудь, развела руки в крылообразном взмахе. «Если ты съешь это, твой разум освободится, твой дух станет сильнее и твоё тело сможет сделать все, чего ты раньше не умела». Это было понятно и без слов. «Сказал А — говори Б. Снявши голову, по волосам не плачут...» Лингвистика в новой жизни становилась совсем прикладной.

Маша схрумкала леденец. Нгу Май села в позу медитации, Маша устроилась рядом. Некоторое время они молчали, потом Нгу Май показала: убери меч, Маша послушно отложила оружие. Вдох — выдох — шаг — условный удар — переворот — уход — условная атака. Это напоминало танец, дистанция между ними постепенно сокращалась до тех пор, пока танец не превратился в поединок. Время остановилось, остались только движения, убыстряющиеся и чередующиеся. Они замерли, остановив руки перед нанесением решающего удара, одна — в стойке журавля, другая — в предельно низкой стойке змеи.

Нгу Май засмеялась неожиданно молодым смехом, жестом приказала: делай как я. Втянула с силой воздух носом, задержала дыхание, выбросила кисти рук вперед, распуская пальцы: кусты в нескольких метрах от них наклонились. Маша вдохнула, выбросила вперед кисть, распуская огненный гребень: венчики пушистых трав вспыхнули слабым светом. Нгу Май кивнула: теперь бери меч. Сама тоже выну-

ла два коротких меча из-за спины. «Держись, чучело. Начинается от-делка щенка под капитана...» Маша с опаской взяла оружие. «Впро-чем, если мы с ней в равной степени обдолбанные, то это существует только в нашем сознании. А что воняет горелой травой — так и у нас в подъезде по вечерам регулярно горелой травой пахнет...»

Работа с двумя мечами-бабочками оказалась завораживающим зрелищем, Нгу Май удалось постепенно втянуть ученицу в свой ритм. Маша никак не успевала отражать удары, пропуская атаку то слева, то справа, пока Нгу Май не топнула ногой и не показала ей: «Если ты можешь мгновенно атаковать, значит, ты можешь отразить любую атаку». Дело пошло на лад. «Закрой глаза!» — приказала Нгу Май. Маша развела руками, но наставница повелительным жестом прикрыла ей веки. Маша отключилась, реагируя только телом на звуки порхающих мечей, на горячие волны, исходящие от них...

Нгу Май провела пальцем по ее плечу: «Пойдем». И повела обрат-но по тропинке к тому самому озерцу, возле которого Маша повстре-чала оранжевых воинов. Дорога шла под уклон, они обе почти летели, едва касаясь почвы. Оказавшись возле воды, Нгу Май встала в бое-вой позиции: «Достань меч и покажи силу».

Маша вскинула меч.

«Не так! — замахала руками Нгу Май. — Всю силу!»

И сделала первый выпад: «Я тебя вижу, я тебя достаю отовсюду!» Ее мечи скрестились возле Машиного горла. «Ты убита!»

Маша отпрыгнула назад, контратакуя.

«Не так! — Нгу Май топнула ногой. — Вперед! Я тебя вижу и до-стаю»...» Мечи свистнули под коленками. «Ты уже без ног!»

«Чучело, вперед!» Саламандра из змеиной стойки скользнула в воду, меч стал продолжением тела, по спине прошел озноб. В воде ощутила собственную невесомость, огненный всплеск ударил снизу, белое пламя вздыбило ручей, под этой огненной волной проскользну-ла вверх, нанося удар, и ушла обратно — к спасительному холоду...

Утренняя предрассветная дымка растворялась в небе, птицы на-чали орать во все горло. Нгу Май исчезла. Меч зажат в левой руке. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» Трава под ногами обгорела. «Не задумывайся...» Голова слегка кружилась. Она встала, умылась в ручье и пошла вверх, надеясь на то, что перед экзаменом ей удастся поесть.

глава 9

Во время совместной трапезы Маша тщетно выглядывала свою наставницу. Зыонг дал инструкции подчиненным, а ее подозвал к себе:

— Сейчас начнутся испытания, тебя пригласят отдельно, пока можешь отдыхать.

«Скорее бы это кончилось. Ван как будто отвел меня на пятидневку и забрать никак не хочет, — думала Маша, сидя в тени и маясь вынужденным бездельем, в то время как оранжевые сдавали экзамен. — Может, мне поставят зачет «автоматом»?»

Теплый ветер, шуршащий в каменных развалинах, уносил звуки, только шуршали сухие стебли высоченных цветов, напоминающих цикорий. Она прислонилась к осыпающемуся блоку из известняка, закрыла глаза. Никуда не надо спешить.

Над головой прошелестели крыльями птицы, как будто всю стайку разом согнали с места. Маша открыла глаза и увидела Нгу Май. Та стояла в тени, чуть поодаль, одетая в белое кимоно, подпоясанная тем же вытертым поясом с иероглифами. Маша вскочила, повинувшись жесту, подошла к наставнице, поклонилась. Нгу Май сняла с себя пояс, показала: повяжи. Маша понятия не имела, как положено завязывать пояса для единоборств: в школе Индры она занималась в своей одежде — хлопковых штанах до колена и майке. Тогда Нгу Май сама завязала пояс на ее талии. Сняла с шеи маленький кинжал в удивительно красивых ножнах, отделанных бирюзой и тончайшей резьбой, по краю ножен извивались мелкие, частично стершиеся иероглифы. Даже дилетанту было ясно: очень старая работа. Маша поняла: это подарок. Снова поклонилась. В это время раздался легкий шум падающих вниз камешков: по тропинке шел Зыонг.

— Смотри, что Нгу Май мне подарила. Кажется, она мной довольна! — радостно воскликнула Маша.

— Ты сошла с ума, женщина!

Маша оглянулась: Нгу Май не было и в помине.

— Где она?

Сняла с шеи кинжал в узорных ножнах и протянула старику, потом показала свой пояс, ткнула пальцем в вытертые иероглифы:

— Вот ее пояс.

Старик пристально разглядывал пояс, потом тихо ответил, показывая на рукоять кинжала:

— Я бы сказал, что это невозможно. Но здесь имя: Нгу Май Лао Ни — Цветок май — Пять лепестков. Это та самая монахиня Шаолиня — одна из 5 уцелевших при разгроме монастыря в 1720 году. Пояс принадлежит ей, сомнений нет. Ее ученица Нием Винь Чун потом основала новый стиль. — Он провел пальцем по резной рукояти кинжала. — А здесь написано два имени: мужское — Хунг — «храбрый». И женское — Тиен — «фея, дух». Значит, Нгу Май увидела в тебе и то и другое. Когда ты встречалась с ней?

— Ночью и сейчас. Она учила меня... — Маше не хватало словарного запаса, да и не было смысла рассказывать о вчерашнем появлении легендарной монахини.

Старик с поклоном вернул ей кинжал:

— Если сама Нгу Май завязала тебе пояс и подарила кинжал, я должен принять тебя как настоящего воина и выказать уважение.

— Не надо, — замахала руками Маша, — не надо, я не воин. Я подожду окончания экзамена, а потом уйду обратно. Если я вам больше не нужна, — добавила она, подумав.

Старик улыбнулся:

— Пойдем. Я представляю тебя новым братьям.

Десять бритоголовых, полдня дубасившие друг друга на глазах экзаменационной комиссии, ожидали, когда наставник вручит им эмблемы с изображением молнии. Несколько воинов сопровождали старика и Машу. Зыонг вывел ее на середину площадки и долго говорил, Маша уловила пару раз имя Нгу Май, бритоголовые стали перешептываться. Старик хлопнул в ладоши, «двое из ларца — одинаковы с лица» вынесли еще одну оранжевую накидку с изображением молнии на груди. Зыонг протянул ее Маше.

Маша была советской женщиной, любой ритуал не вызывал у нее ничего, кроме скептической усмешки. Она чуть было не ответила пионерским салютом «всегда готов», но вовремя сменила салют на более приличествующий случаю поклон. Старик прочел нечто важное, вероятно, торжественное обещание оранжевого воина Индры. «Моральный кодекс, обязательства, один за всех и все такое...» Маше было скучно, хотелось курить, прием пищи отклады-

вался на неопределенное время. Она надела оранжевую хламиду, повязала поверх нее вытертый пояс легендарной монахини. Зыонг обратился лично к ней. На своем скверном французском повторил то же напутствие:

«Ты принадлежишь школе. Она — твой дом, отец, мать.

Твой враг — враг школы, враг школы — твой враг.

Он должен погибнуть, или завтра погибнешь ты.

Если ты выходишь на поединок с воином другой школы, то обязан надеть одежду цвета Индры, попросить защиты у Покровителя и забыть о смерти».

Потом понес явную отсебятину:

— Запомни: высшим мастерством у оранжевых воинов считается умение стоять в оранжевой форме школы перед врагом, причем противник не должен тебя видеть. Ты сможешь. Не я учил тебя. Сама Нгу Май вручила тебе черный пояс и признала тебя мастером. Теперь ты одна из нас. Береги свой меч.

«Береги честь смолоду... держи голову в холоде, а ноги в тепле... не плюй в колодец, вырастет — не справишься... уходя, гасите свет... не стой под стрелой...» Маша поклонилась ему и всем остальным, чувствуя себя самозванкой. «Почем опиум для народа? — бурчала она под нос, ожидая, когда торжественное заседание закончится и можно будет приступить к праздничному обеду. Однако обед оказался таким же аскетичным, как и в предыдущие дни. А потом от нее все отстали!

Маша смогла убраться наверх, на полюбившийся край обрыва, чтобы в тени выкурить свою долгожданную послеобеденную сигарету — предпоследнюю в пачке. Если Ван не вернется за ней, она сбежит сама, и путь новоиспеченного воина Индры будет пролегать до ближайшего табачного ларька, где бы он ни находился. И горе тому...

Обдумывать дальнейший Путь Воина ей помешало появление Нгу Май. Маша поклонилась ей, монахиня провела жесткой ладонью по изображению Саламандры на Машином плече, спросила жестами: «У тебя есть дети?» Маша начертила на песке несколько силуэтов: дочь с мужем и внуком, сын с женой и внучкой. Нгу Май погладила ее по голове и что-то буркнула, потом перевела на язык жестов: «Тело Саламандры, душа воина, сердце женщины». Маша могла бы поклясться, что фраза звучала именно так.

Потом Нгу Май взяла у нее из рук меч, повернула ножны, провела ладонью по рисункам. Маша пожала плечами, Нгу Май еще раз взгляделась в рисунки и столбики иероглифов рядом с ними. Покачала головой.

— Что это значит?

Нгу Май взяла пруттик и начертила на песке условную фигурку с мечом, провела несколько волнистых линий, потом штрихами изобразила огонь. «Путь воды, путь огня...» И протянула ей открытые ладони, Маша положила свои руки сверху, Нгу Май закрыла глаза, Маша сделала то же самое. Жар исходил от ладоней Нгу Май, перетекал в пальцы Маши, струился по рукам, опоясывал туловище, концентрируясь понемногу на левом плече. Когда плечу стало нестерпимо горячо, Нгу Май открыла глаза и выбросила вперед руки жестом, не допускающим двойного толкования: «Следуй своим путем и ничего не бойся!» Маша повторила ее движение, замерев на краю обрыва, а когда через мгновение перевела глаза в сторону — Нгу Май не было. Только горячий ветер посвистывал в сухих стеблях. Нгу Май приходила прощаться.

Покой и одиночество уравнились в душе. Она долго сидела на краю обрыва, впитывая запахи, доносящиеся из леса, глотая ветер и ни о чем более не вспоминая. «Если прямо сейчас придется умереть, я умру спокойно, без сожаления, — констатировала она, — может быть, это и есть тот самый долбаный Путь Воина, о котором так долго говорили большевики? Но какой в нем смысл, если все безразлично? Тогда можно до конца дней просидеть на этом обрыве. Или шагнуть с него прямо сейчас... Рабинович, как здоровье? — Не дождетесь!»

А через час за ней прибежал один из оранжевых хлопцев. Возле храмовых ворот Маша заметила невысокую крепкую фигуру в неизменном темном костюме: приехал Лай.

Надо отдать должное его профессиональной выдержке. Когда Маша вышла навстречу — в оранжевой накидке с молнией на груди, с черным вытертым поясом, даренным антикварным кинжалом на шее и мечом за плечами, да еще с почетным оранжевым эскортом, — только самообладание разведчика не позволило Лаю разинуть рот. «А знай наших, крот гэбэшный! Один-ноль в мою пользу!»

Наставник Зыонг что-то вполголоса рассказывал Лаю, опять упоминая Нгу Май, пока остальные воины Индры прощались с ней. Отвесив примерно пятнадцать ритуальных поклонов, Маша добралась до Зыонга. Тот протянул ей обе руки:

— Наверно, пребывание в нашей школе показалось тебе представлением для туристов, но это не так. — Его английский вдруг стал абсолютно чистым, как в детстве, на занятиях в лингафонном кабинете спецшколы.

«Придуривался все это время, старый хитрец...» — изумилась Маша.

— У тебя особый путь. Сама Нгу Май посетила школу, и мы благодарны за это не только ей, но и тебе. Когда будет нужно — ты окажешься перед врагом в оранжевой одежде воина Индры, и враг не сможет тебя узнать. Иди и ничего не бойся. Ты — одна из нас, помни об этом. Кстати, я взял на себя смелость переписать твои иероглифы «тыи ном» и отправить знакомому профессору из Ханойского университета. Результат может оказаться интересным. Возможно, тебе пригодится перевод. Двери школы всегда открыты для тебя. Что бы ни случилось, ты можешь сюда прийти и привести с собой друга. Если будет нужно — наши воины окажутся рядом.

Маша поклонилась в последний раз, перевела дух...

— Сигареты принес? — спросила она, как только ворота храма скрылись за деревьями.

— «Кэмел», других не было.

— Быстро! — рявкнула Маша.

И только потом сообразила, что вела диалог на русском.

Лай протянул ей пачку.

— Университет дружбы народов, — выговорил он без запинки.

Маша села на ближайший камень, закурила и развела руками. Невозмутимый Лай впервые заулыбался внациональной змеиной полуулыбкой гэбешника. Один-один, они были квиты.

глава 10

Они провели в доме Ма едва ли час, Лай торопился, звонил кому-то, Маша успела только проглотить наспех собранный ужин. Ма отдала ей вещи —

постиранные и выглаженные, чем растрогала Машу почти до слез. После смерти мамы и тетушки можно было по пальцам пересчитать случаи, когда другие стирали и гладили ее одежду, разве что когда стиральная машина ломалась и она относила грязное белье к подружке в соседний дом.

Оголодавшая наследница великих мастеров ела, как пятнадцатилетний подросток. Ма сидела рядом, подперев щеку извечным жестом бабушки, которой выпало счастье накормить внучку досьта. Лай встал в дверях, и на лбу у него было написано внациональное: «Женщина, вечно тебя приходится ждать! Мы и так опаздываем!» Ма что-то ему доказывала яростным шепотом, без переводчика можно было понять: «Посмотри, как она похудела за эти дни, ее толком не кормили, зачем это надо, куда ты ее увозишь, дай ей отдохнуть...» Маша поняла: она останется для Ма девочкой, внучкой, пусть и двоюродной, но все равно — кровиночкой. Много лет назад Маша стала старшей в роду, ее раз и навсегда придавила к земле ответственность, которая снимается только со смертью носителя. И теперь на другом конце земли старая вьетнамка изо всех сил пытается ее накормить, удержать, защитит. Маша обняла худенькую старушку:

— Спасибо, — шепнула по-русски, — Лай, скажи ей, я не маленькая, я могу за себя постоять...

Лай перевел. Ма погладила ее по голове еще раз, отвернулась и ушла, унося пустые тарелки. Появилась потом, у ворот, когда Лай заводил машину. Протянула Маше фотографию родителей — уменьшенную копию, которая помещалась в бумажнике. Маша еще раз обняла ее. Домик скрылся за поворотом.

Всю дорогу Лай молчал, на вопросы отвечал односложно, она смогла вытянуть из него только то, что Ван будет ждать по дороге в Нячанг. Что они забыли в Нячанге, Маша не спрашивала. Из проспектов, просмотренных в самолете, она уяснила, что это курорт на побережье Южно-Китайского моря и что неподалеку, в Камрани, раньше находилась советская военная база. Вряд ли в планы Вана входил пляжный отдых. Ей не говорили, а она и не спрашивала. Всею свое время.

Через пару часов остановились возле придорожного кафе, Маша попросила кофе — оттягивалась после вынужденной диет-

ты в школе оранжевых воинов. Лай достал мобильник, вывел на экран портрет худощавого светловолосого мужчины средних лет с дурашливо-веселым выражением лица и абсолютно серьезными голубыми глазами.

— Запомни: Джерри ван Чойс. У него свой бизнес в Нячанге. Дайв-центр, маленькая полиграфическая фирма, две химчистки, мастерская по ремонту автомобилей. Голландец. Вообще он поляк — Ванчовски, но по документам голландец. Давно здесь.

— Это ваш друг?

Лай подумал несколько секунд, вероятно, искал формулировку.

— Пока Камрань была вашей, он работал с русскими.

— Что это значит?

— Когда русские ушли — стал работать на себя. Иногда оказывает услуги. Не только нам. С ним надо осторожно. Обращаться только в крайнем случае. В самом крайнем случае.

— К кому мы едем?

— Нас ждут. Тебе все объяснит Ван.

— Да, теперь Ван легендами не отделается.

Маша заглянула в непроницаемые глаза собеседника:

— Зыонг говорил, что ты был его лучшим учеником. Это правда?

— Я был его учеником. Твой отец тоже был учеником Зыонга.

— Что нам нужно в Нячанге?

— Все, что тебе следует знать, расскажет Ван.

— Ни слова в простоте! Тебе говорили, что ваша профессия портит характер?

Лай швырнул на стол деньги и пошел к машине, на шаг впереди нее.

— Ты забыл кошелек!

— Положи в сумку, потом заберу.

Маше стало стыдно — ведь он ее охраняет.

— Я умею защищаться.

— Я знаю, — тон его был по-прежнему бесстрастным, — ты сильная. Очень сильная. Ты сама не знаешь своей силы. Но я должен тебя отвезти к Вану, и я за тебя отвечаю.

Дальше они ехали молча. Дорога петляла между невысоких гор. Перед достаточно крутым поворотом в долину Лай остановил машину, набрал номер, что-то сказал, потом пробурчал ей:

— Ван ждет внизу. Серая «тойота».

Они неслись вниз слишком быстро для такого узкого серпантина, Маша выглядывала за поворотом машину Вана, вдруг ей показалось, что стемнело. Нет. Это было нечто, ударившее по всем рецепторам одновременно... опасность! Она вцепилась в локоть Лая:

— Нельзя, опасно! — но он уже выворачивал на открытый участок трассы, и там видна была серая «тойота», припаркованная на обочине... И возле «тойоты» лежал человек...

— Оставайся в машине! — крикнул Лай, тормозя в пол. — Если опасно — уезжай! — и змеиным движением выскользнул из кабины, почти по-пластунски пополз к лежащему телу.

Маша открыла дверцу, он крикнул, не оборачиваясь:

— Назад! — И она задержалась на долю секунды. Третьим глазом увидела выросший за скалой силуэт, но не успела. Раздался сухой треск. Бегущая фигура в темном костюме согнулась пополам и рухнула в десятке шагов от машины Вана.

По позвоночнику пролетела морозная стрела. «Круговой обзор!» Огненный гребень достал стрелка. Саламандра в считанные мгновения преодолела расстояние между машиной и лежащим Лаем. Справа из-за камней высунулся второй стрелок. «Следующий!» Она вскинула невесомое тело как можно выше, чтобы наверняка не промахнуться. Выброс огня был прицельно точным. Второй снайпер последовал за первым. «Кому еще жить надоело?»

Солнце садилось, цепляя зазубренный лесистый горизонт. Обугленная трава и неподвижные тела. Она опустилась на колени рядом с Лаем. Потом подошла к Вану, забрала из его рук мобильник и машинально сунула в карман. Заглянула в «тойоту», ничего там не нашла, кроме подробной туристической карты побережья и яркого конверта с логотипом туристической фирмы. Можно было порыться в багажнике, но инстинкт опасности уводил Машу прочь. Медицинская помощь никому не нужна. Вызвать полицию? Что она скажет? Кто такая и как тут оказалась? Туристка из России? В стороне от курортов и отелей, без вещей, с боевым мечом в чехле, рядом с четырьмя убитыми людьми? Тупик. Смерть. Опасность...

Поклонилась друзьям, для которых ничего больше не могла сделать, обшарила долину третьим глазом, села в машину Лая и понеслась вниз по серпантину. Она ничего не понимала, просто давила на газ и повторяла себе: вдох-выдох... Никаких эмоций не было,

словно их выморозило нездешним черным ветром. Противоречивый внутренний диалог был прекращен насильственным путем. Никакой двойственности не осталось. Все предельно просто. Она не успела стать воином Индры, как смерть приблизилась вплотную. Ван привел ее в эту школу — и погиб. Лай — первый из воинов Индры — забрал ее из школы — и тоже погиб. Она поступила как обыкновенная женщина: кто-то сильный сказал: «Я за тебя отвечаю» — и никакая магическая сила не помогла. Игра закончилась. Впрочем, с самого начала все было всерьез, только она видела игру в происходящем. Ее ошибки стоят слишком дорого. Эти двое погибли ради того, чтобы она — не Маша Северцева, не Мария Ким, а Огненная Саламандра со всей ее двойственной природой и необъяснимой силой — добралась до Нячанга живая и невредимая. Она туда доберется — теперь неважно, зачем. И никому мало не покажется.

ЧАСТЬ IV

*Чтобы обрести покой в обоих мирах, соблюдай два правила:
с грузьями будь великодушным, с врагами — сдержанным.*

ХАФИЗ

глава 1

Гражданка, ведите себя ответственно, вы теперь — Властелин Пятна...» Маша вспомнила маленького хоббита, на которого принудительно нацепили негламурное украшение и повесили ответственность, о которой он не просил. Задумываться было вредно — голова начинала разламываться. По крайней мере, метаморфозы избавили ее от издержек европейского менталитета. Пока ситуация не прояснится, никаких эмоций. «Предупрежден — значит вооружен». При одной мысли о возможной опасности по позвоночнику пробегала ледяная дрожь. Запретила себе вспоминать последние секунды жизни Вана и Лая — она подумает об этом потом. Когда будет нужно — она вспомнит. И это придаст ей силу. В загадочном маршруте из точки А должна наконец нарисоваться точка Б, а там Саламандра поймет, зачем ее сюда принесло. В ее нынешней жизни хозяйничали неведомые силы, и люди, находившиеся рядом, могли оказаться врагами или, наоборот, пострадать. Об этом следовало помнить. И остерегаться любых контактов.

Она подъехала к Нячангу часов в восемь вечера, почти в полной темноте. На последнем перевале, с вершины которого виднелась поблескивавшая огоньками бухта, у нее проверили документы. Маша Северцева от страха потеряла бы дар речи при виде КПП. Нынешняя Мария Ким только сощурилась и протянула яркий конверт туристической фирмы со своим паспортом и туристической бумажкой вроде ваучера: с фамилией, страховкой, названием отеля и указанным сроком пребывания в стране. Помимо ваучера там лежали документы на аренду машины и бумага с тремя печатями, на вьетнамском языке, — не иначе пропуск или допуск. При виде пропуска-допуска молоденький лейтенант на КПП взял под козырек, Маше ничего не оставалось, как сделать непроницаемое лицо и ехать дальше. «Еще не-

много, и я научусь делать такую же загадочную рожу, как сотрудники спецслужб, когда они отлучаются по малой нужде. Нужда-то малая, а миссия ответственная. Хорошо, что я не постеснялась порыться в бардачке машины Вана».

В ваучере было обозначено место проживания: гостиница «Золотой Дракон». Маша достаточно легко нашла гостиницу по карте Вана, где названия были написаны на двух языках. Проезжая по центру города, успела заметить на набережной здание с гербом и флагом, перед которым колыхалась красная полотняная перетяжка с лозунгом, привязанная к пальмам. Явно райком. Или горсовет. А рядом высилась пятизвездная «Ясака». «Поздний гибрид совка с капиталом...» Ее гостиница оказалась небольшой, из нескольких двухэтажных корпусов, по виду — перестроенный дом культуры или что-то подобное. Пропуск-допуск оказал волшебное действие на персонал отеля: машину немедленно припарковали на служебной стоянке. В номере ее ждал букет цветов и вазочка с фруктами. Как в кино. Маша долго отмокала в ванне, собралась лечь спать, но поняла, что сна нет ни в одном глазу. На часах было полдесятого — по московским меркам детское время. Спешить некуда, разве что поужинать. Набережная сверкала и шумела, а в трех шагах от нее жилые кварталы спали. Она могла обратиться в Нячанге к единственному человеку — Джерри Ван Чойсу. Но искать его в это время суток бессмысленно: жизнь на берегу океана подчинена световому дню, сейчас на улицах остались только туристы и обслуживающие их местные жители.

Маша накинула легкий льняной пиджак, вышла на улицу и замерла от теплого океанского ветра, обволакивавшего тело. Этим ветром не просто хотелось дышать — его хотелось глотать, подставлять под него кожу. Невидимый прибой шелестел вдоль кольцеобразной бухты. Она присела на теплый камень парапета и замерла. «Я ящерица на камне, я просто смотрю. Мне здесь хорошо как нигде. Ничего не было: ни опасности, ни смерти, ни погибших друзей, ни убитых врагов...». Слушала дыхание темной водной массы, размеренное «шширк-шширк» — так прокатывалась вдоль бухты длинная пологая волна. Перебирала подсыхающие теплые водоросли, которые отлив оставил на песке. Вероятно, она могла бы просидеть так очень долго: за несколько дней, проведенных в монастыре, приобрела некую привычку к бездумному созерцанию и навыки релаксации. Однако

новые свойства позволили заметить промельки двух теней за спиной. Чувства опасности не было, только легкое возбуждение — как в детстве, когда сидишь в лесу у костра, и вдруг из темноты возникает неожиданный силуэт. Кто же подгреб к нашему костру?

Два силуэта прошмыгнули мимо нее к прибрежной кромке: там лежали сложенные стопочкой вещи и сумка. Вероятно, незадачливый турист решил искупаться в ночном океане, а вещички-то вот они, бери — не хочу. Маше стало смешно: везде мерещатся происки врагов, а тут банальные курортные жулики, каких навалом что в Крыму, что на другом конце планеты. Она неслышно подобралась вплотную к парочке, оказалась у них за спиной и громко сказала по-русски:

— Эй, пацаны, что вы тут забыли? Воровать нехорошо...

Один замер, а другой неожиданно бросился на Машу. Бедолага не знал, что Саламандра отлично видит в темноте. Ей достаточно было доли секунды, чтобы оказаться вне зоны видимости противника, и еще одной доли секунды — чтобы шмякнуть его лицом в песок самым позорным образом. Второй вышел из ступора и — к изумлению Маши — вытащил нож, что для мелкого пляжного жулика было странно. Маша отобрала ножик у незадачливого грабителя, выломав ему запястье, тот шипел от боли, но пытался сопротивляться.

— Что ж ты такой упрямый! — Тот покатился кубарем в сторону. И тут горячая волна опасности хлестнула по шее...

— Берегись! — крикнул мужской голос по-русски.

В темноте что-то сверкнуло. Саламандра развернулась и выбросила вперед свободную руку, распуская кисть. Темная тень скорчилась и рухнула на песок. Второй бросился на нее сзади. Саламандра ушла в предельно низкую стойку змеи, нанесла удар и замерла.

— Вы живы?

Опасности больше не было.

— Я — да.

— Как вам это удалось? — Он замер между Машей и неподвижно лежащим грабителем. Маша пожала плечами:

— Да случайно... Вы бы свои вещи не оставляли без присмотра. Воруя-то везде.

— Мне кажется, им нужны были отнюдь не мои вещи. Пойдемте, — решительно сказал он, хватая в одну руку сумку и шорты,

в другую руку — Машу. — Нам ведь не нужны проблемы с местными правоохранительными органами? Ментовка — везде ментовка.

— Это верно. — Ей не нужно было проблем ни с какими органами. — На пляже никого, надо убираться как можно скорее.

Маша подобрала туфли, отряхнула их от песка, и они неспешно пошли под руку по набережной. При свете фонарей и вывесок Маша рассмотрела неожиданного защитника. Лет тридцати с небольшим, загорелый. Вероятно, уже провел в Нячанге несколько дней. Коротко стриженный, прекрасно сложен, американский подбородок, светло-карие глаза, лицо из тех, что могут казаться красивыми, а могут — незаметными: ровные правильные черты. А он в свою очередь смотрел на Машу как на чудо заморское.

— Моя попытка защитить прекрасную незнакомку оказалась неудачной. Могу я хотя бы угостить вас ужином? — спросил он, жестом приглашая ее в прибрежный ресторанчик под плетеной крышей, из которого доносился приятный негромкий блюз.

— Конечно. Я только приехала и безумно хочу есть. Кстати, меня зовут Маша.

— А я — Андрей.

Официант провел их к крайнему на веранде столику, принес меню и удалился на приличествующее расстояние. Маша уткнулась в английский вариант текста, перехватила пристальный взгляд Андрея.

— Что-то не так?

Он встал, обошел вокруг кресла и выдернул из ее воротника тонкую заостренную пластину в форме маленькой скошенной звездочки.

— Вы знаете, что это?

— Понятия не имею. Зацепилась обо что-то в темноте на пляже. Потом посмотрю, — пробурчала Маша, опуская глаза и равнодушно засовывая пластинку в карман.

Дважды она видела подобные предметы в школе воинов Индры: это был сюрикен вьетнамских ниндзя, слегка отличающийся по форме от аналогичных японских или китайских звездочек. Человек на пляже владел техникой метания сюрикена. Ее спасли навыки, полученные от Нгу Май, и собственная сверхъестественная реакция, приобретенная в результате боевых метаморфоз. Хотя она все-таки зазевалась, а у нападающего была твердая рука. Нгу Май была бы недовольна ей. Но знать об этом не следовало никому.

Андрей покачал головой и сел обратно.

— Где вы учились самообороне?

— У нас в школе была секция самбо. Военрук учил мальчишек боевым приемам, а девочек — самозащите. Давно было. И пригодилось. Тут, во Вьетнаме, на пляже. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится и когда. А вы тоже москвич, судя по речи?

Они засиделись в ресторане до стадии последних клиентов. Официанты переминались с ноги на ногу, меняли пепельницы, подливали чай. Маша оглянулась вокруг и рассмеялась:

— Весь персонал стойчески ждет, когда же молодой человек уговорит свою даму!

— Женщину, которая голыми руками положила двух грабителей и не заметила сюрискен в воротнике, уговаривать абсолютно бессмысленно, — серьезно ответил Андрей. — Но если позволите, я вас провожу до отеля. А завтра готов вам составить компанию в любых поездках.

Они брели по выложенной плитками южной мостовой, на улицах никого не было, пальмы шуршали длинными листьями, пахло цветами, орали громогласные цикады, и Маше не хотелось, чтобы он уходил. За ней никто не ухаживал сто лет... тысячу лет... вечность прошла с того момента, когда она чувствовала себя молодой и желанной!

В другой жизни остались неуклюжие попытки устроить свою личную жизнь после развода — случайные романы, разрушенные неустроенным бытом, отсутствием времени, внутренней брезгливостью. Условно женатые мужчины, которые не могли сделать выбор, — в результате Маша сама решала за них и разом обрывала контакты. Обиженные на бывших жен разведенные мужики за сорок — им глубоко безразличны были Машины проблемы, проблемы ее детей. Несколько бесполезных случайных связей, от которых не осталось ничего, кроме твердого убеждения, что счастье будет только в следующей жизни. Она все откладывала на следующую жизнь: борьбу с лишним весом, вождение машины, путешествие в далекие страны, ночь на океанском побережье вдвоем с любимым... «Вот она, следующая жизнь! Нельзя больше ничего откладывать на потом. «Потом» уже наступило. Все надо делать сейчас! Завтра может не быть».

Они остановились у входа в отель, под высоким деревом, напоминающим платан. В ее номер можно войти не через основной вестибюль,

а через веранду, тогда их вообще никто не заметит. Андрей выжидал, не последует ли приглашение зайти, Маша была готова произнести классическое приглашение на чай, обозначающее полную капитуляцию... но вспомнила проблеск сюррикена в темноте — и промолчала. Момент был упущен. Андрей раскланялся и ушел, пообещав завтра в десять утра ждать ее в кафе напротив «Золотого дракона».

Она посмотрела ему вслед. Захотелось расплакаться — тем самым бесполезным плачем без слез, переходящим в тоскливый звериный вой. Длинная одинокая жизнь разом начала душить, да так, что в глазах потемнело. Опасность... Обостренным ночным зрением увидела двоих, по обе стороны веранды, за деревьями, третий прятался за машиной. Меч был в номере! И ей надо туда попасть во что бы то ни стало! Довольно лирики! «Чучело, ко мне!»

Саламандра перебросила невесомое тело через перила низкого балкона быстрее, чем двое в темноте успели заметить движение, перекатилась по полу, схватила меч и сумку с документами, замерла у двери: без крайней необходимости ей не хотелось пользоваться своими необычными свойствами. Под балконом мелькнул силуэт Андрея... Казанова доморощенный, решил вернуться на свою голову. «Сквозь ажурные перила ножку дивную продень...» Поклонника надо было выручать.

Раздался треск, приглушенный звук, тень мелькнула вслед за Андреем. Саламандра мгновенно разглядела в темноте троих нападающих. Они были экипированы в лучших традициях голливудских боевиков: в черных масках, закрывающих лица. С одним весьма умело разбирался в кустах Андрей.

Нгу Май не зря обучила ее работать вслепую против двух мечей-бабочек. Легкая тень взметнулась между нападавшими, словно темная волна прибоя пролетела и отхлынула, оставив два неподвижных тела. Впрочем, оба были живы, только дышали с трудом. Зыонг и «двое из ларца» в последний день занятий показали ей несколько точек, по которым можно наносить парализующие удары.

Она едва успела обернуться, как Андрей подбежал к ней, схватил за плечи:

— Ты цела?

— Да.

— Бежим отсюда быстро!

— Куда?

— Ко мне, это недалеко.

— В отель?

— Нет, у меня частные апартаменты.

Несколько кварталов они бежали, держась в черной тени деревьев, добрались до уютного жилого дома, пронеслись через пустой холл по лестнице на второй этаж, Андрей с облегчением запер дверь:

— Хорошо, что я недалеко успел уйти...

— Ты куда не уходил. Ты был там все время. Почему?

Он растерянно покачал головой:

— Я не хотел оставлять тебя одну. У меня не было повода. Я дошел до перекрестка и заметил, что двое маячат у тебя под балконом.

— Спасти хотел?

— Ну да...

Он хотел ее спасти. Победил одного из врагов. Остался жив. Ему повезло — но он не должен об этом догадываться. Всего-то хотел за барышней приударить, а могли башку оторвать ни за что. Просто потому что оказался не в то время и не в том месте. Она и раньше не склонна была видеть в мужчинах защитников, потому что в конечном итоге свои проблемы решала сама. Теперь необходимость в защите отпала и вовсе... но почему он не обнимет ее, как в подобной ситуации какой-нибудь Сталлоне обнимал в кино спасенную им женщину?

— Главное, что мы оба целы и невредимы. Где у тебя душ? — Только произнеся эту фразу, Маша поняла, что держалась в боевой стойке, которую переняла от Нгу Май. А еще гадала — почему не обнимет?

Андрей расслабился, выдал полотенце и халат с тапочками, пообещал заварить чай. Маша расплущилась в ванне и замерла: ей было страшно, и природа этого страха была отличной от той морозной стрелы, которая пробегала по спине при первом приближении опасности. «Найдешь причину — перестанешь бояться». Нет ничего страшнее, чем быть отвергнутой.

Бояться было некого, кроме самой себя прежней: бесформенной, никак одетой и никак причесанной, забитой и загнанной в угол, убежденной, что никому не сможет понравиться. От бесформенности не осталось и следа, сказывалась диета воинов Индры. Одежда в данной ситуации не играла никакой роли. Выгоревшие на солн-

це кудрявые пепельные волосы и загар только усиливали причудливый контраст между разрезом глаз и европейским овалом лица. Женщина со шрамом от меча и знаком Саламандры не должна бояться никого и ничего по определению!

Презрение и брезгливость к собственному телу исчезли. Она изучала себя заново, и человек, который ждал ее за дверью ванной комнаты, мог в этом помочь. Рука сама включила на полную мощность холодный душ, вода как будто смывала бесчисленные страхи. Если в ее роду были короли огня и воды, то вода — союзник и придаст ей силы. Огонь — всепобеждающее мужское начало, вода — женская текучая сущность, не зря знак Саламандры объединяет обе стихии. «Огонь, дай мне силу и твердость! Вода, дай мне гибкость и мудрость! Помогите мне, пожалуйста...» Взглянула в зеркало и вслух произнесла:

— Я буду любимой и желанной. Здесь и сейчас.

Накинула махровый халат и вышла из душа.

Андрей протянул чашку, дождался, пока гостя сделает пару глотков, только потом спросил:

— А что у тебя в чехле?

— Сувенирный меч.

— Ничего лучше придумать не могла?

Если не знаешь, что ответить мужчине, — улыбайся и молчи. Маша смогла последовать правилу только наполовину.

— Я не могла придумать повод, чтобы позвать тебя в свой номер после ужина! А ты хочешь, чтобы я объяснила тебе происхождение меча... — И растерянно улыбнулась.

— Молчи, женщина. Иди сюда. И ничего не объясняй.

глава 2

Ведет утреннюю зарядку Петр Гордеев, музыкальное сопровождение — пианист Родионов...» Эта фраза всплыла в памяти вместе с музыкой — бодрой, в меру бравурной; Маше показалось, что ей пять лет, и она просыпается дома, под звуки репродуктора, а на кухне мама включила воду и готовит завтрак. Через секунду она вспомнила, что находится в Нячанге, на съемной квартире, в гостях у человека,

с которым познакомилась вчера вечером. Еще через долю секунды вспомнила остальное. Выглянула в окно: было слегка пасмурно, с улицы действительно доносились звуки радиопередачи. Доброе утро, Вьетнам! Без переводчика понятно, что диктор читает официальные новости. А улицу заполнили велосипедисты, торопившиеся на работу, день здесь начинался рано.

На столике валялся открытый бумажник с документами, но Маша постеснялась в него заглядывать. Все, что Андрей сочтет необходимым, он расскажет ей сам. С кухни потянулся волшебный запах кофе. Маша неслышно подкралась к дверному проему и несколько мгновений разглядывала его: хорош, просто сил никаких. Он почувствовал взгляд, обернулся, обнял, понес обратно в спальню. Кофе они пили остывшим.

— У тебя есть планы на сегодня?

— Мне нужно встретиться с одним человеком, — уклончиво ответила Маша, ожидая расспросов.

— Знаешь, пока ты спала, я позволил себе достать твой меч и хорошенько его рассмотрел. Я в детстве увлекался боевыми искусствами, как многие мальчишки. У твоего меча необычная форма, это старинное оружие, похожее на японскую катану.

— Ты хорошо в этом разбираешься?

— Не настолько. Но я залез в интернет...

— Тут есть интернет?

— Конечно. Апартаменты сделаны по современным стандартам, вай-фай, у меня компьютер с собой. Я пошарил по разным оружейным сайтам. Хочешь посмотреть?

— Конечно! — Маша кинулась к монитору.

Андрей глянул на нее исподлобья, — как ребенок, который принес дневник с разными оценками и теперь ожидает реакции родителей:

— Она ничего не рассказывает о себе и ни о чем не спрашивает. Она расправляется с противниками и не просит о помощи. Что для нее ночь любви? Ее интересует форма гарды и толщина клинка...

— Нет! Нет! Я потом посмотрю...

Они вернулись к теме оружия через пару часов, когда из-за облаков вылезло солнце и жара стала настолько сильной, что выбираться в город было бессмысленно. Андрей долго и со вкусом перебирал разные сайты с примерами различных воинских экипировок.

— Это не японский, а вьетнамский меч. Сделанный не менее трехсот лет назад.

— Возможно.

— А что за деревяшка с иероглифами лежит у тебя в чехле?

— Понятия не имею. Пусть лежит, не мешает.

— На ножнах такие же иероглифы вдоль рисунков. Тебе известно, что они обозначают?

— Мне только сказали, что это древняя вьетнамская письменность.

— Кстати, ты здесь купила меч?

— Ты не поверишь, нашла его пару месяцев назад в Москве, в забытой кладовке собственной квартиры. Путь его оказался причудлив. Но ты в это тоже не поверишь.

Она увидела выражение лица Андрея:

— Не обижайся. Это правда. Вернее, часть правды.

— Я даже могу предположить, что ты нашла его в кладовке. Гипотетически. Но зачем ты взяла его с собой во Вьетнам?

— Если я начну рассказывать, ты тем более не поверишь ни единому слову. Лучше не спрашивай. Пока...

Он наклонил лобастую голову, уставился в пол:

— Я не буду спрашивать ни о чем. Только я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Да что со мной случится?

— Конечно, ничего. Если не учитывать тот факт, что за время нашего знакомства тебя два раза пытались убить. И я просто случайно оказался рядом.

— А может быть, это тебя пытались убить два раза подряд, а я просто случайно оказалась рядом?

— Кому я нужен? Я давно хотел побывать во Вьетнаме. Мои приятели заказывали тур через фирму, были в восторге от поездки. Они жили в гостинице, но потом выяснили, что гораздо дешевле напрямую бронировать апартаменты по интернету. Я договорился, заказал через фирму только визу, билеты и пару экскурсий, сел в самолет и прилетел. Я в отпуске, понимаешь? Я не собирался искать приключений на свою задницу. А тут ты. Ночью. На пляже. С мечом. С татуировкой. Со шрамом. Кругом наемные убийцы с сюрикенами! Бред! — На его лице было написано недоумение и отчаяние. Как по-

казалось на секунду — чрезмерное недоумение и чрезмерное отчаяние. «Показалось», — решила Маша.

— Случайность, — улыбнулась она снова, — а можно, я задам тебе один вопрос? Не пугайся, не буду спрашивать, женат ли ты.

— Напрасно! — он выпрямился. — Могу ответить честно: в данный момент не женат.

— Я хотела спросить, где и кем ты работаешь.

— Был сисадмином в крупном совместном холдинге. — Вероятно, Машино лицо выразило столь глубокое изумление, что он поспешил добавить: — Вернее, раньше был сисадмином, а потом перешел в аналитический отдел. Благо образование позволяет.

Видала Маша разных сисадминов: некоторые читали общечеловеческие книжки, а некоторые даже занимались карате или дайвингом. Если он и был сисадмином, то специально обученным. Маша еще раз кинула взгляд на безупречную мускулатуру: «Если он аналитик, то я китайский летчик Джао Да...»

— А что ты окончил?

— Институт геодезии и картографии. Там было очень хорошее базовое образование. И компьютеры сам собирал, и железо чинил, и программы взламывал, потом меня пригласили в этот холдинг. Пришлось немного сменить род деятельности. Сейчас занимаюсь аналитикой, изучаю рынок...

Выпускников Института геодезии и картографии во времена ее молодости регулярно приглашали на работу в ГРУ, и вряд ли эта система изменилась с течением времени. «Я подумаю об этом потом...»

— А я менеджер в рекламном агентстве.

Он явно собирался что-то еще спросить, но Маша опередила его:

— Если позволишь, я воспользуюсь интернетом и проверю почту. Вдруг кто-то из моих заказчиков проклюнулся?

— Конечно! — Он тактично пошел на кухню. — Я пока тебе сок сделаю. Со льдом?

«Когда и кто в последний раз тебя спрашивал, положить ли лед в стакан?..»

— Со льдом.

Он вошел со стаканом сока в тот момент, когда Маша читала письмо от востоковеда.

«К сожалению, Мария, я ничего конкретного не смог пока узнать о Зое Осоке. Но мне удалось разыскать родственников человека, изображенного на Вашей фотографии, я кое-что рассказывал вам о нем. Попробую с ними встретиться, возможно, что-то удастся выяснить.

Что касается надписи: мой однокурсник-китаист утверждает, что иероглифы похожи на китайские, но таковыми не являются. Однако ему удалось проконсультироваться со своим коллегой-вьетнамистом, и тот признал древнюю разновидность вьетнамской письменности. Она называется «ты ном». Он списался с самым крупным в мире специалистом по «ты ном», работающим в Ханойском университете. Вьетнамский профессор был столь любезен, что немедленно ответил. Надписи означают:

1 — «Черный дракон ждет своего часа».

2 — «Черный дракон охраняет огонь под водой».

Вьетнамский профессор выразил крайнюю заинтересованность в аутентичности надписей и хотел бы узнать, где и при каких обстоятельствах они были сделаны. Надеюсь, мы с Вами еще увидимся, и Вы мне расскажете об этом более подробно. С уважением...»

— Видишь? — Маша увеличила текст письма. — Вот что означают надписи на мече и на ротанге. Ротангом называется деревяшка в чехле.

Андрей пожал плечами:

— И что?

— Да вот и я думаю: ничего не понятно, а каждый норовит мне башку снести. Надо ответить.

Она написала буквально два слова: «Спасибо за внимание и помощь, я сейчас отдыхаю, если будет возможность — увидимся в Москве». А больше писем в почтовом ящике не нашлось: кроме востоковеда в штатском, ею никто не интересовался. Впрочем, сейчас ее зовут Мария Ким.

— Кто помог тебе расшифровать иероглифы?

— Один знакомый востоковед. Тебя заинтересовал текст?

— Скорее сами рисунки. — Его лицо стало серьезным, пожалуй, впервые за все время их непродолжительного знакомства Маша увидела на нем выражение полной сосредоточенности и легкой отрешенности, словно он всматривался не в рисунки, а куда-то дальше. Наверно, так же выглядела она сама, когда брала в руки меч.

— Жареным запахло?

— Боюсь строить предположения. Я в прошлой жизни несостоявшийся ученый...

— ?..

— Писал диплом и собирался делать диссертацию по тектонике Зондского шельфа. Побережье Южно-Китайского моря является его частью. Потом научную деятельность пришлось сменить на нечто другое, более реальное... и вот я на шельфе Южно-Китайского моря. — Он улыбнулся, Маша поняла: недоговаривает. Имеет право.

Он пошарил в компьютере, вывел на экран три диаграммы.

— Вот диаграммы зон магнитных аномалий, вот зоны тектонических разломов. Они частично совпадают. А вот участки проявления подводной вулканической деятельности на шельфе Южно-Китайского моря. Смотри, при совмещении выявляются несколько точек, в которых эти диаграммы совпадают. Совмещаем наши диаграммы с твоими изображениями. Видишь?

— Похожи. Все три. В той же последовательности. Четвертый рисунок немного отличается. И о чем это говорит? Какова связь между изображениями на ножнах, иероглифами и твоими диаграммами? Неужели полуграмотный вьетнамский оружейник триста лет назад мог знать об особенностях... тектонических разломов, я правильно выговариваю? А уж насчет магнитных аномалий... так можно любую теорию подогнать под любую легенду, и наоборот.

— Согласен. Но мы все равно не выйдем из дому раньше пяти вечера, когда жара чуть спадет. Так позволь немного пофантазировать.

— Валяй. Свари мне еще чашку кофе, и можешь рассматривать любые гипотезы, вплоть до самых бредовых.

— Покажи, пожалуйста, еще раз сами надписи.

Маша достала из сумки флешку, на которую еще в Москве предусмотрительно пересняла документы, открыла нужный файл:

— Смотри. Это фотография из старой газеты. Здесь иероглифы лучше читаются.

Андрей попытался разобрать, что написано в заметке, просил Машу перевести пару абзацев, но не нашел ничего содержательного: общие слова о сотрудничестве ученых — этнографов, археологов, геологов...

— Кто эти люди?

— Справа — Амиров: его настоящее имя — Амир. Отец моей тушки, разведчик, вернулся в СССР и был расстрелян в 37-м. В середине — знаменитый археолог Голубев. Он преподавал много лет в Сорбонне, был знаком со всеми представителями научной элиты, так или иначе работавшими в Индокитае.

— А кто еще изображен на фото? — спросил Андрей. — Какой-то китаец, подпись затерта наполовину... Смотри, мускулатура даже на старой фотографии выпирает из-под костюма. Лицо у него скорее бандитское. И похож он на охранника с Черкизона. Согласись, на ученого больше похож кудрявый. Вер-ни-ер? — прочел он по слогам.

Маша несколько секунд подумала и тихо ответила:

— Вернье. Ничего случайного не бывает...

— Тебе знакома фамилия Вернье?

— У нас в роду была одна француженка, Натали Вернье. А ее отец был членом Французского географического общества, кажется, геологом...

— Ничего случайного не бывает! Я уверен теперь, что человек по фамилии Вернье с этой фотографии тоже геолог. Я читал две работы Симона Вернье, посвященные структуре Зондского шельфа. Видишь ли, в двадцатые годы в геофизике существовало много разных теорий происхождения земной коры и процессов, происходящих в ядре планеты. Геосинклинальная теория, теория тектогенезиса, гипотеза магматических течений... — Он осекся, увидев выражение Машиного лица. — Прости, в моей незаконченной диссертации целая глава посвящена этой теме. Структура коры на шельфе Вьетнама уникальна. Это достаточно молодая платформа, под которой по-прежнему происходят глубинные мантийные процессы. Они дают приток углеводородов по трещинам тектонического происхождения. Именно здесь трещинное пространство коры напоминает мехи гармони, которые периодически расширяются и сжимаются. Гранитоидная структура коры включает в себя обширные пустоты, постепенно заполняемые органическими соединениями... — Он слотнул слюну и запнулся. — Но в двадцатые годы прошлого века об этом никто еще не мог знать. Могли только догадываться. Впрочем, я утомил тебя?

— Отнюдь. Каким образом связана структура шельфа и рисунки на ножнах моего меча? При чем тут «черный дракон»?

— Надо подумать. Дай-ка посмотреть ножны...

Маша протянула меч, на всякий случай шепнув: «Чучело, это свой!» Он достал из кармана сумки миниатюрную лупу и вглядывался в тонкую резьбу.

— Готов поспорить, что рисунки и иероглифы нанесены гораздо позже, видно даже, что слой лака был нанесен поверх предыдущего. Что это означает?

— Да все, что угодно. В тридцатые годы Голубев написал изречения о черном драконе на вырезке из газетной статьи, допустим, это была цитата из какого-нибудь Конфуция. Разведчику Амиру — отцу моей тетки — так понравились иероглифы, что он попросил кого-то вырезать их на ножнах меча...

— ...и снабдить иллюстрациями, несущими информацию о тектонических разломах на Зондском шельфе? Бред какой-то!

«В 30-е годы Юэн Чай Ван работал под чужим именем на Дальнем Востоке. Некий разведчик из СССР выручил его в сложной ситуации. Юэн Чай Ван отдал ему свой меч в знак благодарности... — вспомнила Маша рассказ старого монаха в школе Индры. — Драконы, вулканы... ох неспроста все это... Ван не успел мне ничего рассказать...»

— Это все так сложно! Жара спадает. Давай собираться потихоньку?

Андрей улыбнулся в ответ. Но компьютер не выключал. Что-то его беспокоило. Надо было срочно отвлечь.

— Сейчас мы с тобой пойдем искать одного человека. Больше никаких теорий и загадок, ладно? — Ей все лучше и лучше удавалась та самая растерянно-загадочная улыбка, после которой мужчины перестают задавать вопросы. Он не задал больше ни одного вопроса — не до того стало.

Выходя из душа, Маша увидела, что Андрей сидит на диване, уставившись в пространство перед собой. И сообразила, что не сказала самой главной фразы, которую обязательно надо сказать мужчине, а именно: «Мне было очень хорошо с тобой». Черт бы побрал ее вечное одиночество, так и обидеть человека можно насмерть! Она присела рядом с ним на корточки и прошептала на ухо все, что положено шептать в таких случаях. Андрей просиял, обнял ее, подпрыгнул и пулей понесся собираться. Мужчины — на редкость примитивные существа.

«А ведь признайтесь, Мария, что вы ему сказали чистую правду. Не просто хорошо — в жизни так хорошо не было...» Впервые в жизни

Маша позволила себе все. Впервые в жизни она полностью отключила сознание и дала волю только телу. Впервые она была уверена в своем теле. «Я подумаю об этом потом!» — твердо произнесла невидимая литературная героиня Маргарет Митчелл.

— Я только еще раз в почту гляну... — крикнула Маша, застегивая босоножки. И увидела новое письмо от востоковеда, помеченное тоже вчерашним числом, — вероятно, он отправил его позже. Андрей нетерпеливо переминался с ноги на ногу, сверкая ослепительной улыбкой на фоне тропического загара. Маша Северцева плюнула бы на любые письма... но ее звали Мария Ким, и она прочла две строки:

«Мария, вы в большой опасности.

Будьте осторожны».

Она спокойно выключила компьютер, взяла сумку и чехол с мечом.

— У тебя документы с собой?

— А что?

— Мало ли...

Андрей наклонил лобастую башку, секунду подумал, опять ослепительно улыбнулся и принялся рассовывать по карманам документы, деньги, телефон... «Ох не прост ты, друг мой...» — подумала Маша. И поцеловала его, поднявшись на цыпочки.

глава 3

Найти Джерри Ван Чойса в большом курортном городе оказалось несложно. Ему, как маркизу Карабасу, принадлежали почти все мало-мальски бойкие фирмы в городе. В полиграфический центр Rainbow он сегодня заезжал, но вернуться не обещал, в химчистке Rainbow он бывал редко, в банке Rainbow & Co к ним привязался управляющий, который немедленно захотел что-то им впарить; оставался одноименный дайвцентр. Маша с Андреем брели в обнимку по теневой стороне улицы. В нижних этажах домов виднелись магазинчики, парикмахерские, массажные салоны, рядом с открытыми дверями лежали пакеты с мусором, под ноги проходим выплескивали воду, во влажном воздухе сгущался сладковатый запах подгнивающих фруктов. Абсолютная экзотика внешней

обстановки и полная нереальность происходящего так причудливо переплелись, что Маше показалось: ее нет. Другая молодая женщина бредет по чужому городу в обнимку с парнем, и другую женщину ждет другая любовь и другая судьба. Она прижалась к плечу спутника и уткнулась носом в его шею. Андрей растерянно замер и обнял ее:

— Ты чего? Все хорошо будет, не бойся... — и шептал что-то ласковое, как ночью...

До дайвцентра они добирались долго. Останавливались в кафе, пили густой сок манго с ледяной взвесью, грызли чипсы, разглядывали невесомые шелковые платки в маленьких магазинчиках вдоль дороги, рассматривали высушенные фигурки морских коньков в сувенирных лавках, брызгались водой из уличных фонтанчиков. Андрей учил ее переходить дорогу перед носом у несущихся велосипедистов. За три дня во Вьетнаме он понял: нужно просто идти, не меняя траектории, тогда звенящая толпа тебя спокойно объедет. Маша переходила улицу, держа его за руку и почти зажмурившись, как в детстве. Наконец добрались до портовой зоны, утыканной складами и гаражами. У пирса болтались пришвартованные туристические катера, вернувшиеся с дневных экскурсий. Между ними покачивались местные лодки-долбленки, похожие на огромные кокосы. Казалось, великанские скорлупы прибило к берегу волной.

В дайвцентре их встретила обаятельная девушка, защebetала на птичьем английском. Они не без труда разобрали, что мистер Ван Чойс вот-вот придет, и присели подождать его в саду. Девушка предложила им пока посмотреть ассортимент дайвшопа: маски, ласты, дайверские примочки, фирменные бейсболки и майки. Маша вспомнила Валеркины уроки подводного плавания, выбрала маску с трубкой и ласты. Андрей купил бейсболку оранжевого цвета, а ей — такую же яркую майку, в переливах оранжевого и красного. Уговорил переодеться немедленно. Девушка захлопала в ладоши:

— Леди, вы очень красивая!

Она взглянула в зеркало: помолодела лет на двадцать, на загорелой коже пляшут оранжевые блики...

— Сколько тебе лет? — спросил Андрей, обнимая ее.

— Грубейшее нарушение прав человека! Уж всяко больше, чем ты думаешь...

— Хочешь сока? Я сейчас попрошу, — Он смутился и послушно ретировался.

«Господи, что с ним будет, если признаюсь, что у меня двое внуков...» — «Даже не думай!» — рявкнул внутренний голос.

Маша встала на цыпочки под высоким деревом, покрытым розовыми плодами, зажмурилась, принюхалась. И увидела невысокого худощавого человека. Стекла бликовали; вошедший человек не видел ее в упор. Вьющиеся светлые волосы скрывала бейсболка с логотипом Rainbow. Пронзительные глаза и характерный скошенный подбородок... мистер Ван Чойс собственной персоной. Она сделала шаг вперед, Джерри увидел освещенную солнцем женскую фигуру и на секунду замер, пытаясь разглядеть незнакому гостью.

— Леди? Вы ко мне?

— Я ищу мистера Ван Чойса, вероятно, это вы?

Джерри улыбался многозубой акульей улыбкой, загорелая кожа стягивалась резкими штрихами в уголках глаз, эти морщины выдавали возраст, холодные голубые глаза буравили в упор. Он разглядывал ее и словно обнюхивал. Маша улыбалась в ответ, кивала, сама по-прежнему стояла напротив Джерри, держа дистанцию, и звериный инстинкт твердил: будь с ним осторожна, Саламандра, он гораздо опаснее, чем кажется. «Ты будешь стоять в оранжевой одежде перед врагом, противник не должен тебя видеть...»

Лай сказал: к нему надо обращаться в самом крайнем случае. Может, пойти отсюда подобру-поздорову? Как на грех, Андрей по-прежнему ворковал с девушкой в глубине офиса, нельзя было терять время. Она сделала над собой усилие: здесь не было других людей, к которым можно обратиться за помощью.

— Мистер Ван Чойс, — сказала она, — меня зовут Мария Ким. Я из Москвы. Ваш адрес мне дал Лай, — и протянула Джерри водительские права Лая.

Тот внимательно посмотрел на документы и кивнул:

— Я хорошо знаю Лая. Но не знаю вас. Лай придет?

— Не придет. Его убили. Мы ехали в Нячанг, по дороге в нас стреляли. Погибли Лай и его друг. Лай говорил, что вы можете помочь в сложной ситуации. Я приехала в город вчера вечером. На

меня напали дважды: первый раз — на пляже, второй раз — возле отеля «Золотой дракон». Вот доказательство нападения. — Она протянула Джерри сюррикен. — У меня нет оснований вас обманывать.

Лицо Ван Чойса не изменилось. Появился Андрей со стаканом свежего сока, протянул Маше, она представила его:

— Это Андрей, мой друг, тоже из Москвы. — Подумав, добавила на всякий случай: — Он меня спас, — и сжала руку Андрея со всей силой, чтобы тот не ляпнул лишнего.

— Думаю, вам нельзя оставаться в городе. Подождите, я что-нибудь придумаю. — Джерри ушел в глубину офиса.

— Ты ему доверяешь?

— Ни грамма. Но мне сказали — обращаться к нему в крайнем случае.

— Полагаешь, у нас крайний случай?

— Кого-то из нас пытались убить дважды за ночь. Разве это не основание?

— Он проходимец, это видно. И он даже для приличия не посоветовал нам обратиться в полицию...

— Хуже. Он проходимец старой школы. Но у нас нет других вариантов.

Джерри отсутствовал около получаса, девушка носила им сок, кофе, фрукты, предлагала журналы. Появился Ван Чойс, выдал адрес и телефон маленького отеля «Парадиз», расположенного на острове в паре километров от города.

— Вы сможете нас туда отвезти?

— Нет, у меня, к сожалению, еще дела в банке, бизнес... — он развел руками, — мой помощник придет за вами и лично отвезет на остров, это пятнадцать минут хода на катере. Завтра я позвоню в отель и заеду за вами, вместе решим, что делать дальше.

Маша с Андреем переглянулись. Он был прав, только слушаться его не хотелось. Андрей обнял ее: ничего, мы вместе, я не дам тебя в обиду...

Вскоре пришел невзрачный человечек в фирменной бейсболке дайвцентра и на ломаном английском предложил следовать за ним. У пирса болтался на волнах спидбот: плоскодонный скоростной катер, приспособленный для дайверов, со специальными круглыми

углублениями для баллонов на деревянных сиденьях, дайвдеком — откидной плоской кормой для захода в воду. Андрей задумчиво держал в руках одиноко лежащий дайверский комплект, покрутил что-то, отодвинул, сел рядом, спидбот рванул с места. В лицо летела водяная пыль, превращаясь в радужную дымку, бот подкидывало на крупных волнах, Андрей прижал ее к себе...

— Женщина! Я встретил тебя вчера вечером! За это время я дважды участвовал в криминальных разборках, изучил рисунок твоей татуировки, прочел все, что можно, в интернете о вьетнамском оружии, познакомился с главным мафиози Нячанга и теперь не могу вернуться в апартаменты, потому что меня там могут убить. Может, прыгнуть за борт, пока не поздно, и в нейтральные воды? В баллоне еще 100 бар, между прочим.

— Откуда ты знаешь? — изумилась Маша.

— На манометр посмотрел, — уклончиво отвечал Андрей.

«А ты не так прост, как хочешь казаться...»

Бот проходил сквозь узкую горловину бухты, где две голые серые скалы нависали одна против другой, у их подножий бурлила вода, торчали острые верхушки рифов.

— Сцилла и Харибда Южно-Китайского моря... — пробормотала Маша.

— На каждую Сциллу найдется своя Харибда, — с ходу ответил Андрей.

«Ох, не похож ты на человека, который Гомера читал. Хотя Аполлинарьевич тоже был не похож, а читал перед сном...» Происходящее опять показалось таким нереальным, что палуба ушла из-под ног. Голова закружилась. Нет, это не проделки вестибулярного аппарата, это опасность хлестнула по рецепторам, как порыв ветра...

— Пригнись! — заорал Андрей, бросаясь на палубу и накрывая ее своим телом.

Маша вспомнила меткое наблюдение своего приятеля—любителя американских экшен: в каждом блокбастере герой непременно должен крикнуть своей подруге «пригнись!» Без этого и боевик не боевик, и герой не герой, и подруга не подруга. Наконец и ей кто-то крикнул волшебное слово «пригнись!».

Автоматная очередь прошла над бортом катера, моторист выпустил штурвал, бот начало швырять. Маша не видела нападавших, пока бот

не развернуло на волне почти вертикально. Их догонял большой дизельный катер, с него-то и грохотал автомат. Андрей сунул ей ласты и маску, сам начал натягивать дайверский комплект.

— Прыгай в воду! Доплывешь до берега?

— А ты?

— Догоню. Я умею плавать с аквалангом, за меня не беспокойся...

Вода. Безопасность. Эти два понятия в сознании Саламандры были слиты воедино.

— Уходи к скале! Под водой безопаснее. Там подождешь меня. И не поднимайся на поверхность, пожалуйста.

— Куда ты? — он схватил ее за руку.

Разве можно остановить Саламандру, если рядом есть вода? Она высвободила руку и мгновенно ушла в теплую серо-зеленую океанскую глубину. Вода оказалась мягкой и упругой — таким может быть только океан. «Отключись!» — приказала себе Саламандра. И произнесла заклинание, придуманное ночью: «Огонь, дай мне силу и твердость! Вода, дай мне гибкость и мудрость...»

Чувств не осталось: она видела только смутную большую тень на поверхности, откуда доносился грохот, и эта тень была ее мишенью. Саламандра подкралась к мишени почти вплотную, вылетела из воды, пробила зыбкую зеленую грань невесомым телом, на взлете развернула лапу, выплескивая огненный гребень. Не дожидаясь взрыва, ушла в глубину. Звук достиг ее, оглушил, она на некоторое время замерла в толще воды, потом медленно поплыла в сторону берега, ориентируясь по колебаниям водорослей и волнистому рисунку песчаного дна. Выбралась к скале, медленно обогнула ее, прижалась телом к большому обломку рифа. Здесь было безопасно. Можно оставаться здесь долго. Замерла возле стенки и почти отключилась... но потом вспомнила, что надо всплыть, и в полузабытьи пошла вверх.

Маша пришла в себя оттого, что Андрей немилосердно тряс ее и бил по щекам. Перехватила руку, занесенную для очередной оплеухи.

— Я чем-то тебя обидела?

— Напугала до смерти! Я тебя у скалы подобрал, на поверхности. Не дышит и все. Живая. Машенька...

Впервые за многие-многие годы ее называли Машенькой. В Южно-Китайском море не очень соленая вода, но сейчас вся соль океана щипала ей глаза.

— Как мы попадем на берег?

— На том же катере, — усмехнулся Андрей, — видишь, наш моторист жив-здоров и машет ручкой!

Бот с надписью Rainbow на борту действительно дрейфовал возле скалы, ошеломленный моторист махал бейсболкой, показывая то в сторону догорающего катера, то в сторону берега.

— Думаю, с Джерри нам лучше больше не встречаться, — тактично заметил Андрей, когда они снова оказались на борту.

— Да, в порту мы должны исчезнуть.

— И куда теперь?

— Я знаю одно место. Там меня всегда примут. И тебя тоже.

— Как мы туда попадем?

— Сядем на мою машину, если она еще на месте, и поедем.

— Откуда у тебя машина?

— Напрокат дали...

— Объясни, ради бога, где ты научилась так нырять?

Маша развела руками:

— В пионерском лагере, в секции подводного ориентирования...

Андрей помолчал минуту, потом проворчал:

— Не буду больше задавать тебе вопросы. Смысла нет.

Им пришлось заночевать в маленькой деревушке чуть в стороне от трассы, уходящей вверх, к перевалу. Хозяин придорожного фастфуда договорился о ночлеге для своих поздних клиентов в маленьком домике напротив кафе.

Маша с Андреем смогли пересчитать синяки и ссадины, полученные за время их непродолжительного знакомства. Андрею досталось больше — помимо последствий ночной потасовки, он boldly ободрался об риф, когда отлавливал Машу после взрыва катера. Впрочем, у этого обаятельного молодого человека оказалась с собой мини-аптечка, содержащая все, вплоть до шприца и пары ампул обезболивающего. В ответ на немой вопрос пожал плечами: спортом много занимался, привык возить с собой НЗ. Маша не склонна была доверять этому объяснению. Но если в результате фантастических событий ей суждено было оказаться во Вьетнаме, то вряд ли ей должен встретиться там простой сисадмин... Впрочем, она подумает об этом завтра. А сейчас над перевалом собирался туман, сквозь кото-

рый просвечивали огромные южные звезды, орали цикады, шум леса и ветра не заглушали ни музыка, ни шум курорта, поселок спал. Ночь обволакивала, не хотелось строить планы на завтра, задавать друг другу бесполезные вопросы. Они обнялись и молчали, стоя под высоким деревом, напоминающим шелковицу. Раздался легкий звук, похожий на прыжок или шлепок, Маша вздрогнула.

— Не бойся, — шепнул Андрей, — это перезревшие ягоды падают на землю. Посмотри...

Маша вспомнила, как возили ее родители в Анапу лет в пять и как шла она вечером, держа за руки родителей, и старалась не наступить сандаликами на темно-фиолетовые ягоды, усыпавшие плиточный тротуар.

— Не бойся.

Она прислушалась к себе: опасности не было. Просто не могло быть: сейчас их охраняло самое сильное волшебство, существующее в этом мире, да впрочем, и в любом другом. Кем были раньше эти двое, какие носили имена, что привело их сюда, в горную деревушку на перевале, под мерцающий в тумане Южный Крест — не имело значения. Теперь они были вместе.

глава 4

Машину пришлось оставить далеко от развилки, к храму они поднимались пешком. Маша не рискнула близко подходить к дому Май. Солнце палило во всю силу, в тени деревьев дышать было нечем. Тропинка вывела их к ручью и полуразрушенным каменным ступеням. Но никого из оранжевых воинов не было видно.

— В школе каникулы, — пробурчала Маша, тщетно озираясь в поисках хоть одного из своих недавних знакомцев.

— Мы кого-то ищем? — осведомился Андрей, он запыхался и явно был сам не рад обещанию не оставлять ее одну. А не давал бы опрометчивых клятв — не пришлось бы по жаре в гору лезть...

— Смотри!

В тени, у входа в храм виднелась неподвижная фигура в оранжевом балахоне.

— Зыонг?

Сидевший монах обернулся. Его лицо показалось Маше незнакомым. Впрочем, за дни пребывания в Школе воинов Индры она с трудом смогла запомнить нескольких человек.

— Зыонг нет, — на очень плохом английском ответил тот. — Никто. Все уезжать. Большой кар.

Видя растерянность Маши, добавил:

— Ты искать Зыонг?

Маша достала из рюкзака вытертый черный пояс — подарок Нгу Май — и оранжевую накидку с изображением молнии, протянула монаху. Тот закивал:

— Да, да, ты прийти. Зыонг ждать. Зыонг нет.

И засуетился, предлагая гостям воды, чаю, лепешек. Маша махнула Андрею рукой: привал.

Они отдыхали в тени деревьев, прислонившись к теплым камням. Немногословный бритоголовый монах показал жестом: он будет в храме. И оставил их вдвоем.

— Объясни мне: мы от кого-то убегаем или кого-то ищем? Что вообще происходит? — он взял ее за руку, развернул лицом к себе: — У тебя неприятности? Почему ты молчишь?

— Это старый буддистский храм. Здесь мало говорят, больше медитируют. И обучают древнему воинскому искусству. Мне довелось провести здесь несколько дней. Я надеялась застать моего учителя. Думала, он объяснит мне суть происходящего. Но, как видишь, его нет.

— Кто нам объяснит теперь, почему в тебя на пляже бросают сюрикены и пытаются расстрелять катер, как только ты ступаешь на палубу?

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Объяснений тут не дают. Тут учат.

— Тебя лично чему здесь научили?

— Да так. Броски — захваты — мае-гери... медитация-концентрация...

Маша зашла в приземистое полуразрушенное здание, где темноту пересекали две резкие полосы света. Монах расставлял ароматические свечки возле маленького изображения Будды. Маша тронула его за локоть, скинула просторную марлевую рубашку, показала изображение на лопатке.

— Кто я? Что я должна делать? — протянула зачехленный меч.

Монах ответил:

— Ты — воин Индра. Ты... — и ткнул пальцем в изображение саламандры. Указал на меч: — Идти. Огонь. Вода.

— Она не воин! Она женщина! — не выдержал Андрей, отталкивая его руку. — Она будет воевать, а ты будешь свечки расставлять? — добавил он по-русски. И опять перешел на английский: — А я? Зачем я здесь?

Монах улыбнулся, прищурился:

— Она идти. И ты идти. Огонь, вода.

— А как насчет медных труб?

Монах достал бумажный сверток, пошарил в нем и вытащил две красные шелковистые ниточки. Не успели Маша с Андреем перегляднуться, а он уже завязал одну ниточку на запястье Андрея. Перед тем как завязать ниточку Маше, он сощурился, переспросил:

— Левая?

Похоже, монах запомнил, как она непривычным левым хватом порой ставила в тупик тех, кто ее обучал. Значит, он был здесь, когда Машу посвящали в ряды воинов Индры...

Красная ниточка обвила ее левое запястье. Монах отступил на полшага, оглядел обоих, брызнул водой, улыбнулся:

— Идите. Ты искать дорога...

— Куда? Зыонг ничего не просил мне передать?

— Зыонг торопиться, все оставлять так... — и, жестом изобразив крайний сумбур, махнул в сторону наспех брошенных книг и газет. Поклонился обоим и ушел обратно в храм.

— Восточная экзотика! Он чего-то недоговаривает и прикидывается, что не говорит по-английски.

— Подожди. Мне надо подумать. Пожалуйста... — она не смогла бы выговорить: «Оставь меня одну», но Андрей увидел умоляющее выражение глаз и понял сам.

— Пройдусь, может, найду что-нибудь полезное... — И поплелся вниз, к запруде, обиженный и расстроенный.

«Почему он не пытается отговорить меня от опасных приключений, не предлагает ехать прямо в Сайгон? Почему он ничего не спрашивает и старается мне не мешать? Почему он сопровождает меня? От внезапно вспыхнувшей страсти?» — «Ты ему не веришь?» — «Я подумаю об этом потом».

Она пошарила в бумагах и книгах, оставленных Зыонгом: ничего. Томики на китайском, газеты. Едва взялась за стопку, несколько листов полетели в разные стороны. Маша махнула рукой и уселась под высоким деревом. Шершавый теплый ствол чуть подрагивал от порывов ветра. Что теперь делать? «Делай! Смысл — в действии!» Это она слышала во сне несколько дней назад, когда задремала здесь, на холме...

Под ноги со ствола свалилась ящерка. Юркнула в корнях. Потом рядом прошмыгнула другая, и еще одна, и еще... Она закрыла глаза, прислушалась. Шорохи сливались в неясные тихие голоса:

— Саламандра! Саламандра! Спешите!

— Куда?

— Мы знаем, что ты должна торопиться. Тот, кто внизу, ждет тебя. Он сердится, что ты не приходишь. Мы не понимаем, мы только слышим, когда он сердится.

— Куда я должна идти?

— Спешите, Саламандра!

— ...ты устала, девочка моя? — Андрей гладил ее по волосам. — Задремала? Устала? Машенька, я болтаюсь у тебя под ногами, ты прости, что я за тобой увязался. Я боюсь за тебя, понимаешь? Я даже представить не мог, что такое чудо может оказаться на моем пути. Я не знаю, чем помочь и как защитить. Если я тебе мешаю — ты скажи честно, я уйду. Можно, я пока рядом буду? Вдруг пригожусь? Как Конек-Горбунок?..

— Прости меня, — выдохнула Маша шепотом, прижимаясь к мощному плечу. — Я не могу тебе ничего объяснить. Пока...

— Не надо ничего объяснять. Ты позволь мне быть рядом...

А когда они встали, обнявшись, Машин взгляд упал на лист газеты из стопки, лежавшей на столе Зыонга: его сдуло ветром. Обычная рекламная страница, испещренная объявлениями в одну-две строчки. Некоторые были в рамочках, с логотипами фирм и набраны более крупным шрифтом. Вьетнамская латиница рябила в глазах, Маша подняла листок и тупо разглядывала его.

— Ты читаешь по-вьетнамски? — недоверчиво спросил Андрей.

— Я раньше бегло читала на одиннадцати языках, — пробормотала она, не отрываясь от листа, — но это были европейские языки. Зачем-то газета оказалась на столе Зыонга. Надо подумать.

— Мало ли откуда взялся листок.

— Монахи газет не читают. Туристы здесь не ходят. Зыонг просто так ничего не делает. Ничто не бывает случайно. Пожалуйста, не мешай мне.

Она присела в тени, прикрыла глаза: «Я ящерица на камне. Я просто смотрю...» Окружающее отдалилось и стихло.

С чего все началось? С найденного меча. Что последовало за находкой? Она ощутила в себе нечто новое. Куда это привело? Во двор на Маросейке... Именно во дворе на Маросейке закончилась предыдущая жизнь. Медная табличка на двери, надпись на двух языках — одна на французском, другая точно была написана специфической вьетнамской латиницей. Какая надпись была на вывеске медицинского центра? Что она увидела в последнюю секунду перед тем, как на нее напали двое? Соседнее здание с солидной бронзовой доской, на которой изящным шрифтом выбит был какой-то логотип. Какой? Потом, сейчас не вспомнить... Солнечный зайчик от этой доски ослепил ее на мгновение, она потеряла сознание. Очнулась уже в больнице, взглянула на мир новыми глазами, ничему не удивляясь. Что было сразу после пробуждения Саламандры? Распутала бинты и пошла в соседнюю комнату. Что там увидела? Меч, низкий журнальный столик из стекла и компьютер. На экране — медицинские записи на английском языке, стандартный вордовский документ. Она равнодушно скользнула по ним взглядом, взяла меч и вышла. В углу открытого файла виднелся маленький овальный синий значок — логотип медицинского заведения. Овальный синий значок с белыми буквами... Картинка укрупнилась, она отчетливо увидела логотип: CIRMS — Centre international de recherches medicales et scientifiques. Международный центр медицинских и научных исследований. Такой же маленький овальный логотип рядом с названием был на медной табличке на дверях центра на Маросейке...

Маша открыла глаза и сразу нашла в правом нижнем углу газетной страницы овальный значок с буквами CIRMS. А мелко — адрес и телефон.

— Нам туда, — она чмокнула в щеку растерянного спутника. — Пойдем, спросим, где это, и попрощаемся.

Маша позвала монаха, спросила, тыкая пальцем в объявление: где это? Андрей достал карту. Монах показал кружочек, обозначающий город Туихоа. Это был центр соседней провинции Фуйен.

— Время. Вы двое идти. Солнце низко. — Поправил на Машином плече меч. И поклонился ей без тени улыбки, как настоящий воин Индры перед ритуальным поединком. Маше ничего не оставалось, как отвести ответный поклон.

Храм скрылся за поворотом заросшей лесной тропинки. Андрей достаточно долго молчал по пути вниз, потом тихо поинтересовался:

— Машенька, из какого фильма был этот кадр?

— «Убить Билла-2»: «Иди, златовласый воин...»

— У тебя отличная память на цитаты. Это действительно был меч Хаттори Хандзо?

— Нет, это меч королей, — без тени улыбки ответила Саламандра, третьим глазом ощупывая заросли в поисках возможной опасности. Не найдя ничего подозрительного, добавила: — «Как причудливо тасуется колода...» — и вздохнула, увидев озадаченное лицо спутника. — А это Булгаков, радость моя. Прочти при случае. Пригодится...

глава 5

Медицинский центр располагался в центре в соседней провинции, расположенной на побережье, севернее Нячанга. Маша с Андреем добирались туда почти целый день, отвлекаясь на придорожные кафе, углубляясь в сторону от трассы — то к старому монастырю, то к полуразрушенной башне, то к скалам, усыпанным розовыми цветами наподобие вереска. В итоге добрались до окраин, сделали остановку возле кафе, где притормаживали на обед туристические автобусы и многотонные грузовики. Машину загнали на полянку в тень, сами решили прошвырнуться по близлежащим магазинчикам. Андрей периодически одергивал Машу: «Сделай лицо попроще». А та временами замирала и начинала отрешенно всматриваться в пространство перед собой. Андрей шутливо дернул ее за рукав, но встретил пустой ледяной взгляд, замолчал и ушел вперед. Маша догнала его через минуту:

— Нам надо поговорить.

— Не уверен... Может быть, мне лучше уехать обратно в Нячанг? Кажется, я тебе только мешаю. Сказала бы сразу: молодой человек, у меня дела, вы тут лишний...

«Мария, как вы себя ведете с молодым человеком? — А как, собственно, себя ведут с молодыми людьми? Да и с не очень молодыми? Я уж и не помню... — Не знаешь, с чего начать, — начинай с главного».

— Пойдем перекусим, я кое-что тебе расскажу.

Еда всегда создает благоприятный фон для общения с мужчинами, этот урок Маша крепко усвоила за недолгую семейную жизнь. Андрей не сопротивлялся. Курица с ананасами и суп из креветок, равно как и работающий в кафе кондиционер, примирили его с действительностью.

— Я буду рассказывать, ты будешь спрашивать, когда станет непонятно. Но имей в виду, что я сама знаю далеко не все.

— Может, вдвоем мы лучше разберемся?..

...Они сидели в тени большой скалы, нависающей над поворотом дороги, ветер посвистывал в траве, с моря доносился запах теплых водорослей, из кафе пахло картошкой фри, по небу медленно ползли волокнистые белесые облачка, не хотелось думать ни о чем. Выслушав краткий и облегченный пересказ Машиной одиссеи, из которой случайно исчезли многие биографические подробности, Андрей закинул руки за голову и замолчал надолго. Ей стало жалко своего спутника: он должен реагировать, обещать помощь и защиту, а любой здравомыслящий человек, услышав только часть истории, сбежал бы от греха подальше. «Пять минут до канадской границы...»

Лобастая стриженная башка уперлась в ее плечо.

— Я не понял, о каких необычных свойствах и физиологических изменениях идет речь?

— Лучше бы тебе этого не видеть, — честно отвечала Маша.

— Здесь так жарко... — растерянно пробормотал Андрей. — Между прочим, у нас в машине кондиционер. Стоит она в стороне от трассы, стекла тонированные, снаружи ничего не видно....

«Бедный мальчик. Ему немедленно надо доказать, что он мужчина. Создать иллюзию защиты...» Приобретя необычайную силу, она научилась жалеть окружающих. Не повезло парню — думал, что встретил женщину своей мечты, а получил крутой замес мифологии с физиологией...

— «Никогда не следует доверять женщине, которая назовет вам свой возраст. Женщина, способная на такое, способна на все!» Это Оскар Уайльд писал...

— Мне все равно, сколько тебе лет и кто ты на самом деле. Мне вообще все равно сейчас...

Маше тоже стало все равно. Их просто не было на этой планете. И ничего вокруг не было. И планеты тоже не было.

Они вывалились из другого измерения, когда солнце клонилось к закату. На пустынном шоссе иногда мелькали туристические микроавтобусы с яркими наклейками, развозившие путешественников по отелям после обзорных экскурсий.

— Нам надо спешить.

— Зачем?

— Андрюша, я не знаю зачем. Поверь моему звериному чутью. Я оттягиваю момент приезда, потому что боюсь.

— Чего?

— Неизвестности. Это самое страшное. Чем быстрее мы доберемся до медицинского центра, тем скорей я избавлюсь от страха.

— Может, не поедем ночью никуда? Я умираю от голода. Пошли в кафе.

— Я хочу переодеться в машине, закажи пока что-нибудь. Иди, я никуда не денусь...

— Нет уж, я тебя одну не оставлю. Ты без конца влипаешь во что-нибудь.

«Встретишь своего принца! И мало ему не покажется...» — пророчески произнес Аполлинарьевич миллион лет назад, провожая Машу с братьями на заброшенный полигон... Принц, загорелый и бесстрашный, стоял на страже, пока принцесса переодевалась. Чудеса да и только. Что ни скажешь — все сбывается. Маша впервые надела мини-юбку и настороженно ожидала его реакции. Реакция была адекватной. Обнявшись, они двинулись в сторону кафе.

— Подожди, босоножки застегну! — Маша наклонилась, подцепляя запутавшийся в траве ремешок, Андрей ступил на асфальт...

«Опасность!» Два мотоцикла с ревом вырвались из-за поворота серпантина. «Круговой обзор!» Один из них только подался вперед, а второй... автоматы в руках... «Наденешь раз в сто лет юбку,

и сразу такое начинается... Отключись!» — скомандовала себе Саламандра. «Чучело, ко мне!» — добавила уже особым, змеиным посвистом, не замечая даже, как в ладонь скользнула рукоять.

Очередь, визг покрышек на асфальте, огненный всплеск, разворот. Вторая автоматная очередь, неудобная траектория, уход в стойку змеи, еще один огненный гребень взвивается над шоссе... Мимо! Второй мотоциклист разворачивается в падении, целится... уход от двух очередей — работа против двух мечей... Саламандра распускает огненный веер с максимальным диапазоном... Земля. Сухая колючая трава у лица. Безопасность...

— Машка! Ты живая?

Она затрясла головой и села. Головокружение швырнуло ее обратно на траву. Повар и официантка из придорожного кафе изумленно глядели на дымящиеся мотоциклы. Никто ничего не заметил: просто ДТП, мотоциклисты всмятку, пара туристов цела и невредима, не считая ссадин на щеке у Маши и копоты на рубашке Андрея. Сочувствующие побежали вызывать дорожный патруль и медиков, Маша подобрала с земли сумку и сигареты. Андрей взял ее под руку:

— Поехали отсюда. Зачем нам проблемы с ментами? — и сам изумленно покачал головой: — Как в Нячанге, на пляже. Дежавю...

— Как говорилось в одном старом фильме, «в нашем деле главное — вовремя смыться...», — пробурчала Маша себе под нос, в то время как он выезжал на трассу. — Может, я все-таки за руль сяду? Машина-то на меня записана...

Андрей молчал. Проехав несколько километров по пустынному шоссе в сторону города, он внезапно затормозил и произнес, глядя в пространство перед собой:

— Я не верил. Теперь увидел сам.

«Вот и сказочке конец. Прекрасный сон закончился». Маша вздохнула.

— Я предупреждала, что лучше не видеть. Я тебе отвратительна? Решил сбежать? Я пойму. Не обижусь.

— Ты об этом сейчас думала?

— Возможно, это прозвучит ужасно, но я думала не о нас с тобой. А о том, что в первый раз промахнулась. Траекторию не рассчитала. Промах мог кончиться плачевно. Учили меня работать против двух мечей-бабочек, а против двух автоматчиков не научили...

— За что?

— Они могли тебя убить. Я бы ушла от них, а ты — нет, у меня реакция на порядок выше, чем у тебя. — Она обняла его за плечи: — Видишь, какой я урод. Раньше, находясь рядом с мужчиной, я могла задуматься о своих детях, никто из них мне этого прощал, и они уходили. Сейчас, находясь рядом с тобой, я думаю о том, что не рассчитала траекторию. Ты точно так же имеешь право обидеться и уйти. Вот он, долбанный путь Воина. Уж не знаю, зачем мне навязали этот путь, но выбора у меня нет.

Андрей отвернулся. И тут ледяной озноб, никак не отпущавший ее с момента атаки мотоциклистов, вдруг превратился в неудержимую дрожь, скрючившую тело.захотелось стать маленькой и незаметной, расплавиться, испариться, исчезнуть с поверхности планеты, только чтобы не видеть ужас и омерзение в его глазах...

— За что именно с тобой это сделали?

Она решила, что ослышалась.

— Один отставной бандит сказал мне не так давно: «Кармы без вины не бывает». Наверно, я чем-то провинилась... в прошлой жизни...

— Мы еще посмотрим, кто перед кем провинился, — хрустнув челюстями, ответил Андрей. — Нет такого закона, чтобы над живым человеком экспериментировать.

Маша хотела возразить, но он закрыл ей рот ладонью:

— Молчи, женщина! Лучше бы дома борщ варила... или энергию поставляла в труднодоступные районы... Seriously, Машка, а давай попробуем использовать тебя в мирных целях?..

Маша уткнулась в его плечо.

Дорога петляла вдоль мутного Да Ранга, над рекой возвышалась старинная чамская башня, оставшаяся от королевства Чампа и частично отреставрированная. По одному из преданий, короли огня и воды жили именно в таких башнях. По дороге из Нячанга им попадались подобные сооружения. Сейчас, при ярком солнечном свете, особенно отчетливо видны были старинные узоры на камнях, от башни веяло непобедимой языческой мощью. Вскоре предместья и нищие хибары сменились пейзажем провинциального райцентра, если бы убрать тропический антураж — так и вовсе какой-нибудь Пере-

славль... Они оставили машину возле большого супермаркета и побрели по улочке.

— Что я должна делать дальше? У меня такое ощущение, что я робот со сбитой программой, — мрачно говорила она Андрею, который с невозмутимым видом поглощал очередное мороженое. — Всеми правдами и неправдами меня сюда загнали. Из Москвы — в Карелию, оттуда — на юг Вьетнама. Не ближний свет. По дороге неоднократно пытались убить. И стою я, вооруженная до зубов, с мечом за плечами, в голове полная каша, цели и задачи не определены. «Кой черт занес нас на эти галеры?»

— И я под ногами путаюсь... — подсказал Андрей, улыбаясь во весь свой американский прикус. — Будешь еще мороженое?

Он подозвал официанта, попросил еще две порции и счет, полез за деньгами... «Как приятно, когда за тебя кто-то платит!» — в очередной раз умилилась Маша. Чуть задержала взгляд на кожаном бумажнике, немедленно попыталась отвести глаза — но было поздно.

— Хорошая кожа... — пробормотала она, сосредоточенно стряхивая пепел. — Наверно, в фирме на 23 февраля подарили?

— Откуда знаешь?

— Нам от фирмы такие же кошельки дарили на 8 Марта пару лет назад.

Андрей улыбался. И одновременно отодвигал бумажник. И не просто отодвигал, а закрывал ладонью тот угол, где виднелся тисненый логотип фирмы. Но понял, что опоздал: Маша успела разглядеть надпись. И не просто разглядеть, а вспомнить, где и когда видела ее. Двор на Маросейке... Когда она впервые подняла меч против двух нападающих, солнечный зайчик от бронзовой доски ослепил ее на мгновение. На бронзовой доске был выбит такой же логотип — «РосВьетОйл». Совсем недавно похожий логотип, также вытисненный на бумажнике или кошельке, попадался ей на глаза. Не может быть!

Она нащупала в сумке кошелек, доставшийся ей от Лая в придорожном кафе, за полчаса до его гибели. Мельком бросила взгляд и тотчас отвела его: «РосВьетОйл». Только надпись сделана вьетнамской латиницей. Поэтому она сразу не заметила сходство. Случайность? Ничего случайного не было в ее истории с самого начала. И спутник ее был тоже отнюдь не случайным. Да и легкость, с которой обычный турист изменил свой маршрут ради не-

знакомой женщины, встреченной в бухте Нячанга, тоже вызывала большие подозрения. А уж теперь... если в дело вмешивается фирма, в названии которой присутствует корень «Ойл», никакой лирикой или мифологией тут и не пахнет. Тут бабло. А остальное ничего не значит.

Прежняя Машка Северцева тянула бы с решительным разговором до последнего, боясь обидеть напрасно, боясь потерять его. Нынешняя Мария Ким не раздумывала слишком долго. Ей больше нечего было терять. Неизвестность впереди пугала. Двух неизвестных в одном уравнении она не допустит.

— Скажи, свет очей моих, а когда у тебя заканчивается виза? Когда обратный рейс? И почему ты покорно меня сопровождаешь, не задавая лишних вопросов?

Андрей задумался.

— Нипочем не поверю, что ты влез с головой в эту запутанную историю ради внезапной любви... — Он отвернулся, уставился в стену. — Если ты меня упорно сопровождаешь, значит, ты связан какими-то обязательствами. Так?

— Да. Я здесь по делу. Это часть моей работы.

— Ты работаешь в «РосВьетОйл», и по каким-то причинам эта организация внезапно начала испытывать ко мне необъяснимую симпатию. А ты выражаешь эту симпатию всеми доступными тебе способами: сопровождаешь, охраняешь и улаживаешь, чтобы никуда не делась. Так?

— Что ж, по крайней мере, честно.

Он продолжал молчать, глядя теперь в клетчатую скатерть, которую то и дело сносило ветром.

— Но лично мне ты ничем не обязан и ничего не должен. Это мой путь, ты не обязан следовать за мной. Тем более что результат непредсказуем, а конечная точка маршрута неизвестна.

Он молчал.

Маша не ожидала, что диалог завершится так быстро. Когда правильно формулируешь вопрос — тебе дают правильный ответ. Ей потребовалось многое пережить, чтобы научиться формулировать. Вдох-выдох. Вери симпл.

— Тогда наши пути расходятся. Ты забираешь вещи из машины, и больше я тебя видеть не хочу. Никаких дискуссий! — Она сделала

предостерегающий жест. — Меня нельзя ни переубеждать, ни останавливать силой. Ты видел своими глазами, что бывает... с оппонентами. Спасибо тебе, давно уж никто не заботился обо мне и никто не защищал. Даже если ты делал это не по собственной инициативе, а по другим причинам. Но какова бы ни была твоя работа, больше не попадайся мне на глаза. Ни при каких обстоятельствах!

— Нет! Я не хочу! Я не могу тебя бросить, прямо здесь. Ты не все знаешь... ты даже не представляешь...

— Возможно. Но моя жизнь тебя больше не касается. Ты уходишь, я допиваю кофе и тоже отправляюсь по своим метафизическим делам, на этом мы заканчиваем. Все, Андрей, уходи... — Увидела, что он медлит, севшим голосом добавила: — Сейчас!

Он попытался еще что-то сказать, схватил ее за запястье, но встретил пустой прицельный взгляд расширенных зрачков. Взгляд Саламандры...

Порыв ветра всколыхнул скатерть, перевернув недопитую чашку кофе, остатки гущи выплеснулись на блюде. «Я подумаю об этом потом. Что мы имеем в очертаниях кофейной гущи?» Кашеобразная жижица, растекаясь, приобретала четкие очертания животного с лапами и хвостом. «Ничего удивительного, Марк Аронныч...» Ей было так одиноко, как не было неизвестно сколько лет. Она ничего не ждала на новом пути. И вдруг кто-то стал защищать и любить ее — а потом оказалось, что это неправда.

В прошлой жизни случались надрывные расставания. Это вышибало Машу из душевного равновесия на пару лет; потом боль стихала, оставалось тихое безнадежное одиночество, с каждым разом все глубже пускавшее ядовитые корни. Она рассчитывала, что броня и нечеловеческие свойства, приобретенные в новом воплощении, защитят ее от всего на свете, — но, выходит, ошибалась. От обмана и одиночества нет защиты. Ни на каком свете.

Главное — не думать и не вспоминать. К счастью или нет, задумываться она по-прежнему не могла: голова начинала разламываться на части. «Нет человека — нет проблемы», — напомнила себе inferнальную историческую цитату. — А с чего ты вообще взяла, что тебя должны любить и защищать? Ты сама можешь защитить кого угодно. Кому это понравится?». Бросила официанту

пачку донгов с четырехзначными номиналами. Вспомнила мимоходом гиперинфляцию начала девяностых, когда не на что было есть, учить, болеть, хоронить... подумала: «Да, всякое мы видали, бывало и похуже». Она снова одна. Это хуже, но проще.

— Пошли, чучело, нас здесь никто не любит...

Поправила на плече чехол и побрела вдоль набережной к окраинам города, где предположительно размещался загадочный медицинский центр.

Шла, бездумно разглядывая пейзаж: спускавшиеся с холмов террасы рисовых плантаций; бухту, исчерканную белыми штрихами — крылышками серфингистов; вереницу велосипедистов и рикш, поблескивающую на солнце мириадами спиц. Нюхала резкий соленый ветер. Казалось, ветер проходит сквозь солнечное сплетение — там пульсировала боль. Всего трое суток вместе — и уже приходится вырывать из души кусок. Любовная линия закончилась неожиданно быстро — и совсем не волшебным образом. Что сказано — то сказано, что сделано — то сделано.

Главное — ни о чем не думать. Слепой инстинкт вел туда, где ее ждали, — лично ее, со всеми необыкновенными качествами и тайнами биографии, — в одно конкретное место на целой планете. В загадочный CIRMS. И впервые она задумалась о том, что конец у этой волшебной истории может быть отнюдь не волшебным, а вполне реальным. Вспомнила цыганку: «Это мне читать не положено...»

«Черный дракон» — это нефть. А она, Маша, каким-то образом попала под ноги людям, которые за нее грызутся. Тогда ее отдельно взятая жизнь никакой цены не имеет. Да и пусть... Равнодушие к собственной жизни и смерти дает удивительную свободу. Она впервые ощущала эту свободу всей шкурой. Так пусто и легко ей еще никогда не было. «Иди вперед, Огненная Саламандра, и не спрашивай зачем. Тебя ждут».

глава 6

Маша равнодушно разглядывала ленивую курортную толпу на набережной, перебирала безделушки в маленьких лавочках. В прошлой жизни ей случалось пару раз бывать в Турции и Египте, там улич-

ные торговцы не давали проходу, а во Вьетнаме улыбались, но не приставали: хочешь — смотри, хочешь — меряй. Остановилась возле салона татуировок, разглядывая живописные образцы. На глаза попало изображение ящерицы. Владелец салона заинтересованно уставился на Машу, походил вокруг нее, осведомился:

— Леди? Тату?

Он сам являлся живой рекламой — на видимых частях тела не осталось и квадратного сантиметра чистой кожи. Сложный рисунок заползал с шеи на подбородок, а нижняя губа была истыкана булавками и колечками. Леди покачала головой.

— Леди! Спешил фор ю! — он вытащил цветные распечатки татуировок для женщин — цветочки, птички, кошечки. Маша повернулась к нему открытым левым плечом, он присвистнул, пробормотал что-то под нос. «Он сказал «круто...» — сообразила Маша.

— Да вы русский, молодой человек!

— Да... а вы откуда?

— Из Москвы.

— Во, блин! А я из Ярославля! Пойдем, поболтаем...

Истосковавшийся мастер натальной живописи не отпускал Машу более часа. Он поил ее соком и чаем, излагал нехитрую биографию. Русская часть биографии была проста как грабли. Служил в армии. Вернулся — женился, начал челночить. Пошли деньги, раз — напился, два — подрался, три — развелся. Челночил, попал во Вьетнам — понравилось, в другой раз — еще больше понравилось, в третий раз решил тут осесть. Рисовать любил в школе, в армии насобачился делать татуировки, а тут понадобился старому владельцу помощник, он и пристроился. Потом выкупил у старика дело, продав комнату в Ярославле, теперь собирался жениться.

Вован никак не мог наговориться, долго допытывался, что означает ее татуировка да кто делал. Показывал толстые книги о древнем искусстве тату с множеством иллюстраций, уговаривал на халяву набить любой рисунок, Маша вяло сопротивлялась. Их беседу прервал грохот: местный крутой байкер в толстой золотой цепи и огромных перстнях приехал дорисовывать многофигурную композицию на спине. Маша с облегчением собралась уходить, Вован сунул визитку, разрисованную драконами и черепами, просил непременно звонить, обещал сводить на дискотеку. Крикнул вдогонку:

— На пляже сидит старая тетка, вся из себя такая... с приветом... Типа гадалки. Я у нее научился клиентам мозги пудрить. Покажи ей татушку, она тебе все расскажет.

Маша медленно шла по горячему белому песку. Неподалеку, под пляжным зонтиком у кромки воды сидела явно полоумная тетка необъятных размеров, татуированная по локти, в цепях, браслетах и разноцветных бесформенных шалях; вокруг вились бездомные кошки и собаки, которых она кормила с картонных тарелочек остатками еды из близлежащего кафе. Таких городских сумасшедших полно и в Москве. Маша вынула из сумки печенье и тоже кинула собакам. Встретила взгляд тетки — на удивление цепкий и разумный.

— Иди сюда! — по-английски сказала она Маше. Это было так неожиданно, что Маша немедленно подошла. Тетка знаком попросила повернуться, пристально разглядывала татуировку. Лицо стало отрешенным, она прикрыла веки и принялась медленно раскачиваться, напевая по-вьетнамски. Временами приподнимала веки, глядела на Машу и опять уходила в свое монотонное бормотание. Прошла минута, Маша решила уйти, но тетка повелительно произнесла, не отрывая глаз:

— Жди!

Маша спокойно присела под соседним пляжным зонтиком в позу лотоса: она поняла, что на нынешнем пути ничто не бывает случайным. Понемногу монотонное бормотание стало сливаться с плеском волн, пляжной разноголосицей, она впала в легкое забытие, не хотелось никуда идти, да и не нужно было. Остаться бы здесь, слушать прибой, греться на теплых камнях, как ящерица...

— Когда ты родилась? — четко и внятно спросил низкий женский голос. Тетка вышла из транса, смотрела на Машу. — Когда ты родилась?

— 15 декабря. — А ведь и впрямь скоро день рождения, упустила в суете.

— Уверена?

— Я теперь ни в чем не уверена. — Впрочем, сам факт ее рождения никто не отменял...

— Календарь майя... — Она извлекла из необъятных одежд затертый картонный лист, на котором был изображен круг и нарисованы

в избытии фигуры животных и птиц. Поводила по нему пальцем и ткнула в определенное место. — Знак Ящерицы.

Маша не сразу поняла, тетка повторила более отчетливо:

— Ты Ящерица. Это твой знак. Иди к Дракону. Тебе надо спешить. Твой друг ищет тебя.

— Он не друг! — Маша поджала губы.

— Он тебя ищет. Дом Дракона. Вода. Огонь. Тебе подчиняется и одно, и другое. Ты должна сама в этом убедиться.

Тетка опять прикрыла глаза и забормотала.

— Я ничего никому не должна! — рассердилась Маша. — Достали! — Но тетка продолжала бубнить что-то свое.

Внезапно рядом раздался истошный крик — это захлебнулась плачем молодая вьетнамка, бегавшая вдоль прибоя и отчаянно махавшая руками в сторону океана. Маша мгновенно вскочила на ноги, сбросила рюкзак и чехол с мечом на колени гадалке, кинулась в воду. Она не успела сообразить, что нужно искать, а тело уже заскользило среди зеленоватой прибрежной мути, взвихренного песка... она двигалась кругами, увеличивая радиус, и скоро увидела маленький темный силуэт, колыхавшийся возле песчаного дна... Мальчик. Схватила его и потащила наверх, где виднелись барахтающиеся руки-ноги и лица в пляжных масках и очках для плавания. Вскоре можно было встать на дно, навстречу неслась с воплями мамаша. Маша понимала, что мальчик провел под водой явно больше времени, чем позволено живому человеку. Сочувствующие пытались сделать искусственное дыхание, выливали воду, дышали «рот в рот», а она видела — поздно, поздно... Мать завизжала громче.

— Брысь! — Маша развернулась в угрожающей стойке, толпа мгновенно отпрянула от неподвижно лежащего мальчика. Она закрыла глаза, провела руками по телу, остановила кисти над грудной клеткой. Один раз получилось — выжил старик Аполлинарьевич, и в другой раз получится.

«Отключись! — приказала себе Саламандра. — Есть вода, есть огонь, когда надо — я становлюсь водой, когда надо — я становлюсь огнем. Есть дом огня, есть дом воды. Вода, уходи! Это дом огня!» И выпустила из кистей огненный гребень — он был настолько мал, что она сама не видела его, а только чувствовала, как пламя струится по сосудам и выталкивает холод из неподвижного тельца. Холод не поддавал-

ся. Несколько раз она выбрасывала пульсирующее маленькое пламя, до тех пор, пока не почувствовала, как слабо забился маленький комок под ребрами. Еще, еще... в последний раз встряхнула кистями над ребенком, услышала, как он хрипло закашлялся, сделала остальным знак: все ОК, жив. И пошла на ослабевших ногах обратно, под зонтик к сумасшедшей гадалке. «Хорошо бы вещички не поперли...» Гадалка встретила ее тем же отрешенным взглядом, Маша рухнула на песок рядом с пустыми картонными тарелочками. Вода теперь ее союзник и подчиняется ей. Экзамен оказался неожиданно страшным, но она выдержала.

К ней подбежала целая куча народу — свидетели неожиданного спасения пацана. Она на всякий случай быстро пригребла рюкзак и меч поближе. Мать кинулась обнимать Машу. Судя по всему, на пляже присутствовала многочисленная родня — ошеломленный папаша, пожилые дядьки, беременные женщины... Они наперебой желали Машу расцеловать, обнять и сделать для нее что-нибудь хорошее. Меньше всего она желала бы привлечь к себе внимание. «Грымза старая, хоть бы ты меня выручила...» — пробормотала Маша по-русски. Маша была уверена: гримза все видела. Гадалка действительно соизволила заметить шухер и повелительно крикнула что-то. Благодарное население отпрянуло. Тетка повысила голос; разношерстное семейство начало кланяться, послушно и испуганно, пожилые люди стали переглядываться... тетка рывкнула на них в третий раз — и всех словно ветром сдуло.

— Что ты им сказала?

— Я сказала: ты из рода Дракона.

— И что?

— Ты не понимаешь! У Дракона главная сила.

— У вас столько легенд о драконах...

— Дракон встречается на пути каждого. И каждый видит его в разном облике. Дракон ждет тебя.

— Зачем?

— Иди, ты Ящерица. Путь огня, путь воды. — Указала на красную ниточку на запястье Маши. — Друг ищет тебя.

Махнула рукой, отвернулась в сторону и демонстративно начала собирать бесконечные сумки, атрибут бомжей и сумасшедших. Аудиенция окончена.

глава 7

Неприметное здание располагалось в тихом окраинном квартале. Маша ходила вокруг, но способа проникнуть внутрь не изобрела. Маленькая табличка с логотипом центра на двери, надпись на вьетнамском и английском языках, никаких признаков внешней деятельности и связи с внешним миром. Никто не выходит и не входит, однажды подъехала машина, открылись двери гаража, машина исчезла в глубине — и все. Ломиться туда глупо, да и как объяснить свое появление? «Здравствуйте, я донна Роза Д'Альвадорец. Логотип вашего центра я видела в России, когда впервые взяла в руки меч. С тех пор я научилась сшибать огнем вертолеты и мотоциклы, не дышать под водой, двух моих товарищей убили, я осталась одна-одинешенька и пришла к вам...»

Куда, в самом деле, делся Зыонг со своими воинами? «Уехал на большом каре»?.. Воспоминание о Зыонге не было случайным: из окон кафе Маша заметила процессию из бритоголовых монахов в ярких одеждах, направлявшуюся в сторону реки Даранг. Река была небольшой, не чета ядовито-желтому Меконгу: обычная мелкая грязноватая речушка, впадающая в залив. Рукава ее вдавались в предместья. И как раз туда направлялась поющая разноцветная толпа. Маша побрела вместе с зеваками и местными жителями.

Процессия захватывала все большее число зрителей; по нарядным одеждам и веселым воплям толпы Маша поняла, что присутствует на местном празднике. Скоро народ полностью заполнил узкие кривые улочки. Темнело. На берегу горел большой костер, вокруг стояли бритоголовые старцы в праздничных ярких одеждах. Один из монахов зашел в воду, опустил туда меч — явно сувенирный, украшенный различными узорами и камнями. Одновременно женщины зажгли бумажные фонарики и разом опустили их на воду. Вода и огонь — метафора показалась Маше знакомой. Вероятно, местная легенда увязывала в одно целое воду, огонь и меч — покоритель стихий. Старинный ритуал? «Гляди, чучело, такие, как ты, здесь в почете...»

Она заворуженно разглядывала зеркальную черную поверхность залива, испещренную разноцветными огнями. Потом повернулась, чтобы вернуться в кафе, заметила в толпе высокий пле-

чистый силуэт с характерной для бывшего борца посадкой головы на накачанной шее. Серега? Откуда во вьетнамской провинции возьмется телохранитель отставного бандита из карельской глуши?.. Вокруг раздавались музыка и вопли — непременный атрибут любого праздника. Запах пальмового масла, дымок от переносной электрической жаровни уличного торговца... Сильная вспышка за спиной...

Маленький ресторанчик, накрытый навесом из листьев, вспыхнул мгновенно — вероятно, от случайно оброненного бумажного фонарика. Оттуда, как в кино, выкатывались люди, пытаясь погасить одежду. Маша не успела сообразить, что к чему, а тело само бросило ее в гущу визжащей толпы. Она вихрем пронеслась между падающих плетеных этажерок и кресел, раскидывая пламя, сворачивая его в мелкие огненные волны, втягивая в раскрытые ладони и превращая в легкие искры. Ничего не бывает случайно: это второе испытание. Саламандра научилась не только извлекать огонь из ниоткуда, но и справляться с ним при необходимости.

— Если где-то что-то горит — то моя лягушонка в коробчонке едет... — по-русски произнес за спиной знакомый голос. Она уперлась в могучую грудь Сереги.

— Чума гонконгская! Мы знали, где тебя искать: там, где жарко... — добавил внезапно возникший рядом Валерка. «Встреча на Эльбе».

— Как же я рада вас видеть... — Она едва успела обнять по очереди каждого, как Валера начал тереть уши и мотать башкой:

— Погоди, такое дело...

Маша ощутила жесткие пальцы на своем запястье. Рядом с ней возникли два неприметных крепких парня — коротко стриженных, накачанных, с абстрактно-улыбчивыми лицами. Спецура везде спецура.

— Маня, это свои, — предупреждающе воскликнул Серега. — Пойдем, мы как раз тебя искали.

— «Бандерлоги, ближе...» Вы предупредили, что я начинаю огнем плеваться, если что не так? — Маша элегантно высвободила руку из захвата и пошла сквозь толпу танцующей походкой.

Приземистое и неказистое с виду, здание медицинского центра внутри оказалось комфортабельным, насколько может быть ком-

фортабельным бывший завод. Маша категорически отказалась беседовать с кем бы то ни было из крепких стриженных ребят, пока ей не приведут старшего. До той поры она желала находиться только в обществе братанов. Выражение ее лица было при этом столь недвусмысленным, что их оставили в покое.

Братаны выложили на стол две огромные пиццы, купленные по пути, принесли чай в пластиковых стаканчиках и расположились рядом, давая понять: теперь никто ее в обиду не даст.

— Ты как сама-то? Где была? Чего видала?

— На море съездила, в монастыре была несколько дней, винь чун изучала, — ласково улыбнулась Маша. — Как вы объясните появление во вьетнамской провинции?

Они переглянулись.

— Не говорите только, что Аполлинарьевич послал вас в командировку. Хватит на старика валить. Он хоть и крутой, но визы не дает. И так: мы расстались на полигоне...

Валера долго тер уши, мялся, потом приступил к изложению их стремительной одиссеи.

— Помнишь, ты сказала, что Аполлинарьевича могли вычислить по моему звонку с сотового?

«Якудзы» — так обобщенно называл их Валера — добрались до Аполлинарьевича быстрее, чем братаны. Но старик вспомнил былое, показал класс, к приезду Сереги с Валерой домик Бати был заполнен милицией и судмедэкспертами. Аполлинарьевич был вынужден объяснять наличие четырех трупов в японском садике и богатого арсенала в подвале. Мысль о следственном изоляторе и вовсе привела его в неистовство. Люди, напавшие на мирного пенсионера, были вооружены до зубов, не имели ни виз, ни положенных туристам документов. Поэтому туда приехало и местная ФСБ.

— Помнишь, он тебя уговаривал подождать с отъездом: говорил, мол, человек один должен подъехать? Кореш у него был в ФСБ, сейчас уж в отставке...

Аполлинарьевич был хоть и непрост, но «с понятиями». В 90-е годы помог одному агенту ФСБ внедриться в группировку «беспредельщиков», широко орудовавшую в регионе, и прикрыл его своим именем. Судя по всему, фээсбэшник был обязан Аполлинарьевичу всем. Пришлось Бате срочно звонить старому корешу. Кореш приехал, нажал

на все педали, старика отпустили под подписку о невыезде. Однако фээсбэшник тоже прижал старика к стенке. Аполлинарьевич выставил огромную бутылку «Реми Мартена» и под коньяк выложил старому корешу фантастическую историю Маши и ее матери.

— Пить опять начал? — взвилась Маня. — И сдал меня по пьяни со всеми потрохами?

— Бабы... — покачал головой Серега. — Маня, ну ты-то своя в доску, а туда же! Да не пил он. Мы за него отдувались... Не то чтобы сдал... Маня, ты ж ему жизнь спасла! Помочь хотел.

— Мне помочь? Или себе? Валера, называй вещи своими именами! — рывкнула Маша.

— Ну, можно и так сказать. Бате тоже хотелось спокойно пожить. Дело-то темное, вот и получилось взаимовыгодное сотрудничество: Батя фээсбэшникам кое-что рассказал, а те ему обещали о тебе позаботиться.

— Ладно. Что сделано — то сделано. Вы как сюда попали? Тоже решили обо мне позаботиться?

Серега покраснел, Валера начал опять тереть уши:

— Ты погоди, не руби сплеча. Нас попросили помочь.

— В настоящей форме попросили поработать на фирму «РосВьетОйл»? — еще более ласково спросила Маша.

— А ты откуда знаешь? — опешил Валерка. — Батя велел нам ехать с ними, найти тебя и втихаря присматривать... Спецпура — она и есть спецпура. А Батя добро помнит.

На самом деле, старик оказался не полным лузером и втихаря запомнил все, что Маша искала в интернете и показывала ему на экране. «Не зря стоял за спиной, надев очки...» Она называла Аполлинарьевичу свою девичью фамилию. Отставной фээсбэшник набрал в поисковике «Зоя Осока» и тоже нашел отставного востоковеда. Более того, он поехал в Москву. Как известно, фээсбэшники отставными не бывают. Востоковед заинтригован внезапно появившейся и исчезнувшей гостьей, поэтому не послал с порога нового посетителя, явившегося с вопросом о Зое Осоке. Профессиональным нюхом востоковед почуял: таких совпадений не бывает. Навыки прикладного востоковедения пригодились. Человек на фотографии был другом его отца, востоковед нашел его родных. От них что-то приблизительно услышал о старой запутанной истории с пропавшим ребенком,

об отце Вана, потом навел справки о самом Ване. Отставные мастера прикладных наук быстро обнаружили, что в последние годы Ван работал в международном медицинском центре в России, в клинике, расположенной в Карелии. Стали узнавать о специфике работы центра — оказалось, что его финансировало СП «РосВьетОйл». Фэ-эсбэшнику ничего не оставалось, как обратиться к руководству СП с просьбой о получении допуска к архивам клиники.

— Это не просто клиника. — В комнату вошел коренастый лысоватый человек, чье лицо показалось Маше однажды виденным... Густые брови и морщины на лбу, изогнутые в виде фигурных скобок... если добавить хирургическую маску... «Палыч»! «...Самые живучие и приспособляемые организмы — это женщины от тридцати пяти до пятидесяти. А уж русские женщины — тем более».

— Кажется, вы были невысокого мнения об «исходнике», — прошипела Маша, медленно разминая пальцы...

— Я вас недооценил, — ответил «Палыч». — Но рад, что мы можем поговорить в спокойной обстановке. Только желательно наедине.

Маша покачала головой:

— У меня нет секретов от друзей. И потом... — Валера подмигнул ей, — эти двое как никто знают мои новые возможности. Они помогли мне их осваивать. Практически — мои первые учителя.

— Если бы вы заранее договорились — я бы это понял! Но ведь нет же! — раздраженно бросил «Палыч», расхаживая по комнате. — И они, как бараны, уперлись: без Мани никуда. Только они и знают, как вы нынче выглядите, только они знают, как с вашей «огневой мощью» обращаться. И что они сами вас тренировали. Обучили секретным приемам. И что вы только их и послушаетесь, иначе спалите все до основания... Бред! Но главный аргумент был: «Батя башку оторвет».

— Чистая правда, — на голубом глазу отвечала Маша. — Учили по тарелочкам палить... Ката стрелка изучали подробно... И Батя башку оторвет.

— Базаров нет, — добавил Серега.

— Молчите все! — зарычал «Палыч». — Короче, какой у нас был выбор? Или убить обоих, или взять с собой. Пришлось с собой тащить! К тому же вы так неожиданно пришли в себя и исчезли, что действительно никто вас без бинтов и не видел. Документы и фото

в паспорте — поддельные. Вас искали вслепую. А эти... — Маша подняла бровь. — ...то есть Валерий с Сергеем... знали доподлинно вашу новую внешность.

«Верно: в лицо меня знали только Валера с Сергеем. И потом — Ван и Лай...» — подумала Маша.

— Вокруг тебя, Маня, такой шухер начался...

— Я же никто, ничто и звать меня никак! Просто Мария Ким... Кстати, откуда взялись мои новые документы на имя Марии Ким?

«Палыч» хрустнул челюстями:

— Понятия не имею! Этим занималась вьетнамская сторона СП. Ван первым понял, с кем имеет дело, когда узнал о происшествии возле вашего дома, о старинном мече в доме какой-то женщины и знаке Саламандры на ее плече. Его люди нашли вас и привели в медицинский центр. Если бы не вмешательство Вана — меч достался бы бог знает кому.

— У меня не раз пытались отобрать меч, — улыбнулась Маша. — Однако никому не удалось.

— Случайность! — отмахнулся «Палыч». — Вы были никем! Сырым необработанным материалом! Просто носителем...

— Меч с самого начала был предназначен лично мне! — Саламандра хрустнула пальцами, расцепила их и стряхнула мельчайшие синеватые искорки. Надо признаться, она выполняла подобный трюк впервые, эффект превзошел ожидания: «Палыч» тупо смотрел на медленное мерцание, потом затряс головой:

— Дешевая показуха! Не отвлекайтесь!

— Я не сырой материал, — подчеркнуто ровным тоном произнесла Маша. — Полегче с формулировками. Я не просто носитель артефакта с необыкновенными свойствами. Я человек. Я ничего вам не должна. И при желании могу отсюда выйти в любой момент, живая и невредимая. В отличие от остальных... — и демонстративно положила меч на колени. Окружающие притихли. — Что вы там говорили насчет Вана?

— Да-да, Ван предупреждал о вашей сверхживучести...

— Короче, мы тут тебя должны были найти и узнать. Пару дней болтались по городу, потом пошли на праздник волшебного меча и, натурально, на тебя и наткнулись. Где меч да пожар, там и наша Маня... — резюмировал Серега.

— И что у нас тут? Спа-салон?

«Палыч» сделал приличествующее случаю торжественное лицо и, как персонаж в исполнении Харрисона Форда, произнес:

— Мы находимся в штаб-квартире международного контртеррористического центра, я возглавляю его подразделение, выполняющее особое задание в Южно-Азиатском регионе.

— Жесть. — Серега одобрительно кивнул. — Маня, гляди: респект и уважуха. Милка Йовович нервно курит в коридоре.

Маша обвела глазами присутствующих:

— Значит, и вы, братва, тоже теперь бойцы... того, что без запинки не выговоришь?

Серега хмыкнул, а Валера веско отвечал:

— Временно прикомандированные внештатные сотрудники службы безопасности «РосВьетОйл», зачислены на контрактной основе.

— Так какого рожна всем от меня нужно? Понимаю... Наверно, я вместо Миллы Йовович стану новым лицом какого-нибудь бренда?

ЧАСТЬ V

Есть, владыка, нить золотая,

Что связует тебя и нас.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

глава 1

Много лет врачи обеих сверхдержав вели наблюдения за людьми, чьи свойства — результат радиационных мутаций, полученных в результате работы над ядерным оружием. Зоя — ваша мать — с рождения обдала рядом необычных способностей, но надолго вышла из-под наблюдения в связи с переездом в Москву. И до романа с сыном вьетнамского разведчика сведений о ней не было. Как вы, вероятно, знаете, после рождения ребенка ее возможности проявились в полной мере.

— Знаю от очевидца. Она спалила здание следственного изолятора, и ее несколько дней не могли поймать с вертолетами. И никто бы с ней не справился, будь у нее меч! Вероятно, ей обещали вернуть дочь...

— Вы угадали.

— Шантаж ребенком — тоже мне бином Ньютона...

— Зою Осоку использовали в ряде секретных операций во Вьетнаме, где она и погибла. И не надо так на меня смотреть, в силу возраста я никак не мог иметь отношения к этим событиям. ОК?

— ОК... — пробурчала Маша. — Продолжайте.

— Ребенка — то есть вас — забрали в специнтернат, оттуда — в больницу...

— Психиатрическую?

— Не цепляйтесь к словам! Специальное учреждение для детей с отклонениями в развитии... Вы унаследовали чудесные свойства вашей матери. К этому времени и мы, и наши конкуренты приблизительно определили те зоны коры головного мозга, которые, вследствие необъяснимых процессов, отвечают за развитие паранормальных свойств. В двухгодичном возрасте на вас опробовали метод электромагнитной стимуляции, воздействовали импульсами на нужные участки коры. Вы должны были во многом превзойти мать, причем до начала пубертатного периода, который непредсказуемо сказывается на любом организме. Но этого не случилось...

— ...благодаря скромному вьетнамскому специалисту по иглоукалыванию?

— Отец Вана — Ле Ван Зуи — был ученым с мировым именем. Впрочем, таким был и сам Ван... — добавил он с усилием. — Благодаря вмешательству одного авторитетного сотрудника аппарата ЦК ребенка — то есть вас — вернули бабушке и дедушке. Но вас отдали родственникам при условии, что никто и никогда не узнает о ваших сверхъестественных способностях. Но где была гарантия, что трехлетний ребенок не применит их по собственной инициативе? Ваших родных пугали нейрохирургической операцией, необходимой, чтобы подавить работу тех самых зон коры головного мозга. В случае отказа родных от операции вы обречены были всю жизнь пить сильнейшие нейролептики, подавляющие активность коры. Вмешался снова отец Вана. Он смог дезактивировать нужные зоны коры исключительно благодаря своим древним медицинским знаниям, без всякой хирургии. Акупунктура, загадочные методики — я не могу судить о том, как он это сделал, знаю одно: он сохранил вам нормальную жизнь и здоровье.

— Знаете, что меня настораживает? Я никогда не чувствовала в себе ничего особенного! Наоборот, меня с детства предупреждали, что категорически нельзя употреблять спиртное, что у меня тяжелая токсическая реакция на алкоголь, что я переболела в детстве гриппом с тяжелыми осложнениями и поэтому у меня замедленная реакция, что мне нельзя будет водить машину... Отдавали спортом заниматься, но в очень умеренных дозах. Здоровье берегли.

— Остались некоторые побочные эффекты, в частности —возможная легкая заторможенность, категорический запрет на спиртное... Вы могли заниматься спортом, обладали прекрасной памятью, хорошо учились. Но ваши бабушка и дедушка всегда помнили, что настоящие способности внуки подавлены. Только так можно было избавиться от повторения судьбы Зои!

«Это то, что Ван не успел мне рассказать...» Перед глазами возникло неподвижное тело, лежащее около серой «тойоты». Она подумает об этом потом.

— Это крайне интересно, — произнесла она медленно, — но как вы объясните происшедшие со мной перемены? Все началось с момента, когда я нашла меч! Я распоролла руку этим мечом, понимаете?

Как в легенде: кровь пролилась на лезвие — и все пошло враскосяк! Я на глазах превратилась в другого человека. У меня обмен веществ изменился, рана зажила за пару дней, я худеть стала! Двадцать лет не могла вес сбросить, а тут в старые джинсы сама влезла. В уличные драки стала ввязываться! Машину научилась водить, хотя не помнила, где газ, а где сцепление! При чем тут медицина?

— Рациональных объяснений этому не существует, — развел руками «Палыч». — Нам многое мог бы прояснить Ван, у него были свои методы.

— Я заметила. По башке кирпичом — и на два месяца в закрытую клинику...

— Вы неправы, Мария! За вами — вернее, за вашим мечом — охотились другие люди. Они целенаправленно искали следы оружия, нашли ваш дом, симитировали аварию, им нужен был только меч. Вы спутали их планы.

«Зыонг говорил то же самое...»

— Кто охотился на меня всю дорогу? Кому я мешаю? На что уходят деньги налогоплательщиков? Зачем фирме «РосВьетОйл» и ее конкурентам нужна тетка хоть с мечом, хоть без меча?

— Ван предупреждал: ваш меч необычный, он будет функционировать только в непосредственном взаимодействии с носителем. Наши оппоненты не знали этого. Им был нужен меч. Ван узнал о вас раньше. У него не оставалось выбора, надо было вас защитить и спрятать.

— Почему я так изменилась?

«Палыч» улыбнулся.

— Побочный эффект. Нашей задачей было отнюдь не внешнее омоложение. Хотя мы сами не ожидали, что ваша превосходная генетика даст подобный результат. Отец Вана много лет назад смог без всяких хирургических вмешательств заблокировать развитие паранормальных способностей. Теперь Ван смог без всяких хирургических вмешательств снять блок, поставленный отцом, значит, у него были веские основания... о которых мы никогда не узнаем. Знаете, недавно был расшифрован ген, благодаря которому организм настоящей саламандры способен к регенерации тканей. Ван утверждал, что, если верить древней легенде, организм носителя знака Саламандры также способен к регенерации собственных тканей, для запуска этого механизма регенерации достаточно некоего импульса.

Возможно, контакта с мечом?.. Не знаю, как ему это удалось. Но результат очевиден.

— Оказывается, не нужны и пластические хирурги — достаточно было взять меч в руки... Кстати — откуда у меня природный левый хват? Как могло измениться доминирующее полушарие?

— Вероятно, и левый хват, и многие другие изменения — тоже побочные эффекты методики Вана. Вы не должны были ничего запомнить о времени, проведенном в клинике, для вашей же безопасности.

— Да вы врете! Я помню ваши разговоры с Ваном о сверхживучести советских женщин... — У «Палыча» округлились глаза от изумления. — А вы думали, бессловесный кусок мяса лежал на столе? — «Палыча» передернуло. — Не верю я вам ни на секунду! Что со мной произошло?

Саламандра распустила левую кисть, ступок пламени ударил в ноги «Палычу». Тот нервно вздрогнул и уставился в пол:

— После реконсервации заблокированных зон коры головного мозга вы впали в кому. Никто больше ни на что не надеялся. Только Ван был убежден, что ваша природная выносливость сработает. Возможно, во время комы у вас изменился обмен веществ... В общем, произошло нечто необъяснимое. А потом вы неожиданно очнулись и сбежали!

— Сонин отец-разведчик привез с Дальнего Востока меч, имевший якобы магическое происхождение. Меч много лет пролежал, спрятанный в кладовке. При чем тут род Дракона? При чем тут кора головного мозга? И почему я теперь могу находиться под водой столько, сколько не снилось никакому млекопитающему? Где связь между металлом, из которого отлит клинок, и моими превращениями? И как, черт возьми, связан обмен веществ и залп по двум вертолетам?

— Как раз после неприятного происшествия на полигоне в Карелии стало понятно, что вы живы, что вас надо охранять и прятать. Было очевидно, что вы повторяете путь вашей матери и превосходите ее по многим показателям. И развитие ваших способностей происходит с фантастической скоростью. Ван настоял на том, чтобы вы проделали весь путь сами. Безусловно, имеет место некое взаимодействие свойств оружия и его носителя. Подчеркну — необъяснимое

взаимодействие. Возможно, эффект усиливается выбросом адреналина в кровь. Ведь поначалу ваши способности проявлялись только в минуту крайней опасности?

— Значит, мое бегство и все неприятности, которые я последовательно огребала по пути, были частью эксперимента? Проверка боем?

— Ван знал, что делал. Он спешил во что бы то ни стало отвезти вас в монастырь, чтобы вы смогли там получить нужные навыки. Вы их приобрели. Дело в вашем мече. Позвольте на секунду. — «Палыч» протянул руку к чехлу...

Саламандра выбросила вперед кисть руки, стреловидный ступок пламени пронесся по комнате, заметался от стены к стене... Двое стриженных крепких парней подобрались у двери...

— Не надо! — предостерегающе вскрикнул Валера.

— Да не буду!

«Чучело, не смей!» Огненный всплеск вернулся к ее рукам. Несколько мгновений она держала пламя возле пальцев, потом встряхнула кистями — и огонь послушно свернулся и замер. Оставались только небольшие подрагивающие искры возле левой руки...

— Давайте без экспериментов и резких движений, ОК? — Маша достала сигареты из кармана рюкзака и впервые демонстративно прикурила от синеватого пламени. Потом сделала еще одно волнообразное движение рукой, пламя исчезло. Она села, закинула ноги на стол:

— Слушаю вас внимательнейшим образом.

— Bravo, Мария. Артистизм — 6:0.

— У вас остались сомнения в технике?

— Ни в коем разе. Но мы с вами взрослые люди и понимаем, что это не более чем цирковые трюки!

— Между прочим, во мне течет кровь древних королей огня и королей воды... я попросила бы обращаться со мной с должной почтительностью. — Литературные ассоциации сработали против воли: — «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, и еще считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное....»

Сергея показал ей большой палец, Валера с самым серьезным видом закивал, а у «Палыча» отвисла челюсть. Маша сделала легкое движение, как бы потянувшись к чехлу, уловила смятение на лицах

окружающих, злорадно улыбнулась... «Не зря я всю жизнь спецуру терпеть не могла...»

«Палыч» отодвинулся еще дальше и продолжил профессорским тоном:

— Теперь, когда все успокоились, я готов объяснить, какова ваша дальнейшая функция. Немного предыстории. Незадолго до страшного землетрясения и цунами в Индонезии один аналитик рынков энергоносителей, сотрудник «РосВьетОйл», обратил внимание на серьезные и необычные перемещения финансовых потоков в Южно-Азиатском регионе. Нечто похожее по масштабу наблюдали аналитики незадолго до теракта 11 сентября. Известно, что они предупреждали о возможности масштабных терактов, но их доклады не были приняты во внимание. Будучи геологом по образованию, он предположил, что цунами — последствие грандиозного направленного подземного взрыва, что смещение глубинных пластов в местах тектонических разломов могло быть спланировано заранее и спровоцировано искусственно. Недавно он заметил похожее перемещение финансовых потоков и сделал предположение, что ожидается теракт глобального характера в данном регионе.

— И что?

— Подводный направленный ядерный взрыв, имеющий целью вызвать самое страшное землетрясение и самое мощное цунами в истории. Взрыв должен полностью разрушить систему поставки энергоносителей в Южно-Азиатском регионе.

— «РосВьетОйл» потеряет бабло?

«Палыч» дико глянул на нее:

— Вы хоть примерно представляете себе, какую роль играет добыча нефти во Вьетнаме во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе? И какова степень заинтересованности российской стороны СП «РосВьетОйл»? Меконгский нефтегазовый бассейн с его уникальными месторождениями — это колоссальные объемы добычи нефти! Самое известное месторождение — Белый Тигр — разрабатывается с 1988 года. Месторождение Дракон находится в стадии активной разработки с 1996 года. А еще есть Черный лев, Заря, Руби и ряд других. Взрыв должен полностью уничтожить нефтегазовые запасы шельфа Южного Вьетнама! Акватория будет заражена на многие годы, погибнут сотни тысяч людей. Попытки найти и уничтожить террори-

стов не дали результата, этим занимались последние полгода многие специальные организации. До взрыва остались считанные дни. Известно предполагаемое место и время.

— Какую угрозу лично я могу представлять для международного терроризма? Есть столько специально обученных людей, готовых гоняться друг за другом по планете, есть столько людей, готовых выложить на это астрономические суммы. Почему на пляже в Нячанге в меня метнули сюрикен?..

— Они не подозревали о том, какие свойства приобретает его носитель. Им нужен ваш меч. Нам нужны и сам меч, и лично вы. Мы шли друг за другом по пятам. А вы уходили от всех, как Колобок! Просто ужас... К счастью, именно на пляже Нячанга вы познакомились с одним молодым человеком...

— Это вас не касается!

— Нас все касается, — с легким злорадством отвечал «Палыч». — Он был командирован сюда, чтобы на месте проанализировать обстановку. Свою работу выполнил. Заехал в Нячанг на пару дней. Мы только что потеряли Вана и Лая, ваш след во Вьетнаме был тоже потерян. Известно было, что Ван забронировал номер в «Золотом драконе» на ваше новое имя. Никто не знал вашего нынешнего лица и не знал, на что вы действительно способны. Андрей оказался единственным сотрудником «РосВьетОйл», который находился в непосредственной близости, и ему была передана директива: найти и охранять вас. Для этой же цели нам пришлось взять с собой во Вьетнам ваших друзей.

— Что ж, Андрей блестяще справился с задачей: он нашел меня и проводил до места. Хватит об этом...

Ночь в маленьком отеле на перевале. Южный Крест над головой... «Я подумаю об этом завтра».

— Чего вы хотите?

«Палыч» прошелся по комнате и отвернулся к окну:

— Меч хранит некую закодированную информацию об особенностях структуры дна... впрочем, я не специалист. Расшифровав ее, мы можем уменьшить последствия взрыва, если у нас хватит для этого времени. А времени очень мало! В человеческом арсенале нет способов максимально ослабить силу подводного взрыва. И если мы можем воспользоваться нечеловеческими способами — мы воспользуемся

ими. Вы обладаете качествами, наследованными от матери и многократно усиленными магией... да-да, назовем вещи своими именами, это магия. Если вы используете ее по максимуму — вы сможете справиться с огнем, имеющим любую природу. Уникальное сочетание оружия и носителя дает нам надежду...

— Вы всерьез верите, что у меня в руках — волшебный меч королей огня, что его сплав содержит кровь Дракона? И что этим мечом можно спасти нефтяные запасы Вьетнама от ядерного взрыва? Вы тут все с ума посходили? — тихо спросила Маша.

— Меня в этом убедил Ван. Знаете, он ведь потомственный маг.

— Он ученый, врач, в его роду были знаменитые лекари...

— ...и колдуны, и маги. В разные времена это называлось по-разному. Поверьте, Мария, если бы я был абсолютным материалистом и циником — я бы не пошел у него на поводу. Но ситуация такова, что любые средства хороши. Вы поверили Вану. Поверьте и мне.

— Вы не материалист, но циник. Вы хотите меня использовать втемную. И я не уверена, что могу вам верить.

— Ваша мать погибла, выполняя ответственное задание. Ваш отец погиб так же.

— И вы предлагаете мне повторить их судьбу? Выгодное предложение. Спешил фор ю...

— Ни у кого из нас нет выбора.

«Что-то похожее мне говорил Ван. «Вы достали меч из воды...» Примитивная разводка на «слабо». А как работает...»

— Знаете, я себя ощущаю приблизительно как Брюс Уиллис в фильме «Армагедон». Моим именем назовут школу, или детский сад, или улицу?... Ну хоть баржу?

«Палыч» оживился:

— У нас мало времени на подготовку. Здесь есть специалисты по тектонике, по направленным подземным взрывам, есть подводники, приехал ученик профессора Николаева, одного из первых разработчиков сейсмического оружия. В эпоху тотальной продажи Родины часть разработок попала в чужие руки. Теперь мы расхлебываем последствия. Мы покажем ваше оружие специалистам. С руководителем штурмовой группы вы поговорите позже, обсудите детали. Поскольку времени осталось мало, я предлагаю вам оптимальный вариант: по максимуму активировать нужные зоны коры, как в раннем

детстве. Слабый электромагнитный импульс. Не более того. Процедура похожа на сеанс физиотерапии, на всякий случай проведем ее под местной анестезией.

— А нельзя иначе? Поймать их, в конце концов, пристрелить... чтобы некому было нажать кнопку... провод перерезать: «красный провод, синий провод...» Как в кино?

— Как в кино не получится. По имеющимся сведениям, механизм запуска и активации заряда не имеет обратного хода. Такая программа разработана была в годы холодной войны, она называется Мертвый оператор. Даже если противник нанес ядерный удар, все командование погибло и отдать команду об ответном ударе некому, ракеты с ядерными боеголовками активируются к запуску автоматически... даже если уже некого защищать. Так и здесь.

— То есть если команда будет отдана, взрыв произойдет в любом случае, и можно попытаться только перенаправить его?

— Именно так. Вы согласны?

— Все понимаю, кроме одного: зачем местная анестезия? — Маша вытянула вперед расправленные кисти. Синеватая огненная спираль пересекла комнату и угомонилась, вернувшись к ее ладоням.

За окном раздался шум и грохот, звон разбитого стекла, Маша кинулась к подоконнику: байкеры, в огромном количестве, на разноцветных разрисованных мотоциклах, гуртом носились возле здания. Двое зажгли огромное кольцо, как в цирке. Один из байкеров решил с трамплина пролететь через огонь, но не рассчитал траекторию и со всей дури влетел в стеклянную дверь... Охрана забегала, загудела сигнализация. Маша пригляделась: байкер поднялся, отряхнулся, снял шлем, его лицо казалось смутно знакомым: колечки в губе, сережки... хвост на затылке... Вован! «Оглянись!» — мысленно позвала она. Вован оглянулся, увидел Машин силуэт на фоне освещенного окна...

— Да у вас бардак в подразделении, — спокойно сказала Маша, вытягивая ноги, — я должна подумать.

— Я бы хотел на время забрать ваш меч, чтобы показать его спецам.

— Вы же не можете отобрать его силой... — Она опять сплела-расплела пальцы, выпуская синеватые язычки пламени.

«Палыч» поводит желваками на скулах.

— А сейчас мне надо побыть одной... — Маша бросила выразительный взгляд на «Палыча» и его подручных, те на всякий случай передвинулись к двери.

— Думай, Маня... — шепнул ей Серега, выходя... — я бы ему не доверял. Гонит. Если что, мы рядом.

Маша осталась одна. Глянула в окно: байкеры стремительно убрались в темноту. Опасность рядом... «Я ящерица на камне... я просто наблюдаю... нет, к сожалению, я уже не просто наблюдаю. Слышишь, чучело, кажется, без нас с тобой не разберутся... — присвистывая по-змеиному, прошептала она мечу. — Я даже имени героического не успела тебе придумать. Но мы оба знаем, что это не главное...»

Вероятно, Маша провела в состоянии транса достаточно долгое время. Когда вошел «Палыч», она медленно открыла глаза, вдохнула-выдохнула и спокойно ответила:

— Я согласна.

— Машка, не верь ему!

И это был голос Андрея.

глава 2

В комнату ворвались Серега с Валерой, встали слева-справа от «Палыча». Андрей ворвался вслед за ними, заломил «Палычу» руки, вытащил из его карманов пистолет, два мобильного, пейджер.

Маша смотрела на него — не взглядом Саламандры, отнюдь...

— Нос-то почему разбит?

— Да мы сперва повздорили... — пробурчал Валера. — Шибко борзый оказался. Ни тебе здрасьте...

— Ничто так не сближает мужчин, как хорошая драка, — ответил Андрей, — зато потом пришли к консенсусу. Теперь, — обратился он к надежно нейтрализованному доктору, — вы в присутствии Маши повторите то, что говорили десять минут назад своим ассистентам. И без глупостей!

— Какие же могут быть глупости в присутствии столь приятной дамы? — «Палыч» кивнул в сторону Маши.

— Я дама не просто приятная, а приятная во всех отношениях, — предупредила Саламандра, сгибая и разгибая пальцы. — Но позвольте сперва пару слов о наболевшем: Андрюша, свет очей моих, как ты попал сюда?

— Оклемалась, — шепнул Серега.

— Может, перейдем к делу? Времени мало...

— Выйди из образа спасителя человечества, — попросила Маша, — у меня неотложное личное дело. Андрей, я жду объяснений. Я просила больше не попадаться мне на глаза ни при каких обстоятельствах. И ты обещал...

— Да, обещал. И не смог.

— Ладно. Мне все равно. Я знаю, на кого ты работаешь. Просто уйди. Не мотай душу. Не до тебя.

— Хоть вы ей скажите... — Братаны пожали плечами и изображали крайнюю степень смущения. Андрей махнул рукой:

— Можешь не верить. Я потерял тебя из виду и через пять минут понял, что должен найти во что бы то ни стало. Позвонил начальству, отправившему меня в Нячанг. Мне сказали, что дальше в дело вступают специалисты из штурмовой группы, теперь они будут взаимодействовать с объектом, а моя работа выполнена. Мне не понравилось выражение «взаимодействовать с объектом». Я поплелся через весь город по набережной к центру, адрес которого был в той самой вырезке из газеты. На глаза попался салон татуировок. Возле салона под зонтиком сидела толстая тетка, кормила бродячих собак и кошек. Я тупо разглядывал рисунки татуировок, увидел в каталоге рисунок, мне показалось — твоя Ящерица, а оказалось — это Дракон... Тетка вдруг позвала меня и на приличном английском спросила: «Хочешь стать Драконом? Просто так никто тебе знак Дракона не нарисует». Я сказал: «У моей любимой была такая татуировка». Тут она вцепилась в мою ниточку на запястье, стала бормотать что-то, потом позвала хозяина салона. Тот что-то впаривал мне минут пять с чудовищным акцентом, потом выяснилось, что мы оба русские. Он порывался мне свою жизнь изложить, но я пресек...

—...а я выслушала...

— Короче, Вован сказал: я видел эту девушку. А тетка велела искать тебя на празднике Волшебного меча. Почему-то она была

убеждена, что я тебя там встречу. Я действительно рыскал в толпе часа полтора, слушал заунывное пение монахов и сворачивал шею, пытаюсь тебя найти в толпе. Потом начался пожар в ресторане, и мне показалось... Я был уверен, что там мелькнула в огне такая характерная тень...

Он оглянулся на братанов в поисках поддержки. Братаны кивнули — само собой, где огонь, там и Маня.

— А потом я обнаружил, что здание центра рядом. Позвонил снова начальнику, тот недвусмысленно велел мне убираться отсюда немедленно. Сама понимаешь, мог я уйти?

— Здоровая реакция подчиненного.

— Но в этот долбаный центр не пробраться ни с какого боку! Это вьетнамское подразделение нашего СП, мое российское удостоверение здесь недействительно. Я некоторое время изучал посты охраны. Потом вернулся к Вовану и сказал: выручай. В городе существует байкерская тусовка, они делают татушки в салоне Вована, он у них в почете. Вован свистнул байкеров и попросил устроить маски-шоу под вашими окнами.

— Значит, это был он! Через кольцо огненное прыгал!

— Конечно. Под шумок я пролез через окно в подвал. Там отсиделись некоторое время и пошел искать тебя, совершенно не представляя, с чем столкнусь. Иду мимо одного кабинета, а там этот... — он кивнул на «Палыча» — беседует с анестезиологом. И говорит: мол, мы ей лапшу на уши навешаем, а вы в ближайшее время подготовьте препарат.

— Да ведь он мне говорил про физиотерапию...

— Маша, ты взрослая девочка, а веришь всему, что говорят! Тут нефть! Тут бабло! Ты хоть приблизительно масштабы представляешь? За пятнадцать лет разработок одного лишь месторождения Белый Тигр только выручка российской стороны СП «РосВьетОйл» составила тридцать три миллиарда долларов! А в Меконгском нефтегазовом бассейне далеко не одно месторождение! За эти деньги можно все население земного шара положить и закопать десять раз!

— А я тут при чем?

— Ты нужна для выполнения определенного задания в ходе операции. И твой меч. И информация, заложенная в нем. Все охотились за мечом! Но оказалось, что владелица меча представляет со-

бой сверхмощное оружие массового поражения... при грамотном его использовании. Поняла теперь? Он сказал: «Мы должны активировать объект по максимуму для выполнения задачи». Объект, слышишь? Твой вьетнамский доктор тебя в монастырь отводил, нянчился с тобой: медитация, концентрация... А этот доктор — наш человек, советский! Ему главное — задание выполнить: бабло спасти! Он собирается перед операцией вкатить тебе специальное средство, предназначенное для активации всех процессов в организме. Самый мощный стимулятор плюс наркотик, под воздействием которого ты превращаешься в зомби, запрограммированного на выполнение конкретных действий. Под действием этого средства человек может голыми руками остановить поезд, перебить взвод спецназовцев и так далее. А при необходимости, будучи даже смертельно раненным, продержаться нужное время для выполнения боевой задачи. Это средство находится в экспериментальной разработке. На тебе его пробовать идеально: и ситуация того требует, и твою огневую мощь можно повесить до максимума. И спроса никакого: мало ли что у тебя в башке потом переключит — им до лампочки. Если что не так пойдет — его люди тебя просто прикончат, как бешеную собаку, и все. «Нет человека — нет проблемы, какая такая Маша?» А уж с террористами постараются разобраться традиционными средствами... Поняла теперь?

— Угу, — буркнула Маша. Встала, обошла «Палыча», заглянула ему в глаза:

— Для вас это все равно что будильник завести? Таймер поставить? А потом я тоже... самоуничтожусь? Или мне помогут самоуничтожиться? Ведь никто не знает, что мне в голову взбредет? А если я сейчас прямо все тут спалю к едрене фене, заберу свои документы и спокойно улечу домой? И разбирайтесь сами со своим Меконгским нефтегазовым бассейном, со своими белыми тиграми, черными драконами и всем остальным! Хоть один человек тут говорит правду?

— Он, — «Палыч» выставил подбородок в сторону Андрея. — Он сказал вам правду. Слишком большие деньги поставлены на карту. Слишком много людей может пострадать. Слишком мало времени на подготовку и обучение. Слишком много на вас завязано. Нужно, чтобы вы сработали на пределе возможностей — своих и ваше-

го оружия. Но вы не умеете ими пользоваться и вряд ли научитесь за оставшееся время. Поэтому я предложил рискованный вариант с активацией полной мощности механизма... простите, организма. Никаких гарантий, что вы останетесь в живых. Никаких гарантий, что вы сможете это сделать! И никаких гарантий, что вы потом останетесь в здравом уме и трезвой памяти. Но это все, что я могу. Если бы был жив Ван — он бы добился нужного эффекта благодаря своим магическим знаниям, полученным от отца. Но Вана нет. А я не владею никакими магическими приемами, я всего лишь нейрохирург... и доктор медицинских наук... и я сделаю все, что могу, как бы мне это ни было тяжело. Моральный аспект никого в данном случае не интересует.

— Маня, не слушай его!

«Я ящерица на камне. Я ничего не чувствую...»

— Ничего делать не стану, пока один из вас не убедит меня в том, что других вариантов нет.

«Палыч» издал тяжелый вздох атланта, которого отвлекают от тысячелетнего труда по пустякам. Саламандра большим пальцем вытолкнула рукоять меча на полсантиметра. «Палыч» на всякий случай отодвинулся.

— Пойдем, Маня, — Андрей взял ее под руку, — спокойно все обсудим. Тебе нужно как следует отдохнуть.

— Не вы руководите операцией, молодой человек! — начал было раздувать щеки «Палыч».

Саламандра большим пальцем выдвинула рукоять меча еще на несколько миллиметров.

— Наше руководство, — по слогам произнес Андрей, глядя поверх головы собеседника, — подчеркиваю: наше руководство согласовало с руководством СП «РосВьетОйл» систему приоритетов и процедуру принятия решений. Я являюсь ведущим специалистом вашей компании по тектонике Зондского шельфа, а также ведущим аналитиком в нашей... структуре по вопросам безопасности и охраны месторождений. Ответственность за охрану месторождений, принятие решений и подготовку операции возложена на меня. Вашу часть операции вы доблестно провалили: объект не был своевременно информирован, не был доставлен в нужное место, не был должным образом подготовлен и не был должным образом

защищен. Контакт с объектом был утерян в самый критический момент, что является недопустимым. Не говоря уже о том, что поиск основной информации никто не производил, кроме собственно объекта. Который чудом не лишился при этом головы... — и он тихонько погладил Машу по волосам. Это было так неожиданно, что она даже не вздрогнула, а, наоборот, замерла и ждала, уберет он руку сразу или еще подержит несколько секунд.

«Палыч» сдувался на глазах.

— Жесть! — веско добавил Серега. — Маня, ты поняла, что это все про тебя?

— Надеюсь, вы не собираетесь покинуть помещение центра? — забеспокоился «Палыч».

— Мы не можем рисковать жизнью исполнителя, играющего ключевую роль в операции. А ваша система безопасности ниже всякой критики, десятков байкеров под окнами — и заходи кому не лень! Маня, я нашел неподалеку маленький отель, увитый магнолиями по всему фасаду.

Маша переглянулась с Серегой, дернула Андрея за рукав...

— Вы двое, поступаете в мое распоряжение! Жду внизу через две минуты, — кинул он Сереге с Валерой. «Палыч» возмущенно снял и надел очки. Но промолчал.

Через десять минут все четверо уже получали ключи от номеров в вестибюле маленького отеля «Анамандара».

— Ты руководишь операцией по спасению нефтяного бабла? А почему же тебе пришлось тайком лезть через подвал в помещение центра?

— Обычные издержки централизованного управления: левая рука не ведает, что делает правая. Две структуры заняты одним и тем же. Одни тебя ловят, другие спасают. Так вышло, что я оказался на стороне спасающих...

— А могло быть и наоборот?..

Он нахмурился.

— Ладно, лучше скажи: «РосВьетОйл» выпишет мне командировочные?..

— Пойдемте, леди, нас ждут великие дела.

— ...я бы на твоём месте проверил наличие огнетушителя в номере, — крикнул Серега вдогонку Андрею.

глава 3

Я была уверена, что больше тебя никогда не увижу.
— Машка, какая же ты наивная. Неужели я бы оставил тебя, зная, какой опасности ты подвергаешься?

Андрей протянул ей стакан сока. Смотрел, как она запрокидывает голову, обливается нечаянно, как капли стекают по шее, осторожно вытер салфеткой: — Ты мое уникальное секретное оружие...

Они провели в номере почти целый день, а поговорить толком и не удалось. Один раз Андрей оделся и вышел минут на пятнадцать, вернулся с пакетом еды из близлежащего «Мақдоналдса». В ответ на моей вопрос буркнул:

— Я доложил, что провожу инструктаж объекта по особому протоколу.

А больше ничего Маша и спрашивать не стала...

Но сейчас он сам, вероятно, набрался духу:

— Не пора ли нам поговорить серьезно?

— Давай. Только для этого тебе придется одеться.

— Манечка, тебе придется слушать и вникать.

— Во все тонкости?

— Вплоть до геосинклинальной теории... И не надо на меня так смотреть. Я знаю о тебе гораздо больше, чем может показаться, и хватит уже прятать свой интеллект. Самое достойное сожаления в человеке — умаление своих достоинств. Это седьмая из четырнадцати заповедей Будды, кстати...

— Я буду стараться.

— Судя по письму, которое я успел прочесть через плечо еще в Нячанге, тебе известно, что иероглифы на ротанге и на ножнах меча содержат некую информацию.

— Ты объяснял мне, что означают рисунки на ножнах. Смысл высказываний о Черном драконе я поняла только недавно: это место рождения на шельфе Южно-Китайского моря, которые ждут своего часа.

— Позволь, я посмотрю ножны еще раз. В Нячанге мне удалось только сфотографировать рисунки, пока ты спала, и отправить в Москву. Теперь я должен своими глазами убедиться...

Андрей разглядывал их в лупу. Потом поставил компьютер на край кровати.

— Смотри.

Пролистнул несколько файлов, на мониторе появилось блеклое увеличенное изображение — молодой мужчина в круглых очках, с копной кудрявых волос.

— Это Симон Вернье. Да-да, кузен Натали Вернье, твоей французской бабушки. Его работы известны очень узкому кругу людей, занимающихся историей геофизики. Я уже говорил, что читал две работы Вернье, которые меня поразили. Он предугадал наличие залежей нефти в кристаллическом фундаменте шельфа Южного Вьетнама, нефтеносных пустот в гранитоидной породе. А это считается уникальным явлением в мировой геологии. Более того, он каким-то образом проанализировал структуру шельфа и почти точно предсказал расположение основных месторождений. Это конец двадцатых годов! А разрабатывать их промышленным способом начали только во второй половине XX века. Его статьи были опубликованы среди материалов конференций Французской школы Дальнего Востока — той самой, в которой фигурировал и археолог Голубев. Жизнь Вернье вскоре оборвалась. Теперь я уверен: его смерть связана с этими открытиями. Вернье чувствовал, что его жизнь в опасности, его схемы попали к Голубеву. А Голубев почему-то передал их твоему родственнику-разведчику. Трудно понять почему.

— Я прочла в биографической статье, что Голубев как мог помогал Советской России, хоть и провел большую часть жизни во Вьетнаме. Возможно, он понимал, что схемы нефтяных месторождений — это огромная ценность, и хотел передать их на родину. А может быть, пожалел любимый Индокитай, раздираемый гражданскими войнами и внешними агрессиями. Но какой теперь смысл в этих схемах? Ведь месторождения давно и успешно разрабатываются?

— Тут указаны не только точные места нынешних, уже освоенных месторождений, но и несколько предполагаемых гигантских пустот, заполненных нефтью. И объемы их несравнимы с теми, что уже разрабатываются. Вот последний, четвертый рисунок, который чуть отличается от остальных. Рядом с ним расположена надпись о драконе, который охраняет огонь под водой. Исходя из этих схем, можно и открыть новые, уникальные залежи, и уничтожить практически весь нефтегазовый бассейн Меконгской впа-

дины. В двадцатые годы не было должного оборудования для разработки этих месторождений. А сейчас направленным подводным ядерным взрывом можно разбудить вулканическую активность всей подводной системы, тем самым спровоцировать абсолютную экологическую катастрофу.

— Откуда ваши конкуренты узнали о работах и схемах Вернье?

— Когда встал вопрос об угрозе подводного взрыва, вьетнамская сторона познакомила нас с рядом архивных материалов. И в частности, там присутствовал рапорт одного из сотрудников посольства ДРВ в Москве, а точнее — донос на помощника атташе по культуре...

— Нгуен Бао Хунг, — твердо произнесла Маша, — так звали моего деда.

— В рапорте говорилось, что он знает о существовании неких секретных схем нефтяных месторождений, но не прилагает должных усилий, чтобы схемы попали в распоряжение правительства ДРВ, а, напротив, попустительствует своему сыну, вступившему в связь с иностранкой... ну и прочая грязь.

— Удивительно! Значит, мой дед знал, что на ножнах меча изображены эти схемы?

— Я видел протокол допроса Натали Вернье. В нем сказано, что ее кузен Симон Вернье действительно изучал шельф Вьетнама, достиг определенных успехов, но погиб при загадочных обстоятельствах, и результаты его работы так и не увидели свет. Она говорила, что кузен был наивным и доверчивым человеком, не от мира сего, утверждала, что никаких схем не существует, что это не более чем семейная легенда о волшебном мече, бытовавшая в семье ее мужа.

— Думаю, дело обстояло примерно так, — Маша взяла в руки карандаш и начала рисовать схему. — Один знаменитый разведчик, Юэн Чай Ван, рыскал по всему Индокитаю и откуда-то выкопал мой волшебный меч. И продолжать рыскать по Индокитаю в обнимку с ним.

— Где твоя флешка? — пробурчал Андрей. Маша показала на карман сумки. Он открывал по очереди фото старых документов.

— Как звали разведчика? Повтори еще раз... Смотри сюда...

— О господи! — только и выдавила из себя Маша. Они вдвоем разглядывали неразборчивую подпись под групповым фото: Голубев,

Амиров, Вернье, Ю Чи... — Да это же Юэн Чай Ван, репортер как мог, так и написал его имя! Значит, Юэн Чай Ван узнал об исследованиях Вернье, познакомился с ним, втерся в доверие, уговорил передать ему эти схемы. Какая разведка мира откажется от информации о предполагаемых залежах нефти? Вернье опасался за свою жизнь. И попросил своего знакомого Голубева сделать надписи для схем древними иероглифами «ты ном», чтобы посторонний ничего не понял. Вскоре Вернье погиб. Вряд ли Юэн Чай Ван сам его грохнул, хотя кто знает? Юэн Чай Ван, став обладателем уникальной информации о нефтяных залежах, не доверял никому. И бумаге тоже. Он попросил какого-то мастера воспроизвести рисунки на ножнах меча, поскольку с мечом не расставался никогда. Мы не знаем, какую услугу оказал Юэн Чай Вану разведчик Амир. Возможно, Юэн Чай Ван тоже опасался за свою жизнь и поэтому передал ему меч. Как бы то ни было, Амир Шариханов был обвинен в связях с разведкой клики Чан Кайши и расстрелян. А меч так и остался у меня дома, в кладовке. Ни мой вьетнамский дед, ни моя французская бабушка не выдали тайны, с ним связанные. И Соня молчала всю жизнь. Я-то думала, что дело в моей матери, в ее необыкновенных способностях, а оказывается, все упирается в нефть. И в бабки...

— Значит, теперь ты являешься носителем и этих магических свойств, и поистине бесценной информации о неоткрытых еще месторождениях, рядом с которыми Белый Тигр, Дракон, Руби, Черный Лев покажутся захудалыми скважинами...

— Погоди-ка... — Маша бросилась к монитору, пролистнула еще несколько снимков. — Смотри! Этот пригласительный я нашла в старой книжке по вьетнамской мифологии. Хорошо, что я его не выкинула, а сфотографировала вместе с другими документами! Тогда мне незачем было разглядывать текст...

«СП «РосВьетОйл» приглашает Вас на праздничный вечер вьетнамско-советской дружбы, посвященный началу совместной разработки месторождения Белый Тигр. 1988 г. Москва.»

— Соня знала, что меч хранил тайну нефтяных месторождений. Поэтому она сохранила пригласительный: как память о трагической судьбе отца и об удивительной истории меча.

Она замолчала. Андрей смотрел на нее исподлобья: явно ждал следующего вопроса.

— Эти схемы оказались у тебя в руках еще в Нячанге. Зачем было дальше со мной возиться?

— Твои способности решено было использовать для противодействия террористам.

— Побойся бога, Андрей! Что я могу им противопоставить?

— Я занимаюсь безопасностью месторождений, нефте- и газопроводов. Существует специально разработанная оптоволоконная система подводного слежения, «Лагуна», она работает на глубинах до трехсот метров. В нашем распоряжении малые подводные лодки класса «Тритон». Военные подводники тоже участвуют в операции. Но прослушивающие и сканирующие устройства противника всегда могут засечь движение группы людей. Существуют и подводные роботы-автоматы, способные опускаться на самые большие глубины. Но это роботы, они не могут адекватно реагировать на ситуацию. Их могут засечь металлодетекторы противника. Сейчас наша система охраны месторождений функционирует в режиме повышенной угрозы. Возможно, удастся обойтись без твоих способностей. Но пока все не закончится, мы не можем быть в этом уверены. А если иметь в виду, что у нас в руках схемы новых месторождений... Ты представь только, Маня, какие перспективы перед нами откроются, если ты научишься по максимуму использовать возможности своего оружия, да в мирных целях! Имея в руках такой фантастически мощный инструмент точечного энергетического воздействия, мы могли бы производить разведку этих месторождений совершенно иначе! Поэтому я лично тебя охраняю и за тебя отвечаю. Перед Богом и людьми, как говориться... — Андрей выдохнул и отвернулся.

— Как оружие? Как инструмент мощного энергетического воздействия? А если забыть про мои сверхъестественные свойства, ты бы стал меня охранять и отвечать за меня? Просто как за Машу?

— Ну да...

— А если честно?

— Не знаю. Все так запуталось... — Он опять замотал лобастой башкой, — не мучай меня больше вопросами, вообще не говори со мной некоторое время. Мне надо подумать, — и быстро вышел.

Маша взяла в руки меч: «Эх, чучело, во что ты меня втянул... лежал бы себе в каморке папы Карло... а теперь уж нам с тобой и деваться некуда».

В дверь постучали.

— Маня! Выходи! — позвал Серега. — Андрей сказал, тебя развлечь надо. Пойдем на море!

Она взяла купальник и пошла с ними к морю. Легла в плавные волны, повисла в темной воде, сумеречный воздух сливался с океаном, не было ни неба, ни земли, ни воды, ни вчера, ни завтра... Она давно перестала удивляться и задумываться над причинами и следствиями событий. Надо плыть по течению и делать то, что требуется от тебя в данный момент. Все остальное не имеет смысла...

Вода была настолько теплой, что Маша быстро впала в подобие транса, постепенно замедляя дыхание, расслаблялась, пока не перестала ощущать ничего, кроме могучих колебаний океанского прилива. В глубине бесформенной водной массы что-то зрело. По позвоночнику пробежало знакомое игольчатое покалывание. Вода была союзником, но сейчас угроза исходила из глубины.

— Долго она в воде болтается? — донесся издали голос Андрея.

— Долго. Знаешь, сколько она может не дышать? Мы не в первый раз видим, и то жуть берет...

— Нам пора, ребята, — Андрей стоял у кромки прилива. Сумерки сгущались, загорелые лицо и руки сливались с темнотой, была видна только белая рубашка. Маше показалось, их зовет Никто — безликая тень. Впрочем, какая разница, кто тебя зовет из сумерек?

глава 4

Поступила информация о том, что рядом с платформами месторождения Дракон замечены подозрительные плавсредства. Туда отправлена группа быстрого реагирования, подлодка «Тритон» и пара катеров, а также подводники из... службы безопасности «РосВьетОйл». Это свидетельствует о том, что первоначальные предположения о времени теракта ошибочны. Возможно, террористы собираются разместить не один заряд, а несколько, в разных местах. Мы не можем этого предугадать. Можем только судить по косвенным признакам активности о месте расположения зарядов. Но нам известно местоположение базы, откуда будет производиться управление группой и откуда будет отдана команда об активации зарядов. Есть мнение,

что мы должны атаковать базу, уничтожить операторов и пульт управления немедленно. В связи с этим я настаиваю на участии вашего объекта в операции, — «Палыч» поверх очков посмотрел на Андрея, — это согласовано с руководством. А также настаиваю на активации возможностей объекта, причем, если понадобится, вплоть до принудительной активации... о чем я тоже доложил руководству.

— А вы объект спросите, — безразличным тоном отвечал Андрей, — как он относится к активации своих мощностей принудительным путем?

Сергея с Валерой как бы невзначай переместились поближе к «Палычу» и выразительно положили руки ему на плечи.

— Объект не в восторге, — Маша окинула их пустым отрешенным взглядом. — Но выбора у меня нет. Я действительно не представляю своих реальных возможностей, а сейсмическая война — это не пальба по вертолетам или мотоциклам. Если можно сделать что-то, чтобы добиться от меня максимального эффекта, — надо это сделать. В данный момент я представляю собой оружие. Меч перед боем надо наточить.

Андрей хотел что-то сказать, но она сделала предупреждающий жест:

— Я бы хотела сама поговорить с руководителем штурмовой группы и взрывниками. Кто знает, как я буду соотносить после ваших инъекций. Забуду что-нибудь, не дай бог, или перепутаю... И второе условие: Серега с Валерой пойдут в штурмовой группе. Я хочу кому-нибудь доверять. Если уж мне чердак снесет — пусть пристрелит кто-нибудь из своих... все ж приятней будет.

— Маня, ты что говоришь-то? — взревел Серега. — Кто тебя пристрелит? Да я сам кого хошь за тебя порву...

— Не беспокойтесь, — радостно закивал «Палыч», — у нас для этого есть специально обученные люди... кстати, двое вам знакомы — это мастера из Школы воинов Индры, их прислал Зыонг. Они лучшие сотрудники службы безопасности вьетнамского подразделения СП, и они оба выразили желание сопровождать вас.

— Братаны, простите. Если что — мне свернут шею два неразговорчивых монаха в оранжевых накидках. Меня вовремя не предупредили, что в Школе воинов Индры существует подобная форма воинского братства. А теперь пригласите специалистов. Я умею запо-

минать. Мне достаточно один раз услышать или увидеть. И еще мне нужен гидрокостюм... Маску с трубкой и ласты мы с тобой купили, помнишь? — Андрей отвернулся.

— ОК. Подводная амуниция давно приготовлена. Может, хватит руки-то заламывать? Я все-таки хирург... — огрызнулся «Палыч» на Валеру с Серегой.

— Видали мы таких хирургов, — по-доброму отвечал Серега. — Не обессудь, папаша, с нами посидишь пока. Позвони, чтобы штурмовики с взрывниками и подводниками приходили. Да без глупостей, у нас тут и штурмовик, и взрывник, и подводник в одном лице представлены... — Маша поклонилась ритуальным поклоном воинов Индры. — И лицо это пребывает в скверном настроении.

«Палычу» сунули в нос мобильник, набрали нужную комбинацию цифр, он мрачно пробурчал в трубку:

— Руководители подразделений на совещание, третий уровень допуска...

Серега с Валерой выпустили его, но не сводили глаз.

Маша обернулась к Андрею:

— Скажи, друзья у меня — что надо?

— А я больше не вхожу в их число? — Он выпрямился, закусил губу. Но Маша промолчала.

Началось обсуждение. Путь к секретной лаборатории проходил вдоль побережья, мимо бывшей советской военно-морской базы Камрань. Базу продали несколько лет назад; близлежащие бухты постепенно были сданы в аренду разнообразным организациям. Лаборатория находилась неподалеку от Камрани, в тщательно охраняемом бункере — никакой штурмовой группе не подобраться. Но был и специальный подводный шлюзовой отсек, с выходом в море, через который планировали уйти террористы после запуска программы. С моря подобраться тоже нереально. Аквалангистов могут засечь прослушивающие устройства по звуку пузырьков. Подводников, плывущих на специальных устройствах замкнутого цикла — ребризерах засекут металлодетекторы. Маше придется пройти до нужной точки на катере, уйти под воду и пробраться через бухту к шлюзовому отсеку. «Там наверняка будет охрана, но вы справитесь...» — добавил руководитель группы захвата.

Потом она должна с пульта управления открыть наружный вход, запустить туда наземную штурмовую группу. В ее составе есть специалист, который сможет запустить деактивирующую программу, эта программа разработана недавно и не опробована. В крайнем случае головной компьютер террористов перепрограммируется на самоуничтожение.

— А если не удастся предотвратить активацию зарядов? Вдруг ваша подводная и надводная охрана их уже спугнула? И они изменили план?

— Мы знаем предполагаемое место взрыва. Туда вас могут доставить морем, времени для этого должно хватить.

На монитор вывели карту местности, подробный план бункера. Руководитель взрывников во что бы то ни стало желал растолковать ей предполагаемую схему подводного взрыва. Андрей не выдержал и стал демонстрировать свои схемы предполагаемого расположения зарядов, они яростно спорили. Андрей напирал на свое знание тектоники, а руководитель взрывников справедливо отвечал, что он тоже окончил МИИГАиК, но положил на всякую тектонику еще во время службы на Кубе... Маша меж тем долго и отчаянно пялилась в монитор, потом судорожно наморщила лоб и жалобно попросила:

— Вы мне лучше, как в анекдоте, пальцем покажите...

Андрей погладил ее по голове. Взрывник вздохнул и вышел покурить. Потом вернулся и сквозь зубы произнес:

— Вот эпицентр взрыва. Вот подземная геологическая платформа.

— Понимаю, — радостно закивала Маша, — мне Андрей объяснял про тектонические разломы и про многопластовую структуру месторождений...

У взрывника дернулся глаз, но он продолжал:

— Если основной удар будет направлен сюда — возможна активация подводного вулкана Иль-де-Сандр, это приведет к цунами, которое сметет все побережье. Взрыв уничтожит четыре месторождения в стадии активной разработки. Если направление взрыва изменить — будет лучше. Намного. Хотя как минимум одно месторождение будет уничтожено целиком.

Маша долго смотрела в карту, потом переспросила:

— А где, например, север? Тут? Мне от него по часовой стрелке?

Взрывник сделал еще один глубокий вдох:

— Можно сказать и так. Примерно двадцать-двадцать пять градусов... Компасом умеете пользоваться? Вот устройство сродни навигатору, на дисплей выводятся координаты. Вот нужные вам координаты базы. Вот — координаты предполагаемой точки расположения зарядов. Надеюсь, вам они не понадобятся. Понятно? Здесь крутить, здесь смотреть.

— Вери симпл, — радостно кивнула Маша. — В монастыре это было единственное объяснение, которое мне доводилось слышать. Бросят тебя на землю со всей дури — и объясняют: вери симпл... ап— даун... Правда ли, что люди Зыонга будут сопровождать меня на катере?

— Да, это так.

— Маня, а мы-то как же? — подал голос молчавший до сих пор Серега.

— Вам жить надоело?

— Мы же тебя на яблоках тренировали...

Маша махнула рукой:

— Пусть они пойдут как сопровождение.

— Мария, у нас мало времени, если вы решились — надо торопиться. Не волнуйтесь, вся процедура займет не более десяти минут.

— ОК, я готова.

— Штурмовая группа, по машинам! — скомандовал «Палыч».

— Не рано?

«Палыч» насупился:

— Своими людьми я пока еще распоряжаюсь сам. А вы могли бы проводить Марию на нулевой этаж? — обратился он к Андрею. — Ведь теперь объект и генератор — зона вашей ответственности...

— Да уж, я сам хотел бы присутствовать.

— Зачем тебе это?

Андрей пробормотал сквозь зубы:

— Кто-то же должен досмотреть кино до конца.

Маша пожала плечами. В комнате никого не осталось.

— Знаешь, если и впрямь мне крышу снесет напрочь, как «Палыч» предупреждал, — ты тогда уж не давай никому меня прикончить. Уж лучше ты сам... Сможешь? Это ведь буду уже не я.

— Машка! — Он попытался ее обнять. Но встретил пустой прицельный взгляд Саламандры...

Машу уложили на стол, померили давление и пульс, над ней снова нависло лицо в хирургической маске.

— Готовы?

— Йес, сэп! — ответила она, вытягиваясь на кушетке.

«Палыч» попросил ассистента подойти. И тут раздался взрыв... «Чучело, атас!» — Саламандра, не задумываясь, швырнула тело в дверной проем, поднырнула под огненный гребень, врывающийся в комнату, взрывная волна заметалась в тесном неудобном коридоре, сметая людские фигурки. «Там были свои...»

глава 5

Машины в гараже на нижнем уровне полыхали, штурмовая группа была почти полностью выведена из строя, Валера с Сергеей приволокли «Палыча», который, морщась, зажимал простреленное плечо. Андрей навис над ним:

— Это вы погубили своих людей! И самое плохое, что они теперь могут активировать заряд раньше времени. Что теперь — Машка одна полезет на базу? С голыми руками?

— Программист цел?

— Программист тяжело ранен, без сознания.

— У него был диск с программой... без него все бессмысленно...

— Диск нашли у него в кармане. — Андрей помахал коробочкой с диском.

«Палыч» смотрел на него исподлобья, по закопченным щекам стекали струйки пота, половина лица дергалась. Ему было больно и страшно.

— Мы не можем провалить операцию! Вы должны туда провалиться и их опередить. Мария, у нас нет времени на введение стимулятора... и я не смогу этого сделать, рука не действует, вы уж постарайтесь... — «Палыча» трясло.

— Щас все будет! — произнесла она универсальную формулу.

— Как? На чем? У нас больше нет транспорта...

Маша нашарила в кармане разрисованную экзотическими картинками визитку с телефоном: Вован.

— Андрей, звони и бери у него мотоциклы. Пойдешь в наземной группе с теми, кто остался цел. А мы с Валерой и Сергеей попытаемся морем... Братва, ну неужто мы катер не найдем? И где тут мои маскиласты? Валера, подводную охоту никто не отменял!

Вован откликнулся на призыв мгновенно. И более того — при слове «катер» он радостно завопил:

— Их есть у нас! — Оказывается, поначалу он подрабатывал в местном порту: возил туристов на морские экскурсии.

Не прошло и двадцати минут, как в их распоряжении оказалось два мотоцикла. На раздолбанном джипе с нарисованным воздушным змеем принесся сам Вован, подхватил Машу с братанами. Два молчаливых бритоголовых вьетнамца в камуфляже и бронежилетах встали перед Машей, поклонились. Лишь по ритуальному поклону воинов Индры она узнала их: «двое из ларца — одинаковы с лица...»

Маша показала на Андрея: у него диск, берегите. Двое поклонились еще раз.

— Вери симпл... ап-даун... — буркнула им Маша. И крикнула Андрею вдогонку:

— Помнишь, ты обещал досмотреть кино до конца? Будь добр дожить до этого момента.

С грохотом и лязганьем плохо пригнанных деталей джип Вована принесся в гавань, там им выдали скоростной катер. Вован сам сел за штурвал — мог ли он мечтать о подобном приключении? Маша ткнула ему в карту, примерно показав место выброса.

— Не волнуйтесь, доставим в лучшем виде! — пообещал герой, но катер не заводился. Вован зашелся в гортанной матерной тираде на трех языках...

— Соляра кончилась, — задумчиво констатировал Серега, выставив подбородок в темноту ночного Южно-Китайского моря.

— Это наш человек, — отвечал Валера, — он сейчас как следует душу отведет и заведется. — Катер завелся.

Маша на ходу натягивала гидрокостюм, плевала в маску... До бухты было минут тридцать-сорок хода, море к ночи улеглось, катер несся в темноте с максимальной скоростью. Вован напевал попури из репертуара группы «Ласковый май», Валера с Серегой старательно подбадривали Машу, делая вид, что они едут нав увеселительную прогулку.

— Ты там сильно не подставляйся, — убеждал ее Валера, — прошла по-тихому, без шухера, под дурочку коси, если что, в драку не лезь... пульт управления нашла, дверь открыла — и пусть хахаль твой делом занимается. У него диск, глядишь, и без тебя обойдутся.

— Аполлинарьевич верно сказал: погоди, найдешь себе принца, и мало ему не покажется, — вспомнил Серега.

Вован перестал петь:

— Не нравится мне тот объект на горизонте...

Объект оказался катером, который приближался слишком быстро.

— Не к добру это, — пробурчал Серега, — просто так по ночам один катер за другим гоняться не станет.

— Это катер знакомый! — отметил Вован. — Есть один жирный дайвцентр в Нячанге, только у них может быть такой большой катер, неужто сюда заплыли? Далековато...

— Похоже, знаю я этот дайвцентр... Братва, приготовьтесь.

До места выброса оставалось километра полтора-два ходу.

— Маня, ты как?

— Мне бы поближе. Там течение сильное, я на карте видела, сносить начнет, долго плыть буду...

Вован изворачивался как мог, но катер вот-вот мог попасть в зону обстрела.

— Разворачивайтесь и уходите! — крикнула Маша.

— Маня, держись! Иди в воду, мы их отвлечем!

Первая автоматная очередь прошла рядом, темная вода вспенилась, Вован заложил крутой вираж.

— Ката стрелка помнишь? — спросил ее Серега шепотом, — если что — считай, что ты в кино. И не бойся. Ни пуха ни пера!

Маша послала их к черту. И прыгнула, ощущая, как тело становится невесомым, сливается с темной водой. Мгновенно выбрала правильное направление. Течение действительно уходило прочь от бухты, приходилось плыть с усилием, главное было не сбиться с курса. Она не могла позволить себе отключиться — перед глазами должна была стоять карта побережья. Поэтому плыла, используя на полную катушку только собственную силу. Временами сосредотачивалась на своих ощущениях, корректировала маршрут. Ей потребовалось не очень много времени, чтобы добраться до зоны, где любой надводный объект попадал в зону видимости или слышимости. Шлюзовой отсек бункера находился на тридцати пяти метрах, однако пока она шла недалеко от поверхности, чтобы иметь возможность в любой момент высунуть голову и со-

риентироваться. Внезапно инстинкт Саламандры заставил уйти глубже и прислушаться: ее догоняли несколько движущихся объектов.

Она мгновенно включила круговой обзор: действительно, четверка аквалангистов шла на небольшой дистанции, и дистанция эта стремительно сокращалась. Слышался шум моторов, похоже, они воспользовались подводными скутерами — один из таких скутеров Маша видела в дайвцентре Джерри Ван Чойса, офис-менеджер долго рассказывала им, какая это незаменимая вещь для настоящего подводника... Скутер — дорогая игрушка. Уж не Ван Чойс ли это?

Аквалангисты подошли близко, в руках у них что-то поблескивало. Пора. По позвоночнику пошла морозная стрела...

«Я как вода, я становлюсь водой...» В одно касание снесла ласты одному, сшибла на ходу другого, третьему сорвала маску... темные силуэты пошли вверх... последний оказался прямо перед ней, вскинул руку, целясь... Под маской мелькнули светлые глаза: мистер Ван Чойс собственной персоной. Она не воспользовалась преимуществом Саламандры, силы следовало беречь. Просто сняла с шеи маленький кинжал, подарок Нгу Май, одним молниеносным выбросом перерезала противнику шланги. Выхватила скутер и не обернулась больше — только услышала шум и клекот вырывающегося воздуха. «Торопись, Саламандра, тебя ждут...» Взялась за рукоять скутера, отключилась полностью, приказала себе «Не дышать!» и ушла на глубину.

Шлюзовая камера хитро открывалась с внешней стороны, никак не поддавался огромный вентиль, она с трудом нащупала неприметное углубление, нажала кнопку, люк пошел в сторону...

Маша рухнула на мокрые стальные плиты, дожидаясь, когда откроется люк с другой стороны. Выскочила, бросилась по узкому коридору с металлическими ребрами жесткости, навстречу ей поднялись двое. Раздумывать было некогда, тело само послушно уворачивалось от нападения, наносило встречные удары... Расшвыривая по сторонам оторопевших охранников, без единого выстрела она неслась по коридору. «Спасибо, Нгу Май, ты научила меня опережать любого противника...» Адреналин хлестал из ушей, она не помнила, ни куда ей надо попасть, ни зачем. Пришла в себя только

у прозрачной двойной двери, за которой виднелся небольшой зал, набитый компьютерами, и мелькали два силуэта.

Она распустила кисти рук и отправила в пуленепробиваемое стекло огненный заряд. Стекло выдержало. «Чучело, сюда!» Меч сам лег в протянутую ладонь, стекло рассыпалось с грохотом, волна синеватого огня ворвалась в помещение, невесомое тело взлетело над огненным гребнем. Двое кинулись на пол, она, не оборачиваясь, двумя щелчками пальцев отправила в каждого по небольшому синеватому стустку. Где пульт управления входом? На мониторе возник план сооружения, она пробежала по клавиатуре пальцами, нашла нужное место на плане, развернула картинку внешнего обзора. Три человека с боем прорываются к входу... Живы. Все трое.

Через несколько минут Андрей и двое бритоголовых оказались рядом с ней.

— Ты цела? Ребята где?

— Не знаю, я уходила в море, когда они оказались под обстрелом. Знаешь, кто попался мне под водой? Мистер Ван Чойс собственной персоной...

— Без него на этом побережье ничего не обходится, как без Маркиза Карабаса, — мрачно пробурчал Андрей, вынимая маленький диск. — Маша, где главный сервер? Ты видела план...

— Кажется, там. Через два зала. Быстрее...

Андрей бросился туда, бритоголовые последовали за ним. Маша задержалась на секунду, окидывая взглядом мониторы... Раздалась стрельба.

— Скорее! Уходит!

Она кинулась вдогонку. Андрей стоял, растерянно глядя, как закрывается пуленепробиваемое стекло в следующий зал, где располагался сервер. А за ним в коридоре исчезает темный силуэт. Воины Индры лупили вслед из автоматов.

— Можешь открыть вход в следующий зал?

Она сосредоточилась, сделала вдох-выдох и вышибла армированное стекло прицельным залпом.

На мониторе виднелась надпись: идет активация.

— Он запустил программу взрыва!

— Мы не успели?

— Ничего, сейчас запущу диск с другой станции.

— Ты умеешь с этим обращаться?

— Кое-чему меня в институте научили. Уж если я мог паленый «Фотошоп» установить на любое разбитое корыто, как-нибудь с этим справлюсь...

Андрей возился с диском, потом поднял отчаянные глаза:

— Программа не запускается. Дает ошибку при загрузке. Не жрет их сервер наш диск! У нас все для «писюка» прописано, а тут «макинтоши». Все доподлинно узнали наши оперативники, а что компьютеры бывают РС или Мас — это им никто не объяснял. Ну почему все у нас через ж...? Впрочем, это неважно: информация уже передана, заряды активированы, обратный отсчет пошел.

Он смотрел в экран и мрачнел все больше и больше:

— Мы ошиблись! Заряды заложены по краям той части платформы, где Симон Вернье и предполагал наличие гигантских пустот. Глубина заложения и в самом деле невелика. Хватило бы группы немедленного реагирования из опытных аквалангистов, если бы было время доставить их на катере. Но если взрывной механизм снабжен прослушивающей системой и металлодетектором, он засечет приближение любого аквалангиста и подводного робота. Сейчас основные силы охраны месторождения сосредоточены в другой части акватории! Мы должны туда успеть! Я видел здесь в ангаре вертолет береговых спасателей. Может быть, удастся что-то сделать, существует система экстренных мер...

— Ты возьмешь меня с собой?

— Я отвечаю за безопасность и охрану комплекса месторождений. По правилам, в течение шестидесяти минут аварийная бригада должна прибыть к месту предполагаемой аварии и в течение первых восьми часов обеспечить ликвидацию утечки нефти... — он замотал головой: — Убей бог, я не представляю, как сделать и то и другое, но к месту катастрофы я прибуду вовремя...

— А я? — сообразила Маша.

— По дороге поговорим! Некогда!

Он что-то крикнул на вьетнамском, «двое из ларца» закинули на плечи сумки со снаряжением, подхватили Машу под руки и бросились наверх. Там действительно оказался маленький синий вертолет, наподобие тех, на которых летают спасатели.

— Ты летала на вертолете?

— Нет. А что?

— Прощайте, внутренности! — мрачно буркнул Андрей, пристегиваясь в кресле. Бритоголовый сел за штурвал, другой захлопнул люк.

Они замолчали, разговаривать стало невозможно: вертолет немилосердно болтало, внутренности действительно с трудом помещались в теле. Минут через двадцать Андрей крикнул ей в ухо:

— Давай свой навигатор, внесу новые координаты зарядов. Их рассчитывал грамотный специалист: не удивлюсь, если окажется, что он учился на моей кафедре... — он криво усмехнулся. — Заряды находятся в части вулканической зоны островов Тху-Катуик, в которой отмечались сильные геомагнитные аномалии. Если я правильно понял схему расположения зарядов и гипотезу Вернье, взрыв действительно должен привести к разрушению гигантских нефтеносных пустот и к пробуждению цепи подводных вулканов...

— Ты хочешь сказать, что мы летим туда?

— Сначала туда. Ты уходишь под воду, я лечу дальше, к группе береговой охраны месторождений.

— То есть я одна-одинешенька лезу под воду и пытаюсь дезактивировать подводные взрывные устройства? А ты сваливаешь?

— Я не сваливаю, Маша! Я не могу тебе помочь! Только ты, с умением находиться под водой так долго, можешь туда пробраться! И тебя не засечет ни один сонар, ни один металлодетектор! И только у тебя есть эта хреновина в запасе! И только ты умеешь генерить энергию в таких количествах, что никому мало не покажется! А я должен быть там. Это моя работа, Маша! И если можно как-то успеть спасти тысячи людей на платформах и на берегу, я обязан это сделать!

— А я, значит, просто носитель генератора?

Она отвернулась. Андрей молча вернул ей навигатор.

Через некоторое время один из бритоголовых показал Маше: надевай ласты и маску, уже скоро.

— Вы хотите сказать, что мне пора отваливать? — Маша была уверена, что они ничего не поняли.

— Да, иди, — ответил один из них.

А второй добавил:

— Ты можешь. Зьонг сказал. Нгу Май сказал. Иди. Сила не здесь... — он показал на меч, — сила здесь. — И ткнул ей в грудь. — Ты воин Индры.

Он положил ей руки на плечи, показал: делай как я. Вдох-выдох... Вери симпл... Маша закрыла глаза, вгоняя себя в бессознательное состояние.

Зыонг показывал ей основные точки. Воздействуя на них, можно добиться максимального прилива сил. Точка дан-тянь, точка дзю-сан-ли, «третий глаз»... Одна — чуть ниже пупка, вторая — на ноге, третья — между бровей... Гидрокостюм из неопрена не позволял продавить точки с нужной силой. Маша сняла с шеи кинжал, подаренный Нгу Май. Со всей силы вдавила рукоять во все три точки, по очереди, стискивая зубы, продавливала, массировала их, как учил Зыонг. Бритоголовый одобрительно кивнул. Маша застегнула ласты, поплевала в маску. Тронула Андрея за руку:

— Хорошо, что «Палыч» не успел вколоть мне спецсредство. Мы не смогли бы поговорить напоследок.

— Почему «Палыч»? — растерянно спросил Андрей.

— Это я его так называла. Похож на моего школьного физрука... Я боюсь, слышишь? Вдруг у меня ничего не получится?

— Чем тебе помочь? — Он схватил ее за плечи. — Я бы пошел вместо тебя, но это можешь только ты!

— У тебя другая работа... ты же не для этого в Нячанг приехал.

— Если бы я не приехал в Нячанг, я бы тебя не встретил.

— Да перестань, мы оба понимаем, что я просто тетка, которая однажды сдуру нашла меч... и теперь «поздняк метаться»... Погоди-ка: если у меня ничего не выйдет, то ты тоже окажешься в зоне поражения?

— А куда ж я денусь из вверенной мне акватории... Маня, не думай об этом! У тебя все получится. Слышишь? А потом я тебе кое-что еще скажу. Обязательно!

Она глянула вниз:

— Кто-то думает, что я смогу отсюда прыгнуть?

— Я спущусь с тобой на тросе до высоты трех метров, потом отцеплю карабин, пойдешь в воду по моей команде.

Бритоголовый что-то крикнул ему, Андрей ожесточенно препирался, потом махнул рукой:

— Он говорит, что за меня отвечает и не имеет права рисковать. Трос может нас двоих не выдержать. Я обязан прибыть на место и обеспечить защиту месторождений. Поэтому он сам опустит тебя.

Бритоголовый решительно отодвинул Андрея и прицепил к своему поясу трос, надел на Машу такой же пояс из кордуры, пристегнул ее к себе карабином, показал: прижми маску рукой вот так.

— Все, мальчики, я пошла, — сказала Маша, кинжал Нгу Май обратно за воротник гидрокостюма. — Минутная готовность. Медитация, концентрация...

— Навигатор не забыла?

— Навигатор, маска, ласты. Свет, газ, вода, уют, ключи... Вери симпл. Ап-даун...

Андрей хотел что-то крикнуть ей вдогонку — но Маша приказала себе: «Отключись...» Бритоголовый подал знак, Андрей начал опускать их на тросе. Сцепленную карабином пару швыряло из стороны в сторону.

— Прощайте, внутренности... — повторила Маша, прижимая маску ко лбу и затылку. Смотреть вниз было так страшно, что она закрыла глаза. Сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, с силой втягивая носом воздух и медленно выталкивая его диафрагмой. Темная поверхность океана была совсем близко, в ноздри ударил соленый будоражащий запах, по позвоночнику пробежала морозная стрела. Опасность... ей нужно в воду... Она со всей силой втянула в себя пряный морской воздух, медленно вбивая его во все поры...

«Я становлюсь водой... Вода, пусти меня, я всего лишь твоя ничтожная частица», — произнесла невидимая Саламандра. Не услышала звука отщелкиваемого карабина. Уже в падении становясь невесомой и гибкой, вошла в упругую воду почти отвесно, изогнула текучее подвижное тело и ринулась вниз, держа в голове координаты подводных зарядов, — единственное, что она должна была держать в голове.

глава 6

Она оказалась в нужной точке быстрее, чем собиралась. Глубина заложения зарядов была действительно не слишком велика. Темнота, плохая видимость. В толще воды и в темноте легко обмануться с направле-

нием. Навигатор включен. Вода обнимала, Саламандра чувствовала, что еще немного — и она полностью растворится в ней. Повторяла: «Я как вода, я становлюсь водой. Сейчас наберу силы и стану огнем... Огонь, дай мне силу и твердость! Вода, дай мне гибкость и мудрость! Помогите мне...»

Зависла над примерным местом расположения зарядов, замерла в толще воды, стараясь как можно точнее целиться. Сконцентрировалась. Ни одного лишнего движения. Ничто не должно помешать.

Время замерло, как тогда, в учебной схватке с двумя оранжевыми воинами. Осталось тщательно прицелиться и вложить всю силу. А если она промахнется? «Чучело, среди этой фантазмагии только мы с тобой — двое нормальных. Не подведи!» Медленно-медленно завела руку за спину, доставая меч...

Огромная тень промелькнула перед ней, замерла... Страх не было. Страх остался в прошлой жизни. Не было ничего — только она и исполинский бесформенный силуэт.

— Кто ты? — спросила Саламандра на каком-то языке. — Ты и есть Дракон?

— Можешь меня так называть. Я тот, кто не может позволить людям перешагнуть границы своего мира. Я здесь давно. Очень давно... И не суетись, мы сейчас беседуем в некоторой временной петле... — он фыркнул снова, — тебе этого не объяснить, ваш смысловой ряд чрезвычайно беден. Пока есть время, чтобы все спокойно обсудить. Потом счет пойдет на те временные доли, которые вы на поверхности не осознаете. Дай-ка я на тебя посмотрю, Огненная Саламандра...

Ей показалось, что тяжелые руки обняли ее и подняли, завертели... при этом она могла бы поклясться, что оставалась неподвижной. Внутри пробежал холод, заползая в темные углы сознания... потом стало горячо.

— Да, ты действительно настоящая Огненная Саламандра. Интересно. Опять пролезла в четырехмерку. Почти без спросу. И что ты притащила с собой? Зубочистку? Шпильку? Это с ней ты тут перебиваешься на каком-то плебейском диалекте?

— Это мой меч. Говорят, он сделан из сплава, содержащего кровь Дракона, и принадлежал королю огня. Мои предки — короли огня и короли воды?

— Кто теперь разберет, где и чья кровь? Разве это важно? Важно то, что ты делаешь сейчас. Но я бы не полагался на какую-то шпильку. Это всего лишь генератор энергетических и межпространственных преобразований. Стрижешь порой когти, а кто-то из обрезков создает себе волшебное оружие! — Дракон фыркнул презрительно. — Сила, которая приведена в действие, превосходит человеческую силу в миллионы раз. С чего ты взяла, что справишься?

— Я не сама это придумала. Мне так сказали.

— А почему тебе?

— Может, и есть кто-то более достойный и сильный, да под рукой больше никого не было. Пришлось мне...

— Я был страшно удивлен, когда меня вдруг начали беспокоить слабые попискивания, доносящиеся сверху. Я сразу предупредил тебя, чтобы ты была осторожна. Но до тебя очень долго доходит. Вырождение налицо.

— Ага, значит, я действительно из твоего рода?

— У меня было много детей. И внуков, и правнуков. Они были смелыми и сильными. Это было очень давно, но я помню каждый миг из тех, что они были рядом со мной. А остальные измельчали... остались в убогой трехмерке... превратились в пыль на поверхности... Мы ушли в разные стороны в процессе эволюции. Верхний мир живет теперь по другим законам. Мы не нужны вам, а вы — нам.

Тень изменила очертания. Ей показалось — Дракон вздохнул...

— Чем ваш мир отличается от нашего? Пусть он четырехмерный, как ты говоришь, но и в нем живут и умирают?

Дракон молчал.

— Люди наверху ни в чем не виноваты, они должны прожить жизнь и умереть своей смертью. А не от чужой глупости или злобы. Помогите мне.

— Почему я должен помогать тебе? Ваш мир стал для нас чужим. Мы разделились слишком давно.

— Раз мы приходим на эту поверхность и топчем ее — значит, в этом есть смысл. Не будет нашего верхнего мира — не будет и твоего нижнего мира.

— Я говорил тебе: смысл — в действии. Подумать только, Огненная Саламандра вдруг заговорила о смысле жизни!

— Ты невысокого мнения об Огненных Саламандрах. Почему?

— Я был когда-то близко знаком с одной из них. У нас были определенные отношения...

— И что?

— Не понравилось. Уставал от нее. Очень суежилась. И все время разбрызгивала искры... это шипело, капало... когда ревновала — вообще был ужас...

— А ты давал повод для ревности?

— Разве это повод? Так, ерунда...

— И что потом?

— Ушла. «Я на тебя угробила лучшие годы, во мне огня прежнего не осталось...» Обычные упреки... Забрала весь выводок...

— ...и не разрешала видеться с ними даже по выходным... — про-
бормотала она.

— Что значит «по выходным»?

— Да это я о своем. А ты ведь любил ее...

— Какое это имеет значение?

— Это всегда имеет значение. В любом мире. Знаешь, я тоже разо-
шлась со своим мужем. Зато у меня есть и дети, и внуки... И мне есть
кого любить и ради кого жить.

— Огненная Саламандра жила для кого-то другого? Никогда не по-
верю. Обычно огненным вертихвосткам это несвойственно. Они оза-
бочены только внешними эффектами.

— Саламандры бывают разные. И люди бывают разные. Помо-
ги мне, Дракон! Помоги, пожалуйста. Мне надо быстро все сделать
и вернуться.

— Зачем? Можешь остаться тут. Ты забавная... Тебе не будет скуч-
но. И мне...

— Я бы осталась. Но не сейчас. Меня там ждут.

— А если я помогу — ты потом вернешься?

— Вернусь. И наверно, достаточно скоро по твоим хронологиче-
ским меркам. А сейчас, пожалуйста, помоги мне...

Тень еще раз изменила очертания. Только бы он не задумался
слишком надолго...

— Хорошо. Ты хочешь уменьшить разрушения от взрыва, я по-
могу.

— Ты не можешь все сделать сам?

— Только бы перевалить ответственность на другого! Не выйдет. У меня есть предел влияния, он находится на границе нижнего и верхнего миров, я не могу вмешиваться в ваши дела.

— Но ты говорил со мной, звал меня, и не раз!

— Я могу предупредить. Но не могу вмешиваться. Есть равновесие между мирами, есть высшие законы, единые для всех. Ваши игры грозят нарушением равновесия, поэтому я могу проинформировать представителей вашего мира и дать совет. Но только сейчас, пока мы во временной петле. Как только ты вернешься в трехмерку, я не смогу тебе помочь. Придется разбираться самой. Ты же не владеешь хотя бы основами четырехмерных манипуляций?

— Э-э-э...

— Понятно. Отнесем это на счет трудностей перевода. Женщина... Что у тебя было в школе по космогонии? Впрочем, у нас образовательный уровень тоже падает. Дурацкие тесты и полное невежество... что уж говорить о верхнем мире?

— Прошу тебя, не отвлекайся! Мне нужен твой совет.

— Неужели ты не сможешь хорошо прицелиться? Ты же простой исполнитель, твое дело — попасть в несколько целей. Хоть этому тебя учили в том учебном заведении, которое ты умудрилась окончить? Как оно называлось? Подожди-ка... — Холодная тьма опять заползла в уголки сознания. — Прикладная лингвистика? Не пойму... что там располагается рядом, если исходить из твоих речевых аналогий? Нечто военно-прикладное? У тебя было военизированное обучение? Тем более ты должна хорошо стрелять.

— Не совсем так. Но я попробую.

— Ты не попробуешь — ты попадешь в цель. Постарайся стать одним целым с генератором. Только так ты можешь управлять любым видом энергии. Ты сделаешь ровно то, что должна, не больше и не меньше. Это важно! Запомни! Каждый приходит в мир в нужное время, чтобы сделать ровно то, что он должен сделать. Независимо от того, в какой мир он пришел, в верхний или нижний, в трехмерный или четырехмерный. Все подчинено одной логике: делай то, что должен. Был один поэт в верхнем мире, он позднее пришел к нам — настоящим поэтам однажды становится тесно в трехмерке. Он говорил: «Каждая снежинка...

— ...падает на отведенное для нее место». Я недавно уже слышала эти строки. Один человек пытался мне объяснить, что от меня требу-

ется, я не понимала. Он погиб. Теперь я поняла. Я смогу, потому что должна. Для этого меня и произвели на свет сорок пять лет назад...

— Молодец, — одобрительно запыхтел Дракон. — Первый раз слышу что-то путное. Тогда что тебя тревожит?

— Когда оттуда вырвется огонь, его надо будет направить в нужную сторону, чтобы уменьшить объем разрушений. У меня есть устройство,, которое показывает точные координаты. Мне показали направление: двадцать градусов по часовой стрелке... Но ты должен мне помочь, чтобы самые нижние слои не сдвинулись с места. Иначе это повлечет за собой неисчислимы бедствия не только у нас, но и в твоём мире.

— Что такое часовая стрелка? Что такое двадцать градусов? Нормально объяснить нельзя? Ох, уж эти Огненные Саламандры, ни слова в простоте...

— Смотри... — Она в отчаянии замерла: как объяснить ему, что такое часовая стрелка... — Как я покажу тебе направление?

— Показывай, двигайся в нужную сторону...

Тьма охватила ее — полная, неисчерпаемая, жар шел со всех сторон, что-то огромное колыхалось рядом, это колебание отдавалось в каждой частице ее тела. Она уставилась в экран навигатора и повернулась в нужную сторону.

— Я знаю, что такое двадцать градусов по часовой, — пророкотал Дракон, — я пошутил. Законы трехмерки и вашей примитивной гравитации у нас проходят в детском саду. Но мне нравится твой способ объяснения геометрических задач. Возвращайся ко мне, Огненная Саламандра. Мы позанимаемся космогонией, я объясню тебе систему четырехмерной навигации. Сколько тебя ждать?

— Недолго... по вашим меркам — совсем недолго.

— Хорошо. Тогда покажи мне свои схемы.

— Это схема тектонических разломов, это схема подводной вулканической деятельности...

Дракон прошипел что-то неопределенное, типа «брысь», и она послушно замолчала.

— Сойдет для сельской местности, — наконец, произнес он, — схемы почти точные, кто-то постарался, а расчеты кривоватые.

— Много людей погибло из-за этих схем.

— Почему? Ах да, вы до сих пор эксплуатируете одни и те же органические источники энергии. Кстати, вы не добрались еще

до самого большого резервуара, отмеченного на четвертой схеме. И у вас пока нет способов до него добраться. Не перегрызете друг друга вконец за эти углеводороды? Может, пока не трогать запасы?

— Один человек так и поступил, скрыл от современников сведения о новых месторождениях. Но все равно теперь об этом узнали. Отчасти из-за меня... Они хотят использовать мой меч... генератор, чтобы добраться до еще неоткрытых запасов нефти.

— Перестань! Ты слишком высокого мнения о своей скромной персоне! Отдельно взятая Саламандра не может повлиять на историю освоения источников энергии.. Есть вещи более срочные: тебе дали не вполне точные расчеты. Я лучше понимаю, как надо удержать верхний слой. И теперь вижу, что нижний слой тоже может пострадать. Это в корне меняет дело. У меня нет полномочий, чтобы вмешиваться в ваши дела, но есть полномочия, чтобы охранять безопасность нашего мира. Ты будешь решать свои проблемы — а я свои. Будь аккуратна: несколько взрывов произойдет почти одновременно. Следи за траекториями. Постепенно направляй огонь туда, куда я тебе укажу. Я же буду смотреть за состоянием нижнего слоя.

— Не начнется ли извержение подводного вулкана?

— Поверь, это грандиозное зрелище, мне бы хотелось, чтобы ты это увидела. А потом я уведу часть огня вниз.

— Разве это возможно?

— Мы умеем обращаться с различными видами энергии. Есть четырехмерные поля, в которых любой огонь превращается в ничтожную вспышку. Для более сложных видов энергии есть многомерные поля. Я объясню тебе это... позже.

— Ты сказал, что сейчас мы находимся во временной петле. Когда я вернусь в трехмерку, ты не сможешь мне ничем помочь?

— Да, мы существуем в четырехмерном пространстве, и всякий раз, когда любой из нас выходит в трехмерку, мы нарушаем один из основных принципов равновесия миров. Точно так же и я чувствую любое проникновение чужака в четырехмерку. Контроль равновесия между мирами входит в мои профессиональные обязанности. Поэтому я сразу услышал тебя, как только ты появилась в трансгрессионном шлюзе... помнишь тесный коридор? Ты там

валялась среди обломков, зажав в когтях шпильку... такая нелепая... а потом за ящерицами бегала по лесу... и даже тогда видно было, что «мы с тобой одной крови». Так, кажется, говорил другой ваш поэт?

— Ты все понял сразу? И ничего мне не сказал?

Дракон хмыкнул:

— Не отвлекайся. Женщины любят обсуждать незначительные детали... Ты со мной болтаешь, абсолютно забыв о том, зачем пришла сюда. Огненная вертихвостка...

— Как я пойму, в каком направлении мне надо направлять огонь?

— Я тебе покажу.

— Ты же не имеешь права выходить в наш мир!

— Это не твоя проблема. Я буду держаться в нейтральной зоне, ты сможешь меня увидеть.

— Но... вдруг я испугаюсь тебя? И от страха промахнусь?

— Сколько раз объяснять: ты можешь сама увидеть и услышать то, что хочешь! Надо только сосредоточиться на том, что в данный момент важнее всего! Я пользуюсь твоими ассоциациями и твоими аналогиями. Дракон — это просто понятие, обозначающее то, что непонятно. А то, что непонятно, в любые времена и в любом мире вызывает ужас. Представь себе кого-нибудь, вызывающего чувство доверия и безопасности. Я смогу материализовать этот образ, чтобы не слишком напугать тебя...

— Хорошо. А как я пойму, что пора?

— Сколько от тебя суеты, женщина... Давно пора! Мы находимся в трансгрессионном поле дольше, чем следует. Заряды активированы. Обратный отсчет идет!

— Но...

— Уже! На три счета! — рявкнул Дракон так, что тело Саламандры сотрясла дрожь. — Три... Два...

...Она не услышала слова «раз». Вокруг вихрем взвилась тяжелая водная масса. Огромная тень ринулась вниз, а она слилась воедино с мечом. Меч приобрел ярко-оранжевый оттенок, от него по всему телу пошла волна жара, вскоре она ничего не помнила. Так в детстве хваталась за оголенный провод: страшно, и больно, и руку не отнять... Промелькнули перед глазами родители, тетушка... светлого-

лосая хрупкая девушка легко провела по щеке, сзади возник силуэт темноволосого юноши...

— Хватит думать! — взревел Дракон. — Нашла время! Смотри вниз!

Оттуда поднималось белое, жутковатое пламя, заворачиваясь в воронку. Дно вспучивалось, из воронки вылетали огромные куски породы, вздыбливались исполинские пузыри белого огня. Те самые «пузыри земли», о которых писал Шекспир в «Макбете»...

— Не отвлекайся! Не думай! Целься!

Рядом возник черный силуэт — это был Дракон, вполне реальный и трехмерный. Он выглядел вполне как человек... да, черт бы побрал, он был как две капли воды похож на Брюса Уиллиса и подмигивал ей! Ощущение доверия и безопасности... Его голос звучал где-то в мозгу.

— Не думай! Делай свою работу!

Она могла бы поклясться, что гигантская воронка втянулась обратно, но некогда было приглядеться. Мрак внизу стал мутнеть, из многочисленных подземных щелей вспучивались протуберанцы, на глубине выглядевшие чисто-белыми. Огненная Саламандра встречала пламя мечом, вернее, всем телом, слившимся с оружием. Она оказалась в перекрестном огне, уворачивалась от всплесков огня по очереди, перешибая каждый из них, уклоняясь от одного и подныривая под другой, уводила в нужную сторону. Белые сгустки пламени скручивались в длинные нити. Она физически ощущала, как глубоко под ней Дракон ворочает невидимые исполинские пласты. А огненные щупальца тянулись за ней с разных сторон, скрещивались, отчаянная игра все не заканчивалась... Ката стрелка! Она на миг задумалась — и допустила ошибку: меч оказался в перекрестье четырех выбросов, сильнейшая дрожь пошла по телу, лезвие зашипело и начало медленно изгибаться от пересечения с белыми лучами... Саламандра отчетливо видела траекторию собственной смерти. У нее не оставалось времени, чтобы уйти из-под удара. Она удерживала меч из последних сил.

— Брось шпильку! — заревел Дракон. — Сама!

Она уперлась хребтом в водную массу, ставшую непроницаемо-жесткой. «Огонь, дай мне силу и твердость! Вода, дай мне гибкость

и мудрость...» Тело изогнулось до предела, Саламандра хотела от ужаса закрыть глаза — и вдруг вспомнила учебную схватку в монастыре. Вокруг все замерло, белый луч перестал двигаться, искореженный меч остановился в движении. Только Саламандра могла перемещаться в стоп-кадре. Она проскользнула под лучом, сменила угол атаки, меч гнулся и не позволял ей нанести удар, дрожь сменилась сильнейшей болью... «Чучело, держись, пожалуйста...»

— Делай! — прозвучал шепот. — Делай то, что должна.

Остановилось все, исчезли звуки, осталась боль, заполнившая тело. Не было ни Огненной Саламандры, ни Дракона: только маленький московский дворик, в котором гуляет девочка Маша. Это ее самое первое воспоминание в жизни. Над головой — что-то огромное: золотые звезды в полнеба, пушистые, сказочные, склоняются над ней.

— Кто это, мама?

— Золотые шары. Это цветы. Первые цветы осени, доченька...

«Чучело, мы с тобой одной крови!» — просвистела Саламандра сквозь сдавленную гортань, собрала боль внутри в один огненный шар — и выдохнула, выжигая внутренности. Белые узкие лучи столкнулись с шаром, задрожали, замерли причудливой сеткой — и стали медленно скручиваться в тускнеющие пряди, меняя цвет и приликая к смертоносному стеблю. Она подняла меч и перерубила стебель. «Спасибо, чучело...» — «И тебе спасибо, Саламандра...» — свистнул он в ответ. Впрочем, ей показалось.

И опять вокруг зашевелилось и задрожало пространство: это Дракон выдохнул, гася тускнеющее пламя. Остатки искр разлетелись по сторонам, океан вздрогнул и задышал, как огромное животное. Она ощутила, как взрывная волна уперлась в невидимое препятствие. Все вокруг опять замерло.

— А ты неплохо справилась...

— Ката стрелка, — прошептала Саламандра.

— Я знаю. Скучный фильм. Но эта сцена мне тоже нравится...

— Как ты мог видеть этот фильм?

— Ты думала, у нас тут глубокая провинция? Ох женщина, я бы мог рассказать тебе много интересного...

— Мне удалось развернуть огонь в нужную сторону?

— Ты все сделала правильно.

— Я допустила ошибку и четко попадала под удар. Ты помог мне уйти в четырехмерку? А сам вышел в трехмерное пространство?

— Тебе показалось... Я охранял безопасность наших границ. Немного превысил полномочия. Уменьшил амплитуду колебаний до значений, допустимых у вас на поверхности. В моем ранге это позволительно.

— Ты хочешь сказать, что зоны геомагнитных аномалий указывают на зоны перехода из вашего мира в наш? И в них возможны те самые межпространственные преобразования?

— Я ничего не хочу сказать. Нам категорически запрещено допускать в четырехмерку представителей верхнего мира. — Дракон отвернулся.

— Ты спас меня?

— Никогда никому не говори об этом. Должен признаться — превосходная работа в четырехмерке для новичка. Не ожидал. Я тобой доволен. Кстати, я подобрал твою шпильку. Вечно вы, женщины, их разбрасываете! Как ты к ней обращалась? Такое забавное слово...

— Неважно.

— И все же, что значит «чучело»?

— Нелепое, нескладное, ненастоящее... такое же, как я сама.

— Отчего же? Шпилька была вполне настоящей. Это генератор преобразований пространственных и энергетических свойств материи. Для его активации задан определенный набор кодовых комбинаций. Ты инстинктивно выбрала звуковую комбинацию, удобную для устройства твоей гортани. И неплохо справилась.

— Ты же сказал, что у меня руки кривые и что мне бы только со шпильками обращаться?

— Я несколько утрировал ситуацию.

— Ты мне его вернешь?

— У тебя на шее висит какая-то булавочка, вот ей и пользуйся. А шпилька пусть пока полежит у меня.

— Почему пока?

— Есть мнение, что вам рано давать неограниченный доступ к источникам энергии. А генератор в умелых руках — это тот самый неограниченный доступ.

— У нас остаются схемы расположения гигантских месторождений.

— На здоровье! Пусть дерутся за эти схемы! Структура нижних слоев вашего мира такова, что вам не справиться с ней без принципиально новых способов энергетических преобразований. А генератор я пока оставляю у себя. Вернешься — отдам.

— Возможно, ты прав. Пусть полежит. А я вернусь. Но не сейчас. Чуть позже. Ты не успеешь решить пару кроссвордов, как я постучусь в дверь.

— Что такое кроссворд?

— Я тебе объясню в следующий раз. Меня ждут там, наверху, те, кого я люблю больше жизни. До свиданья. Спасибо тебе, Дракон.

— Не за что. Тебя ждут. И мне пора уходить. Я устал, от тебя много суеты. Из-за тебя я нарушил правила. Не успела прийти, все вверх дном перевернула. В прямом и переносном смысле... Заварила кашу, а другие расхлебывают. Мне пора.

Она растерянно смотрела вслед. Тень обернулась:

— Признайся, тебе понравилось извержение подводного вулкана?

— Очень красиво...

— Даже жалко было уводить огонь вниз... кстати, не переживай: там, на поверхности, есть еще пара шпилек. Захочешь — найдешь.

— Это был один из четырех мечей короля Винь Чун? Выкованный из магического сплава с добавлением твоей крови?

— Какая разница, где чья кровь и где валяется чья шпилька? Женщина, одно слово... Ступай уже. И никогда больше ни в чем не сомневайся. Ты все сделала правильно, Саламандра! И помни — ты обещала вернуться!

Исполинская тень в последний раз всколыхнулась перед ней, потом пошла в сторону и вниз.

Водный мир вокруг пришел в движение. Вода выталкивала тело вверх, стало светлее, перед глазами замелькала муть, ее начало швырять из стороны в сторону: на поверхности бушевал сильнейший шторм, повсюду носились обломки деревьев, мусор. Вдруг мощное нисходящее течение поволокло ее обратно. Сил, чтобы выгребать, не осталось. Она вытащила из-за ворота гидрокостюма кинжал Нгу Май, воткнула его в пролетающий мимо кусок деревянной обшивки лодки-кокоса. Вцепилась в рукоять и позволила себе отключиться. Волны бросали невесомое тельце из стороны в сторону... вода... безопасность...

глава 7

По пляжу — вернее, тому, что называлось пляжем некоторое время назад, — бродили люди. Собирали что-то, рылись в кучах мусора. Редкие туристы растерянно прохаживались возле отеля в ожидании автобуса. Гигантский тайфун, прошедший по побережью, не причинил серьезного вреда, но оставил после себя поломанные дома, разнесенные в щепки суденышки, привел отдыхающих в состояние обескураженности: то ли в кино попали, то ли деньги зря платили.

«Палыч» потянулся за чашкой кофе и задел гипсом ее стакан. Сок выплеснулся на скатерть. Подбежавший официант развел руками — сорри, у нас нет запасной скатерти, засуетился. Они отпустили бедолагу.

— Мария, у нас к вам есть предложение. Собственно, оно исходит не от меня, как вы понимаете, я всего лишь нейрохирург... — Он поморщился от резкого движения. — К сожалению, ваши действия привлекли внимание многих авторитетных кругов. Нам нельзя тут оставаться. Нас ищут. Понимаете, некоторые солидные организации рассчитывали подняться на разрушении рынка энергоносителей в Южно-Азиатском регионе и на падении Южно-Азиатской фондовой биржи. Им помешали. Им это очень не понравилось. Если я излагаю коряво, пусть меня поправят специалисты, — «Палыч» кивнул в сторону Андрея, который смотрел на горизонт и старательно пересчитывал чаек, бродивших по песку.

— Чего ж тут непонятого? Если «РосВьетОйл» свое бабло сохранил, значит, кто-то другой его потерял. Маша, тебе нельзя здесь оставаться.

— Это вас ищут. А кто я? Меня нет. Есть Мария Ким, которую никто не знает в лицо. Кроме вас... Паспорт Марии Ким в порядке. Билет на самолет из Сайгона заказан на завтрашнее утро, до Сайгона ехать часов семь, можно успеть, можно долететь самолетами местных авиалиний. Виза, насколько я помню, действительна до 10 декабря.

— Мы предлагаем вам сменить профессию. Право же, менеджер небольшого рекламного агентства — это не ваш масштаб. Вы, несомненно, принесете больше пользы, если будете работать в «РосВьетОйл». Кстати, руководитель одного подразделения хотел бы с вами познакомиться поближе.

«Палыч» подавился, кашлять ему было чертовски больно, махнул рукой и пошел к морю продышаться. А к ним подсел невысокий неприметный человек — типичный турист средних лет, в светлых льняных брюках и майке, в бейсболке, с фотоаппаратом на шее.

— Мы предлагаем вам новую биографию и приличный счет в банке. Мы найдем вашим способностям достойное применение.

— Такое же, какое готовили моей матери?

— Сейчас другие времена.

— Времена всегда одни и те же. И методы у вас не меняются...

— Подумайте. Вот ваши документы, — он помахал двумя файловыми папочками. — И более того: ваша первая командировка будет совместной с Андреем. Ему тоже нельзя здесь оставаться... по ряду причин. Вы здоровые, сильные, молодые люди. У вас обоих все впереди! Другая жизнь, и главное — вы снова вместе. И у вас впереди — плодотворная работа над освоением и развитием новых месторождений.

— А когда же я смогу вернуться?

— Боюсь, что вы не сможете вернуться. Здесь были немногочисленные жертвы среди населения, в том числе и среди туристов. А некоторые пропали без вести. В частности, ваши друзья, Сергей и Валерий... и молодой человек из салона татуировок... Исчезли все, кто вас знает.

— Это ничего не значит! Это ж тертые калачи, они выберутся! И Вовка здесь каждый камень знает! Не может быть, чтобы они погибли. Неправда!

— Если мы что-то о них узнаем, сразу вам сообщим. А что касается вас... Мы сообщили в посольство, что некая Мария Северцева, москвичка, пропала без вести, а дальше сами решайте, как поступить. Вы прожили сорок пять лет под именем Марии Северцевой, ничего о себе не зная. И это была не самая веселая жизнь. Может быть, под именем Марии Ким все пойдет иначе?.. Или, к примеру, Мария Левицкая вам больше подойдет?

— Почему Левицкая?

— Андрей объяснит. Посоветуйтесь с ним, я вернусь через некоторое время.

Он встал, сделал пару шагов, обернулся:

— Кстати, а где ваш меч?

— Какая разница?

— И все же?

— Отдала на хранение.

— Кому?

— Одному знакомому.

— Конкретнее?

— Боюсь, это вас не касается.

— Но... вам придется сказать, кто он.

— А вам придется считаться с тем, что я из себя представляю... — улыбнулась Маша, в упор глядя на собеседника.

— Мария, лучше бы нам прийти к консенсусу... у вас ведь в Москве остались родные?

— И у вас тоже есть родные... и я тоже могла бы с ними познакомиться, если в этом возникнет необходимость... А уж справиться с остатками здешнего подразделения «РосВьетОйл» я смогу практически голыми руками.

И она медленно щелкнула пальцами левой руки, поднося маленькое синеватое пламя к сигарете. «Эх, чучело, как же мне тебя не хватает...»

Собеседник вздрогнул и тупо уставился на порхающее возле пальцев пламя.

— Может быть, мы договоримся полюбовно? Вы не лезете больше в мои дела, а я забываю о нашем знакомстве? Носитель без генератора и вовсе не носитель, не правда ли?

Тот дернул головой, стиснул зубы и побрел к пляжу.

Андрей не смотрел на Машу по-прежнему.

— Почему Левицкая?

— Это моя фамилия.

— Ты хочешь сказать?..

— Все зависит от тебя.

— Ты думаешь, я соглашусь?

— Я не знаю.

— Ты теперь все про меня знаешь. И сколько мне лет, и про детей, и про внуков... Я тебе нужна только для работы. А ведь мой уникальный инструмент энергетического воздействия остался в океане, без него я могу только хулиганов у подъезда распутивать или в цирке выступать.

— Машка, мне все равно! Я не хочу тебя потерять! Поедем со мной! Мы начнем с нуля! У меня дома тоже все было непросто... и возвращаться особо не к кому. Я через любые обстоятельства готов перешагнуть, лишь бы мы были вместе. Я знаю, что ты мне не доверяешь. Но я благодарю судьбу за то, что оказался рядом с тобой в Нячанге.

Она посмотрела на ниточку на его запястье:

— Мне гадалка сказала... тогда, на пляже... что ты меня будешь ждать.

— Мне она тоже кое-что сказала.

— Что именно?

— Что не только я тебя жду. Тебя ждет Дракон. Но Дракон может ждать очень долго, а я нет. И поэтому мы обязательно будем вместе. Для чего иначе мы встретились?

— Значит, будем! Все случается так, как должно случиться. В любом мире. Только мне надо вернуться в Москву. Обязательно.

— К Дракону?.. — он усмехнулся и отвернулся.

— Нет. К детям и внукам.

— Я тебе не нужен?

— Очень нужен. Больше чем кто бы то ни было! Но я им нужна просто потому, что я — Маша. А не потому, что я носитель генератора энергии и обладаю уникальными способностями. Вот когда ты поймешь, что тебе нужна лично Маша Северцева, — мы и встретимся.

Он вскинул лобастую голову:

— Если двое встретились, никто за них не решит, как им поступить: расстаться или быть вместе. Я люблю тебя и хочу быть с тобой вместе. А ты...

— Понимаешь, если я сейчас уеду с тобой и начну с нуля — получится, что я перечеркну всю предыдущую жизнь, выкину ее в trash... сотру клавишей delete... а это неправильно. Для чего-то же я топтала поверхность этой планеты столько лет...

— Я не могу сейчас вернуться!

«Ты можешь ... надо только сосредоточиться на том, что в данный момент важнее всего...» — эхом пронесся в мозгу шепот Дракона.

— Значит, я возвращаюсь одна. Передай этим господам, что моя фамилия остается прежней. Я родилась 15 декабря 1965 года под знаком Ящерицы, для чего-то это было нужно... И хотела бы встретить день рож-

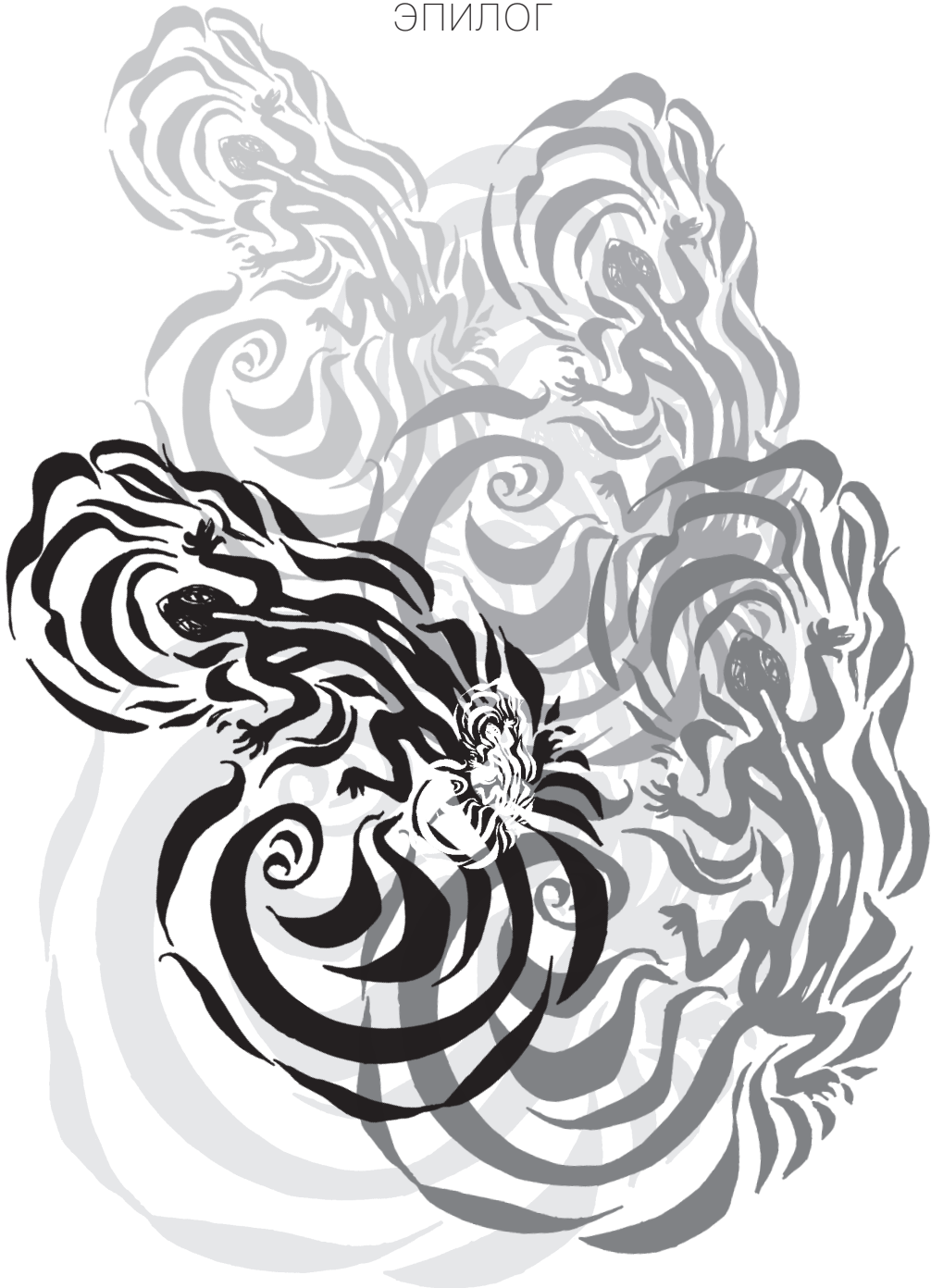
дения в кругу родных и близких. Ты знаешь, где меня найти. Пожалуйста, не надо провожать!

Микроавтобус, который вез ее и других туристов в аэропорт, сбросил скорость, подъезжая к КПП. Она глянула на исчезающий за поворотом край моря. «Я подумаю об этом потом...» Нет спасения от любви и одиночества ни в одном из миров. Ни в каком измерении.

Вдоль дороги брели трое монахов в оранжевой одежде, с корзинами фруктов и пакетами. Один из них внезапно обернулся: седой, сухопарый, прихрамывающий старик... Маша подалась вперед: ей показалось, что это был Зыонг, но лица монахов скрывали традиционные круглые плетеные шляпы. Старик несколько мгновений всматривался в стекло, потом поднял руку — и все трое склонились в традиционном поклоне бойцов королевского стиля.

ЭПИЛОГ

*Самое достойное восхищения в жизни человека —
подняться после падения.*

ВОСЬМАЯ ИЗ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЗАПОВЕДЕЙ БУДДЫ

Дашка, положи на место, это тебе еще рано!
Внучка сосредоточенно пыхла, вытаскивая из гнезд компьютерные провода. Когда Маша отобрала провода, она так же сосредоточенно взялась за диски: извлекла фильмы с Сигалом, потом настал черед Джеки Чана...

Машина квартира была не очень приспособлена для пребывания детей такого буйного возраста. Но как только в ней закончился ремонт, Маше немедленно подкинули Дашку: заболела няня.

Маша посадила внучку на кухне, сама помешивала суп, чтобы скорее остыл. Тут позвонил сын, осведомился, как дела...

Преждевременное известие о том, что мама пропала без вести во Вьетнаме во время тайфуна, свое влияние оказало: теперь дети стали звонить ей чаще и не только затем, чтобы о чем-то попросить. Что-то сдвинулось в их картине мира: они поняли, что мама может в один прекрасный день исчезнуть с горизонта навсегда. Правда, в первую неделю после возвращения они звонили ей каждый день, потом стали звонить раз в неделю... плохое быстро забывается. Если ваши родственники и друзья не звонят вам — значит, у них все в порядке.

Зато они оценили перемены во внешнем облике: единогласно решили, что мать — свекровь, теща — похудела, загорела, эта стрижка ей к лицу и отдыхать ей полезно. А каким образом она оказалась во Вьетнаме, почему скинула разом лет пятнадцать — никто и вникать-то не стал. Конечно, подруги и приятельницы единогласно решили, что она перед днем рождения брала отпуск, чтобы пройти курс омоложения в дорогой клинике. Конечно, они про себя задались вопросом: откуда у скромного менеджера такие деньги? И конечно, никто так и не задал вслух этот вопрос.

Маша некоторое время ходила с загадочным лицом, коллеги решили, что она завела себе молодого любовника. Потом загар отмылся, выражение глаз потускнело, и окружающие подумали, что молодой любовник ее бросил. Эффект плавно сошел на нет. Маша отчасти была этому рада. Однако начала ходить на йогу, в бассейн, нашла в Лужниках одну из многочисленных школ восточных единоборств. И уж там-то никто не знал, сколько ей лет, а о прочих подробностях биографии она и вовсе умалчивала. Там ее считали достаточно молодой одинокой женщиной, которой пора бы найти себе подходящего парня среди мускулистых и подтянутых каратистов. Некоторые пытались сдержанно приударить — но Маше было с кем сравнивать. Хотя она старалась не думать об Андрее. Это был волшебный сон, а теперь она проснулась...

Вернувшись, она сгоряча взялась за ремонт и провела его на удивление быстро, не приходя в сознание. Несколько дней ночевала по очереди у детей, потом два дня провела у Раисы Ефимовны. Мудрая соседка не задавала лишних вопросов, ждала, когда Маша сама что-нибудь расскажет. Маша набралась духу и спросила ее:

— Раиса Ефимовна! Вы переехали сюда, когда я была маленькой. Вы знали мою семью. Мои родители никогда ни о чем вам не рассказывали? Может, было что-то, что от меня скрывали?

Раиса Ефимовна пожала плечами:

— Что ты имеешь в виду? Что они тебя удочерили, когда тебе было три года?

— Вы знали?

— Конечно, знала. Я никогда ни о чем не спрашивала, видела только, что у кудрявого еврейского ребенка азиатский разрез глаз. Твоя мама, Ирочка, сама сказала мне однажды: «У нас была дочка, Зоя,

необыкновенная умница и красавица. Она училась на переводчика с вьетнамского. Ее забрала Контора, она погибла во время войны во Вьетнаме. Нам удалось найти Машу, мы ее удочерили. Она не знает, и хорошо. Узнает в свое время. Вы уж помогите Машке, если с нами что случится. Мы с Володей такую дозу хватанули во время испытаний в Туркестане, что вряд ли доживем до старости...»

— Так вы и это знали?

— Конечно. Твои родители понимали, что мне можно доверять.

— Почему вы никогда об этом со мной не говорили?

— Деточка моя, ты ж никогда не спрашивала об этом! Спросила сейчас — я и рассказала.

— Да я через полмира проехала ради того, чтобы узнать...

— Иногда и полмира не грех проехать. Зато ты сама все узнала. И мир повидала. И влюбилась в кого-то, правда? А теперь ждешь его?

«Вопрос задают тогда, когда хотят услышать ответ...» Маша долго трясла головой, пыталась заплакать, но не получалось. Тогда она обняла старушку и прижалась к жестким кудрявым седым волосам.

— Все будет хорошо, деточка... — Раиса Ефимовна потрепала ее по плечу, — ремонт доделаешь, жизнь снова наладится. Главное, чтобы все были живы и здоровы...

Спустя какое-то время «РосВьетОйл» перевел на ее счет приличную сумму. В прилагаемом электронном письме в графе «Вид выполненных работ» значилось: «Временная работа в аналитической группе промышленных водолазов службы охраны месторождения Дракон. Маша дважды прочла текст, восхищенно крякнула, выругалась витиеватой лингвистической конструкцией и спрятала справку в ту же старую папку, где лежали остальные документы — — письмо деда, фото Сониного отца. Как говорил Дракон, «пусть пока полежит».

Денег хватило на раздачу долгов за ремонт. Логическая цепочка замкнулась. «С чего начали, к тому и пришли...» — сказала себе Маша, глядя на заделанную стену прихожей. В это время раздался страшный грохот.

— Дашка, не трогай!

Внучка вывернула ящичек с кухонными приборами, два ножа одновременно грохнулись на кафель, произведя страшный грохот. Дашка обрадовалась.

— Два мужика придут...

Она взяла внучку под мышку, чтобы вымыть ее мордашку после еды, в кармане зазвонил мобильник.

— Маня! Это я, Серега!

— Кто? Не может быть!!!

— Мы тут, в Москве!

— Братаны! Вы живы!

— А то... Мы проездом, на один день, чисто повидаться хотели...

— Немедленно приезжайте!

Братаны ввалились в квартиру, когда она уложила Дашку спать после обеда. Маша впервые видела Серегу с Валерой в партикулярном платье, они производили впечатление двух почтенных бизнесменов, приехавших за покупками.

— Как Батя?

— Не поверишь, жениться собрался! Нашел себе такую даму... бывший преподаватель Томского университета, на пенсии... Нам передал свое ООО, сказал — иду на заслуженный отдых.

— А какое у вас ООО?

— Частная охранный деятельность, что ж еще?

— Да, конечно. По профилю...

— Короче, Аполлинарьевич перед свадьбой попросил нас кое-что ему привезти из мебели. Старик гнездо вьет! И велел тебе гостинцев привезти.

— Грехи замаливает.

— Ох и злопамятная ты, Маня! С другой стороны посмотри: сколько народу он тебе в помощь пригнал во Вьетнам!

— А если бы Батя не велел, вы бы во Вьетнам не поехали и сейчас бы не зашли?

— Маня, ты гонишь... Вот смотри, мы в ЦУМе были...

Они поставили перед Машей розовую сумку — ту самую, с которой она в ноябре вывалилась к ним под ноги из черного бумера. Теперь в сумке лежали почти такие же свитер «Прада», духи «Гуччи», кроссовки «Дольче Габбана»...

— Родные, что ли?

— А то! Батя посмотрел, в чем ты к нам приехала, и сказал: купить такое же, только фирменное. Мы все тебе и привезли точь-в-точь.

— Ненормальные! Это же стоит немереных денег!

Братаны снисходительно усмехались.

— А это что?

В глубине сумки лежала книга, изящно упакованная в темно-коричневую бумагу с благородным рисунком. Маша открыла: «Илиада» и «Одиссея», ограниченный тираж, подарочный вариант... Аполлинарьевич показывал стиль.

— А это от нас. — Валера протянул ей объемный сверток. — На память... На память о совместных тренировках.

— Подводный арбалет! Тот самый!

Братаны переглянулись, Серега протянул упаковку — маска с трубкой, оранжевого цвета:

— Ласты сама подберешь по размеру. А это сами выбирали. Мало ли куда жизнь занесет, вдруг пригодится?

— Ребята, спасибо! Вряд ли уж теперь меня еще куда-то жизнь занесет, все закончилось!

— Кто знает? Это от нас не зависит. А в форме себя надо держать!

— Как же я рада вас видеть! А Вован-то выжил?

— Вован привет тебе передавал, обещал в гости приехать. Да, видно, занят. Бизнес... Второй салон открыть хочет. Некогда.

— Что с вами было, когда мы расстались в море?

— Выплыли оттуда, отбились кое-как, мотор заглох, соляра-то кончилась. Плыли на веслах, недалеко от берега такая волна поднялась, что мы сразу поняли, чьих рук дело... Потом нас расшвыряло в разные стороны. Вована потеряли, попали на рыбацкую лодку, долго объяснялись в тамошней полиции, языков-то не знаем... Вован выручил, вытащил нас оттуда, сам поручился и двух своих байкеров привел как поручителей. Смотри... — Валера задрал рукав: на плече красовался дракон, — это Вован в подарок мне сделал. А Сереге гляди чего?

Серега засмутился, потом не спеша расстегнул рубашку, продемонстрировал новую татуировку: японскую красотку в стиле аниме, заносающую меч.

— Жесть! — только и могла выдать Маша. — Что жена сказала?

— Сначала ей не очень понравилось, но я ее переубедил... — Серега был мастером дипломатичных формулировок. — Андрей не объявлялся?

— Нет, — она махнула рукой, — зачем ему бабка с внуками? Тема закрыта.

— Ты это брось, — сурово сказал Валера, — не мы такие темы открываем, не нам и закрывать. Мало ли какие дела у человека? Мы то объявились. А про нас сперва тоже сообщили: мол, пропали без вести. И что? Сидим у тебя на кухне. Сколько веревочке ни виться... И Андрей вернется. И тоже тут сядет. Не сомневайся, Маня. Если он тебе нужен — значит, придет. Иначе не бывает.

— Зачем ему баба, которая огнем плюется?

— Ты не плюйся огнем. Будь проще — и к тебе люди потянутся...

— Не хочу больше об этом говорить.

— Ладно, замнем. Скажи, Маня, — Серега придвинулся ближе, — только честно: тебе ката стрелка пригодилась?

— Еще как! Жизнь спасла!

— А еще посмотреть не хотела. Ничего зря не бывает! Где же твой меч заговоренный, почему не висит в красном углу?

— Меч остался в море.

— Жаль. Мы тебе новый подарим. На 8 Марта!

— Настоящий меч сам найдет своего хозяина. Где-то на планете два таких меча осталось. Никто не знает... Давайте я вам лучше покажу то, чем не успела похвастаться: кинжал антикварный, пояс черный... А тебе, Валерка, отдам наконец нунчаки и саи. У меня теперь свои есть, я в школу восточных единоборств хожу два раза в неделю...

— Преподавать, надеюсь?

— Боже сохрани, наоборот, учиться...

— И как?

— Ничего, стараюсь. Но иногда забываюсь — и потом неудобно бывает... у меня же все прикладное, сами учили!

— Главное, чтобы у них огнетушители на стенках висели!

Весь вечер Дашка практически не слезала с рук Сереги — тот сам был отцом двух уже подросших девиц, поэтому млея и безропотно собирал пирамидки и поднимал брошенные на пол игрушки. Хозяйственный Валера жарил мясо, обсуждал с Машей поручения Аполлинарьевича: Батя собирался провести медовый месяц в Греции и велел им найти хорошую туристическую фирму, чтоб все по понятиям сделали.

Маша полезла в интернет, чтобы показать сайт туристического агентства, владелец которого был ее хорошим приятелем. Родина Го-

мера должна быть благосклонна к его страстному почитателю. Они хором выбирали апартаменты с наилучшим видом на море для Бати и его будущей спутницы жизни. Заявка была предварительно оформлена, а пейзажи и фото роскошного номера для молодоженов отсланы Бате по почте.

Компьютер хрюкнул, отправляя письмо, и тут же хрюкнул еще раз. Маша удивилась — не мог Аполлинарьевич ответить так быстро. Незнакомый адрес, вроде не спам?

Письмо содержало ссылку на чужой сайт. Она машинально щелкнула по ссылке, там возникло изображение ее меча. Подпись на английском гласила, что происхождение меча неизвестно, а хранится он в голландском музее с непроизносимым названием. «Все мальчики в детстве увлекаются оружием...»

Она вернулась к письму — в нем была лишь одна строка:

«Самый большой дар в жизни человека — великодушие». Двенадцатая заповедь Будды».

— Ты чего, Маня? — изумленно спросил Серега. — Зачем такое лицо делаешь? Случилось чего?

— Ничего. Тебе показалось!

— Письмо важное получила? От кого?

Маша сплела и расплела пальцы.

— Ну-ну, я просто так спросил... — и Серега подмигнул Валере.

— Отстаньте! Мне надо Дашку искупать и уложить, пока ешьтепейте, можете тут курить...

«Я подумаю об этом завтра!» — «Ты и так все время об этом думаешь!» — отвечал ей внутренний голос.

Она усадила Дашку в ванночку, выдала ей пару игрушек. Дашка сосредоточенно запихивала в воду непотопляемых собаку и кошку, лупила ладонями по пене и издавала счастливые вопли.

Маша в очередной раз посмотрела на родимое пятно на левой лопатке, шепнула, вытирая мокрое шелковистое тельце:

— Придет время — я научу тебя работать против двух мечей-бабочек...

— Чем кинжал драишь? Сверкает лучше нового... — спросил Серега из кухни.

— Не поверишь, ничего лучше, чем средство для чистки посуды «Цептер», я так и не нашла...

— Благородное оружие — химией? Как не стыдно? Не разучилась в руках держать?

Третьим глазом она уловила движение воздуха за плечами...

— Я с Дашкой!

Но Серега не видел этого и уже метнул в дверной проем кинжал — правда, почти без замаха и рукоятью вперед.

Маша отреагировала мгновенно: правая рука была занята завернутой в полотенце Дашкой, поэтому она не глядя выставила левую. И тут Дашка одним легчайшим касанием кисти перехватила кинжал. Рукоять сама легла в подставленную розовую ладошку. Маша протянула руку, чтобы забрать опасную игрушку, — и встретила прицельный взгляд Саламандры.

Москва, 2010 г.

ГАЛИНА ДИЦМАН@
Взгляд Саламандры

РЕДАКТОР	Светлана Заикина
КОРРЕКТОР	Елена Вилкова
ИЛЛЮСТРАЦИИ	
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА	Галина Дицман@

Отпечатано с готового оригинал-макета
по заказу ИП Чибисов К.Е
в ООО «Формула Печати»
г. Москва, 121170, ул.Поклонная, 15
WWW.PRINT-FORMULA.RU

Москва 2010